

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

*Counseling Psychology
and Psychotherapy*

**Разваляева А.Ю., Польская Н.А. —
Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной
версии Опросника межличностной чувствительности**

**Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. —
Линия методологических и прикладных разработок
российской культурно-исторической клинической
психологии, ориентированной на работу
с индивидуальным случаем**

**Ильенков Э.В. —
К работе Мещерякова
(послесловие и примечания А.Д. Майданского)**

*Razvaliaeva A. Yu., Polskaya N.A. —
Psychometric Properties of the Russian Three-Factor
Interpersonal Sensitivity Measure*

*Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. —
Russian Cultural-Historical Clinical
Psychology and its Methodological and Applied
Inventions Aimed at Analysis of Individual Case*

*Ilyenkov E.V. —
On the Work of Meshcheryakov
(Afterword and Notes by A.D. Maidansky)*

4

2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

MOSCOW STATE UNIVERSITY OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION
THE FACULTY OF COUNSELING AND CLINICAL PSYCHOLOGY

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

Counseling Psychology and Psychotherapy

Том 29. № 4 (114) 2021 октябрь—декабрь

1992—2009

МОСКОВСКИЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва
Moscow

ISSN 2075-3470

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-36580

Главный редактор
А.Б. Холмогорова

Редакционная коллегия
Н.Г. Гаранян, В.К. Зарецкий, Э. Майденберг (США),
Н.А. Польская, Е.В. Филиппова,
А.Б. Холмогорова, П. Шайб (Германия)

Редактор
М.А. Москачева

Оригинал-макет
М.А. Баскакова

Адрес редакции:
127051, Москва, ул. Сретенка, 29, к. 305
Телефон: + 7 (495) 632-92-12
E-mail: moscowjournal.cpt@gmail.com
www.cppjournal.ru

Вопросы подписки и приобретения:
27051, Москва, ул. Сретенка, 29, к. 305
Телефон: + 7 (495) 632-92-12
E-mail: moscowjournal.cpt@gmail.com

*Редакция не располагает возможностью вести переписку,
не связанную с вопросами подписки и публикаций*

*Перепечатка любых материалов, опубликованных в журнале
«Консультативная психология и психотерапия»,
допускается только с разрешения редакции*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
И.А. Вельца «Иней»

© **ФГБОУ ВО МГППУ. Факультет консультативной
и клинической психологии, 2021**

Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 10,69. Тираж 1000 экз.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА5 *Холмогорова А.Б.*

Предисловие главного редактора

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ10 *Захарчук Е.В., Доценко Е.Л., Гаибов С. С.-Х.*

Психологические факторы травмоопасного поведения у детей

27 *Василенко В.Е., Савеньшева С.С., Заплетина О.О.*

Родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста

49 *Рассказова Е.И.*

Субъективная важность работы и распределение времени: связь с субъективным благополучием и увлеченностью работой при различных требованиях на рабочем месте

МАСТЕРСКАЯ И МЕТОДЫ73 *Разваляева А.Ю., Польская Н.А.*

Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной версии Опросника межличностной чувствительности

95 *Давыдова Е.Ю., Хилькевич Е.В., Хаустов А.В.,**Давыдов Д.В., Сорокин А.Б.*

Проблемы организации инклюзивной среды для работы с детьми с РАС в музеях различного профиля

111 *Корнилов В.В., Шешенин В.С., Малкина Н.А.*

Психотерапия у пациентов пожилого возраста с аффективными расстройствами в исходе патологической реакции горя

127 *Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б.*

Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ144 *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.*

Линия методологических и прикладных разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем

164 *Ильенков Э.В.*

К работе Мещерякова (послесловие и примечания А.Д. Майданского)

175 *Суворов А.В.*

Живая система (Комментарий А.В. Суворова к докладу Э.В. Ильенкова «К работе Мещерякова»)

ПАМЯТИ В.И. ОЛЕШКЕВИЧА180 *Бурлакова Н.С.*

Профессиональный путь Валерия Ивановича Олешкевича

FROM THE EDITOR

- 5 *Kholmogorova A.B.*
From the Editor

EMPIRICAL STUDIES

- 10 *Zakharchuk E.V., Dotsenko E.L., Gaibov S.S.*
Psychological Factors of Injury-Risk Behavior in Children
- 27 *Vasilenko V.E., Savenysheva S.S., Zapletina O.O.*
Parenting Stress and Daily Hassles in Mothers of Young
and Preschool Children
- 49 *Rasskazova E.I.*
Subjective Importance of Work and Time Allocation: Relationship
with Subjective Well-being and Work Engagement under Different
Job Demands

METHOD

- 73 *Razvaliaeva A. Yu., Polskaya N.A.*
Psychometric Properties of the Russian Three-Factor Interpersonal
Sensitivity Measure
- 95 *Davydova E.YU., Khilkevich E.V., Khaustov A.V.,
Davydov D.V., Sorokin A.B.*
Inclusive Environment for Working with Children with ASD
- 111 *Kornilov V.V., Sheshenin V.S., Malkina N.A.*
Organisation Problems in Different Types of Museums
- 127 *Rikel A.M., Fedorova N.V., Bovina I.B.*
Features of Psychotherapy in Elderly Patients with Affective Disorders
in The Outcome of a Pathological Reaction of Grief
- Between Grief and Pride: Visual Methods for the Study
of Intergenerational Features of Emotional Experiences and Collective
Memory of the War

THEORY AND METHODOLOGY

- 144 *Burlakova N.S., Oleshkevich V.I.*
Russian Cultural-Historical Clinical Psychology and its
Methodological and Applied Inventions Aimed at Analysis
of Individual Case
- 164 *Ilyenkov E.V.*
On the Work of Meshcheryakov (Afterword and Notes
by A.D. Maidansky)
- 175 *Suvorov A.V.*
Living System (Commentary by A.V. Suvorov to the Report
by E. Ilyenkov "To the Work of Meshcheryakov")

IN MEMORY OF V.I. OLESHKEVICH

- 180 *Burlakova N.S.*
The Professional Path of Valery Ivanovich Oleshkevich

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА FROM THE EDITOR

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Для цитаты: Холмогорова А.Б. Предисловие главного редактора // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 5—9. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290401>

FROM THE EDITOR

For citation: Kholmogorova A.B. From the Editor. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 5—9. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290401>

Последний номер этого года открывают три статьи в разделе «Эмпирические исследования», которые затрагивают тему современного родительства, с одной стороны, и психологические проблемы профессиональной деятельности — с другой. Ни для кого не секрет, что эти две сферы жизни часто вступают в конфликт в жизни современного человека, ориентированного на ценности достижений и совершенства. Ведь очень трудно реализовать себя в этих двух сферах одновременно, особенно пока дети еще не достигли взрослости. Как показывают авторы первой статьи Е.В. Захарчук, Е.Л. Доценко, С.С.Х. Гаиров, риски травматизации у детей младшего возраста чаще связаны не с особенностями их поведения, а с воспитательным стилем родителей. Этот вывод ложится на плечи родителей грузом большой ответственности, с которой им трудно справиться без помощи психолога. Данные статьи могут послужить еще одним обоснованием важной роли психологического консультирования в сфере детской травматологии и поддержать важную тенденцию к включению психологической службы в детские соматические клиники.

В следующей статье авторы В.Е. Василенко, С.С. Савенышева, О.О. Заплетина в определенном смысле продолжают тему, поднятую авторами первой статьи. Родительская ответственность оборачивается высоким уровнем родительского стресса. Авторы подтверждают ранее полученные данные о том, что у матерей из России более высокий уровень стресса по сравнению с матерями из западных стран. Ответ на вопрос, почему это так, еще предстоит найти. Но можно с уверенностью сказать, что это исследование ставит еще одну важную задачу, причем не только для исследователей, но и для практиков. Как помочь российским родителям стать более психологически компетентными и снизить уровень повседневного родительского стресса? Как помочь матерям выходить из конфликта между профессиональной самореализацией и воспитанием детей?

И как раз в следующей статье Е.И. Рассказовой обсуждаются современные проблемы стресса и выгорания на работе. Статья очень насыщена разнообразными интересными данными, но нам показался особенно важным один вывод: «... соотношение важности и вклада времени и сил в работу предсказывает удовлетворенность жизнью, негативные эмоции и эмоциональное выгорание, но не позитивные эмоции, увлеченность работой и внутреннюю мотивацию. В частности, чем больше времени и сил человек вкладывает в работу, тем слабее связь важности работы с удовлетворенностью жизнью, низким уровнем негативных эмоций и эмоционального выгорания». Итак, вновь и вновь встает вопрос о поиске баланса как условия сохранения психического здоровья, баланса между трудоголизмом и искренней увлеченностью работой, между интересами семьи и профессиональной деятельностью. Однако не менее важный вывод из данных статьи могут сделать и руководители организаций, которые ценят здоровье своих сотрудников, а именно: чрезмерно высокие и противоречивые требования руководства — одна из главных причин низкой удовлетворенности работой, стресса и выгорания на рабочем месте.

Нам представляется, что именно сейчас, когда ситуация с пандемией создает для всех большие дополнительные источники стресса, особенно важны исследования факторов стресса и психологической компетентности, которым так или иначе посвящены все три статьи из первого раздела. Поэтому редакция надеется, что публикация этих статей компенсирует отсутствие в этом номере материалов, непосредственно посвященных проблемам пандемии.

Второй традиционный раздел нашего журнала «Мастерская и методы» представляет читателям новую методику «Опросник межличностной чувствительности», которую валидизировали в русскоязычной выборке Н.А. Польская и А.Ю. Разваляева и которая, несомненно, обогатит ар-

сенал российских специалистов, интересующихся проблемой интерперсональных отношений. Сложной проблеме, особенно актуальной в эпоху ковида, связанного с ростом смертности среди пожилого населения, посвящена вторая статья, написанная психиатрами и психотерапевтами В.В. Корниловым, В.С. Шешениным и Н.А. Малкиной. Это проблема специфики оказания психотерапевтической помощи пожилым людям с аффективными расстройствами, переживающим утрату в форме патологической реакции горя. Авторы предлагают комплексный подход к проблеме, сочетающий медикаментозные и психотерапевтические методы. Большая выборка отражает значительный опыт авторов, который, несомненно, будет полезен и важен всем, кто оказывает психологическую и психотерапевтическую помощь пожилым людям в критических жизненных ситуациях.

Социализация детей с расстройствами аутистического спектра, число которых за последние годы значительно выросло, становится настоящим вызовом, как для специалистов, так и для родителей. Авторы следующей статьи, сотрудники МГППУ Е.Ю. Давыдова, Е.В. Хилькевич, А.В. Хаустов, Д.В. Давыдов и А.Б. Сорокин, в качестве важнейшего ресурса такой работы описывают способы организации инклюзивной среды для работы с детьми с РАС в различных музеях. Авторы представляют результаты масштабного опроса музейных работников в плане их готовности проводить такую работу, а также особо подчеркивают перспективы применения метода социальных историй, разработанного американским специальным педагогом Кэрл Грей для социализации детей с РАС.

Последняя, четвертая, статья в этом разделе может быть полезна для психологов-консультантов в плане различий между поколениями в психологическом восприятии истории войн, которые вела наша страна. Для изучения этих различий авторами использован оригинальный метод визуализации истории войн на основе фотографий и стимуляции воображения. Из полученных данных о различиях следуют некоторые важные выводы относительно специфики эмоциональной сферы разных возрастных групп, а именно эмпатических способностей. Авторы статьи А.М. Рикель, Н.В. Федорова, И.Б. Бовина отмечают: «... в целом более низкая «Эмпатия» у молодого поколения соотносится с полученными в предыдущих исследованиях данными о преобладании стратегии конкуренции над кооперацией в межличностных отношениях у «игреков» [20], что также можно объяснить условиями их социализации в полноценной рыночной конкурентной среде.». Многочисленные указания в современной психологической литературе на растущую выраженность нарциссических черт у молодого поколения подтверждают этот печальный вывод. Интересно также преобладание чувства гордости над чувством

горя в связи с Великой Отечественной Войной, что может говорить о до сих пор существующих трудностях осознания и отреагирования этого горя у всех поколений населения России.

Последний раздел номера посвящен методологическим вопросам психологии и в этом выпуске занимает совершенно особое место. Нашему журналу выпала честь опубликовать редкие архивные материалы из работ Э.В. Ильенкова, посвященные уникальному проекту воспитания слепоглухонемых детей, который был развернут им вместе с А.И. Мещеряковым и до сих пор остается легендой, педагогическим подвигом. Текст подготовлен к печати А.Д. Майданским, которому редакция выражает благодарность за обращение в наш журнал, который все годы своего существования поддерживает традиции культурно-исторической психологии в психотерапии и психологическом консультировании. Вдвойне уникальной делают эту публикацию комментарии А.В. Суворова — человека, который вырос в этом детском доме для слепо-глухонемых детей, прочувствовал на себе всю мощь разработанного уникального педагогического метода и стал психологом, доктором психологических наук. Поэтому именно ему мы рады предоставить слово для пояснений к статье Э.В. Ильенкова.

Традиция культурно-исторической психологии продолжает развиваться в нашей стране многочисленными последователями Л.С. Выготского, 125 лет со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. И вот, так случилось, что завершает наш номер статья на очень важную для современных специалистов, развивающих традицию Л.С. Выготского, тему: специфика метода анализа индивидуальных случаев в культурно-исторической психологии. Это совместная статья замечательного супружеского и профессионального тандема двух известных клинических психологов — В.И. Олешкевича и Н.С. Бурлаковой.

Несчетное количество статей написано за все эти годы последователями Л.С. Выготского, и уже трудно найти новую тему или новый ракурс ее анализа. Но авторам это удастся, и основная идея статьи емко сформулирована ими так: «Сопоставляя значение индивидуального случая в культурно-исторической психологии и значение индивидуального случая в современных качественных исследованиях, подчеркнем, что в последних случай может иметь самостоятельное значение и рассматриваться сугубо эмпирически, безотносительно к какой-либо теории. В культурно-исторической психологии индивидуальный случай не может существовать без теоретического обрамления, случай как бы следует за теорией».

Так случилось, что эта статья стала последней из наследия Валерия Ивановича Олешкевича, покинувшего нас в этом году после тяжелой и продолжительной болезни. Мы попросили Наталью Семеновну напи-

сать для журнала небольшой текст о профессиональном пути Валерия Ивановича и выражаем ей благодарность за сотрудничество и глубокое сочувствие в связи с этой тяжелой и безвременной утратой. При чтении этого текста возникает удивление, как много успел Валерий Иванович, как много тем затронул и как много наметил новых исследовательских задач, неустанно развивая традиции и идеи культурно-исторической психологии. Светлая ему память...

Непростой год, полный тревоги и утрат, заканчивается. И мы, как всегда, от лица всей редакции поздравляем наших читателей с наступающим Новым годом и выражаем надежду, что он принесет больше определенности, больше надежды, больше встреч друг с другом не в окошках зума, а в кафе, офисах, рабочих кабинетах и у себя дома!

С наступающим, дорогие читатели, здоровья Вам, творческих профессиональных успехов и оптимизма! Как показала посвященная ковиду статья предшествующего номера нашего журнала, именно оптимизм помогает нам справляться со стрессом пандемии!

А.Б. Холмогорова

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EMPIRICAL STUDIES

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАВМООПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ

Е.В. ЗАХАРЧУК

Тюменский государственный медицинский университет
(ФГБОУ ВО «ТюмГМУ»), Тюменский государственный университет
(ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), Тюменская областная клиническая больница
№ 2 (ГБУЗ ТО «ОКБ № 2 г. Тюмени»), Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-5219>,
e-mail: katgor@yandex.ru

Е.Л. ДОЦЕНКО

Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»),
Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9651-0555>,
e-mail: dotsenko_e@bk.ru

С. С.-Х. ГАЙБОВ

Тюменский государственный медицинский университет
(ФГБОУ ВО «ТюмГМУ»), Тюменская областная клиническая больница
№ 2 (ГБУЗ ТО «ОКБ № 2 г. Тюмени»), Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5554-4588>,
e-mail: s-stavros@mail.ru

В статье приводятся данные изучения факторов, способствующих возникновению повторных непреднамеренных физических травм у детей в возрасте 5–10 лет. Предложена модель факторов риска повторного непреднамеренного травматизма у детей, которая может быть использована в практической деятельности не только врача, но и психолога. Изучались индивидуально-пси-

хологические особенности детей и особенности социальной ситуации их развития. Обнаружено, что сочетание указанных факторов может быть причиной повторных физических травм ребенка. В частности, выявлена особая роль условий в семье, а также существенная необходимость различать истинную и ложную гиперактивность у детей. Показано, что по каждому отдельному ребенку в случае травмы возможно определить лицо или лиц, на чью компетентность следует ориентироваться в случаях профилактической работы повторного непреднамеренного травматизма и определить степень возлагаемой на них ответственности. Обсуждаются возможности психолога-консультанта по диагностике факторов риска травм у детей и перспектив консультативной работы.

Ключевые слова: повторные непреднамеренные травмы у детей, травмоопасное поведение, факторы повторных физических травм, гиперактивность, психологическое консультирование.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках гранта РФФИ «Психологические предпосылки повторных физических травм у детей (организационно-клиническое сопровождение)» (проект № 19-313-90036).

Благодарности. Авторы выражают благодарность: за помощь в сборе данных для исследования студентке 6-го курса лечебного факультета Тюменского государственного медицинского университета Титовой Валерии Александровне; обработку данных исследования кандидату экономических наук, доценту кафедры алгебры и математической логики Института математики и компьютерных наук Тюменского государственного университета Вершининой Светлане Валерьевне; за перевод текстов доктору филологических наук, профессору кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Института государства и права Тюменского государственного университета Хвесько Тамаре Владимировне.

Для цитаты: *Захарчук Е.В., Доценко Е.Л., Гаибов С. С.-Х.* Психологические факторы травмоопасного поведения у детей // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 10—26. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290402>

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF INJURY-RISK BEHAVIOR IN CHILDREN

EKATERINA V. ZAKHARCHUK

Tyumen State Medical University, University of Tyumen, Regional State Hospital № 2, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-5219>,
e-mail: katgor@yandex.ru

EVGENIY L. DOTSENKO

University of Tyumen, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9651-0555>,
e-mail: dotsenko_e@bk.ru

SAYDI S. GAIBOV

Tyumen State Medical University, Regional State Hospital № 2,
Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5554-4588>,

e-mail: s-stavros@mail.ru

The article presents data on the study of factors that contribute to the occurrence of repeated physical injuries in children aged 5–10 years. A model of risk factors for repeated injuries in children is proposed, which can be used in practice not only by a doctor, but also by a psychologist. We studied individual psychological characteristics of children, features of the social situation of the child's development. It was found that a specific combination of these factors can actually cause repeated physical injuries in the child. In particular, the special role of conditions in the family was revealed, as well as the essential need to distinguish between true and false hyperactivity in children. It is shown that each individual child in the case of injury needs a person whose competence will help in preventive treatment of repeated injuries. The degree of responsibility of the person should be determined. The possibilities of a psychologist-consultant for the prognosis of risk factors and prospects for consultations are discussed.

Keywords: re-injuries in children, traumatic behavior, factors of repeated physical injuries, hyperactivity, psychological counseling.

Funding. This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation (project № 19-313-90036).

Acknowledgements. The authors are grateful for the assistance in collecting data for the research to the 6th year student of the Faculty of Medicine, Tyumen State Medical University, V.A. Titova, to the PhD, associate professor of the Department of Algebra and Mathematical Logic of the Institute of Mathematics and Computer Science for processing the data for the research S.V. Vershinina., to the PhD, professor of the department of foreign languages and intercultural professional communication of the Institute of State and Law of University of Tyumen, T.V. Khvesko for help in translation of the texts.

For citation: Zakharchuk E.V., Dotsenko E.L., Gaibov S.S. Psychological Factors of Injury-Risk Behavior in Children. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 10–26. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290402>

Введение

Детский травматизм остается серьезной социально-экономической проблемой. Профилактика травматизма — важная социальная задача общества [2; 22], необходимы специальные меры для защиты прав детей на здоровье и безопасную окружающую среду, где риск получения травмы сведен к минимуму [8].

Обстоятельства возникновения травм у детей и взрослых существенно отличаются, поэтому в посттравматической работе специалистам требуется комплексно учитывать и особенности факторов, обусловивших факт травмы ребенка [14; 26]. В той мере, в которой эти особенности оказали влияние на травматическое событие впервые, они способны обусловить и повторные травмы у детей [29].

После того как врачи неотложной помощи выполнили свое дело, ребенок часто оказывается без присмотра необходимого специалиста. Таким образом, обнаруживаются трудности, как у родителей, так и у врачей.

Родители или замещающие их лица пытаются объяснять причины частого травматизма детей повышенной двигательной активностью, непоседливостью, несовершенством моторных навыков и координации движений, пониженным чувством опасности и т. п. Но вопросы у них не исчезают, они не знают к кому обратиться после повторной травмы, как проводить профилактику травм. Как правило, родители детей с повторными травмами озадачивают именно врачей, задают им множество вопросов, возлагают на них надежды по профилактике травм. Врачи комплексно обследуют детей, но проблема не решается, ребенок не прекращает травмироваться.

Некоторые проницательные врачи пробуют обратить внимание на семейную ситуацию, но часто они наталкиваются на сопротивление членов семьи, неготовность осознать проблему травматизма как семейную трудность. В этом случае может быть рекомендована консультация психолога. Результаты настоящего исследования позволяют психологам лучше понять механизмы повторных непреднамеренных травм у детей, точнее ставить консультативные задачи.

Цель работы — выявить факторы повторного травматизма у детей в возрасте 5—10 лет, наметить перспективы их преодоления в психологическом консультировании.

Среди таких факторов можно выделить две группы. К первой относятся индивидуальные особенности ребенка: от личностных до физиологических [10; 19; 30]. В таком случае ответственность за повторяющиеся травмы возлагается преимущественно на самих же детей.

Систематический обзор и метаанализ 32 исследований показал, что синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) ребенка связан с повышенным риском непреднамеренных травм [33; 34]. Среди других особенностей самого ребенка, которые важно учитывать при разработке программ профилактики рискованного поведения, обозначаются не только установки по отношению к опасности, но и особенности эмоциональной сферы [30].

Скрининговое исследование, проведенное в Турции, показало, что из 1413 детей в возрасте от 6 до 18 лет, которым впервые был постав-

лен диагноз СДВГ, 12,8% имели опыт случайных травм, при этом предикторами травматизма выступал также низкий уровень образования матери [27].

Вторая группа факторов — особенности социальной ситуации ребенка. Немало работ, в которых анализируют работу образовательного учреждения и поведение его сотрудников в рамках физических непреднамеренных травм у детей [18; 20].

Гораздо реже обнаруживаются исследования, в которых повторный детский травматизм стараются понять через особенности микросоциальной ситуации развития ребенка в семье [24]. Однако системно организованных исследований в доступной нам литературе обнаружить не удалось. Соответственно, и в массовом сознании не сформирована мысль, что травмоопасное поведение у детей обусловлено факторами, часть которых находится в пределах семейной ситуации [12]. Микросоциальным факторам риска непреднамеренных травм у детей больше внимания уделяется в зарубежных работах [31], в частности изучают особенности взаимодействия родителей с ребенком, социальный статус и установки родителей [28; 25]. Исследование с участием 145 матерей из неблагополучных районов Филадельфии показало, что матери, имевшие историю взаимодействия со службами защиты детей в связи с пренебрежением базовыми потребностями ребенка, недостаточным присмотром взрослых («child neglect»), значимо чаще соглашались с утверждениями о случайности происхождения травм [28]. Интервью с 222 родителями об особенностях присмотра за ребенком свидетельствуют, что в момент получения травмы дети значимо чаще находились вне зоны досягаемости родителей, чем за час до нее [35].

Экологическая теория У. Бронфенбреннера является одним из наиболее приемлемых объяснений влияния социальной среды на развитие людей. Таким образом, можно предположить, что риски травмоопасного поведения у ребенка связаны с контекстом семейной среды и более широкой культурной среды (от микросистемы до макросистемы).

Все многообразные факторы, выявленные в научной литературе, были упорядочены в матрицу — модель ситуации развития ребенка (табл. 1). Модель образована двумя измерениями. Горизонтальное — индивидуальное (особенности ребенка) и социальное (его ситуация развития). Вертикальное — степень зависимости факторов от контролирующих их субъектов.

Нумерация ячеек отражает ранг доступности фактора для внесения изменений со стороны психолога-консультанта (1 — максимальные возможности, 9 — минимальные). Тонированные ячейки примерно охватывают основные зоны компетентности психолога-консультанта. Объекты работы, обозначенные в первой строке, лучше всего соответствуют его

Т а б л и ц а 1

Модель факторов риска повторного детского травматизма

Возможность психотерапевтической интервенции	А. Индивидуально-психологические особенности ребенка	Б. Особенности социальной ситуации развития ребенка	
		В семье	В учреждении
<i>Высокая</i>	1. Личностные (жизненная позиция, опыт)	2. Индивидуально-психологические особенности родителей или заменяющих их лиц	3. Индивидуально-психологические особенности педагогов
<i>Средняя</i>	4. Особенности характера и темперамента	5. Стиль воспитания, принятый в семье	6. Стиль воспитания, принятый в общеобразовательном учреждении
<i>Слабая</i>	7. Физиологические и нейро-психологические	8. Социально-психологические характеристики семьи	9. Социально-психологические характеристики коллектива образовательного учреждения
<i>Прогноз рисков повторных травм</i>	<i>Надежный</i>	<i>Средний</i>	<i>Ненадежен</i>

компетенциям и возможностям. Личностные особенности — это скорее постоянный переходный процесс, их возможно при желании изменять. Личность состоит из характера (темперамента и усвоенных привычек) и поведения. Темперамент же является биологической частью нашей личности, которая закладывается генами. Характер объединяет наши врожденные и приобретенные качества, но он не так стабилен, как темперамент. В связи с этим, несколько труднее повлиять на характер ребенка (ячейка 4) [5], как и изменить стиль воспитания в семье (ячейка 5). Маловероятно для психолога-консультанта и оказать воздействие на стиль воспитания, принятый в общеобразовательном учреждении (ячейка 6); это может сделать психолог учреждения или приглашенный специалист.

В третьей строке остается одна ячейка (7), где психолог-консультант еще способен что-то сделать, и то весьма ограничено. Клиентом может оказаться ребенок с истинной гиперактивностью (обусловленной трудностями мозговых структур и связей). При наличии у ребенка физиологических нейропроблем работа будет более трудоемкой [11], поэтому

резонно направить ребенка к нейропсихологу, неврологу и др., наладив сотрудничество с ними.

Прогноз рисков повторных травм (нижняя строка в таблице) трудно дать, опираясь лишь на социально-психологические характеристики коллектива образовательного учреждения (ячейки 3, 6, 9). Заметно надежнее удастся оценить риски повторной травматизации, опираясь на особенности семейной ситуации развития ребенка (ячейки 2, 5, 8), и еще лучше — на основе анализа особенностей самого ребенка (ячейки 1, 4, 7).

Психолог способен оценить риски по каждой ячейке модели отдельно, так ему станет яснее, с каким специалистом следует сотрудничать, к какому специалисту следует направить родителей или лиц, их замещающих, за дополнительной помощью. По мере рассмотрения модели вдоль левой стороны обнаруживается шкала сотрудничества сфер деятельности психолога (верхний левый угол), нейропсихолога и врача (нижний левый угол). А вдоль верхней стороны выстраивается шкала взаимодействия психолога, социального педагога, психолога-педагога (правый верхний угол). В правом нижнем углу модели нишу курации проблем занимает организационный психолог и администрация детских учреждений. Таким образом, модель показывает, как объединяется взаимодействие нескольких специалистов в рамках профилактики травм у детей.

Как видим, модель позволяет по каждому случаю травмы ребенка указать факторы, на которые следует ориентироваться в консультативном процессе, определить степень ответственности вовлеченных в события людей, а также на чью компетентность можно опереться, с кем или с чем следует работать в приоритетном порядке. Если же в ситуацию будут вовлечены органы правосудия, модель дает возможность корректно спланировать обследование и составить сбалансированное экспертное заключение. При сборе необходимых сведений можно будет указать, на ком лежит основная ответственность (на родителе, семье, педагоге, учреждении), а на ком — косвенная.

Были выдвинуты *гипотезы*: 1) существуют факторы, которые могут способствовать повторным непреднамеренным травмам ребенка; 2) повышенная двигательная активность у ребенка имеет разные механизмы своей реализации — истинную и ложную гиперактивность.

Методы и процедура исследования

Выборка. Исследование проводилось в 2016—2019 гг. на базе ГБУЗ ТО ОКБ № 2 г. Тюмени. В нем приняли участие 450 испытуемых: 225 детей (156 мальчиков и 69 девочек), из них 75 детей с повторными (≥ 2) травмами (экспериментальная группа), 75 детей с одной травмой (груп-

па сравнения) и 75 детей без травм (контрольная группа), в возрасте от 5 до 10 лет и 225 взрослых (родителей и/или лиц их замещающих) в возрасте от 24 до 76 лет.

Методики. Детям предложены проективные методики «Несуществующее животное» [9; 15], «Кинетический рисунок семьи» [3], «Семейная социограмма» [23], и ними проводилась нейропсихологическая экспресс-диагностика [21]. В работе со взрослыми использовались следующие методики: интервью с родителями, авторские анкеты («Каким я вижу своего ребенка в настоящее время», «Моя семья»), тест на гиперактивность ребенка [13], модифицированная шкала «Субъективная оценка родителями своего стиля воспитания» (мин. оценка — 0, макс. — 7) [4; 16; 17; 23]. Математико-статистическая обработка выполнена с использованием пакета программ SPSS Statistics v.23.0.

Результаты и их обсуждение

Приведены некоторые основные переменные, по которым обнаружены статистическая значимость.

Однофакторный дисперсионный анализ по изучению взаимосвязи по шкалам модифицированной методики «Стиль воспитания» для родителей (санкции в отношении ребенка за проступки, протекция родителей в воспитании детей, обязанности ребенка, учет родителями потребностей ребенка, требования родителей к ребенку и уровню травматизма у детей в 3 группах) показал следующие результаты. Выявлены значимые различия между группами по показателям: «Санкции в отношении ребенка за проступки» и «Протекция родителей ($p \leq 0,05$). Использовался критерий согласия Фишера—Снедекора (F факт. сравнивалось с F крит = 3,11).

При оценке модального значения переменных отмечено, что родители экспериментальной группы чаще гиперопекают детей, строже их наказывают, у детей недостаточно обязанностей в семье, родители к ним менее требовательны, чем родители к детям из контрольной группы.

При анализе проективных методик выявлено, что дети из группы с двумя и более травмами более тревожны, ощущают конфликты и испытывают чувство неполноценности в семье, чем дети из группы, где нет травм ($p \leq 0,05$). Для обработки данных использовался критерий χ^2 Пирсона.

Для удобства анализа мы разделили все исследуемые характеристики на 2 группы. В одну включили характеристики личностного состояния детей: высокую тревожность, чувство неполноценности в семье и ощущение конфликтности в семейной ситуации. Дети экспериментальной группы оказываются в состоянии противоречивого дисбаланса, что

можно расценить как дезориентацию и стрессовое состояние. В другую группу вошли характеристики, отражающие отношения с родителями. Обнаруживается небрежное отношение родителей к детям из экспериментальной группы [24; 28; 31]. Родители гиперопекают своих детей, строже их наказывают, недостаточно делегируют им обязанностей в семье, менее требовательны к ним, чем родители к детям из контрольной группы и группы сравнения. Таким образом, получила подтверждение гипотеза о наличии факторов, которые могут способствовать повторным непреднамеренным травмам ребенка.

Примечательно, что взрослые считают детей гиперактивными только на том основании, что ребенок очень много двигается, непоседлив. В группе детей с повторными травмами 61% родителей отмечают поведение своих детей как гиперактивное, в группе детей без травм таких родителей 26,7% ($p < 0,001$). Ошибка в том, что другие проявления гиперактивности родителями (концентрация внимания, речевые дисфункции, когнитивные изменения) объективно не учитываются.

Для проверки гипотезы 2 были проведены нейропсихологическая диагностика и осмотр детей врачом психоневрологом. Количество детей с объективными нарушениями, позволяющими считать детей гиперактивными, резко сократилось. В экспериментальной группе диагноз СДВГ поставлен врачом только в 21,3% наблюдений ($p < 0,001$), нейропсихологом отмечены дисфункциональные симптомокомплексы в 12% наблюдений ($p < 0,001$); в контрольной группе в 6,7% ($p = 0,002$) и 5,3% случаях соответственно ($p < 0,001$). Для определения значимости различий в долях признака использовали критерий «угловое преобразование Фишера». ($0,01 < p \leq 0,001$ — высоко значимые различия; $p < 0,001$ — очень высоко значимые различия).

Гипотеза 2 подтвердилась. Признаки, позволяющие психологу-консультанту дифференцировать истинную и ложную гиперактивность, будут приведены ниже.

В данном исследовании механизмы формирования повышенной двигательной активности ребенка объясняются следующим. Ребенок, живущий в слабоструктурированных микросоциальных условиях, вынужден иметь дело с высокой неопределенностью в отношении последствий своих действий. С одной стороны, это открывает перед ним широкие возможности для маневра, что побуждает к опробованию разных путей испытания себя. С другой стороны, платить приходится высоким напряжением (хронический стресс) и повышенной тревожностью, что ведет к снижению чувствительности (защитная десенсибилизация), к возможным рискам, затрудняет оценку степени их реальности. Складывается особый рисунок поведения, который уместно определить как травмоопасное поведение (повышающее риск непреднамеренного травмирования ребенка). Участ-

никами травматической ситуации являются не только дети, но и их родители или люди, вовлеченные в контакт с детьми в детском саду, школе и др. [32]. Ребенок пытается справиться с биологическими (реже) и социальными (в основном) факторами посредством своей активности. Чем больше проблем встает перед ребенком, тем больше различных «гипер» появляется в его поведении. Родители не осознают, что травмоопасное поведение их детей в основном обусловлено внутрисемейными факторами, такими как распорядок дня, стиль взаимоотношений родителей с членами семьи, а не только индивидуальные особенности детей и. С помощью травмы ребенок частично гармонизирует отношения с родителями, поэтому не удивительно возникновение вторичной выгоды такого поведения.

Векторы внимания в работе психолога-консультанта с часто травмирующимися детьми

Ориентируясь на модель (табл.1), надо понять, какие именно из заданных в ней факторов актуализированы в ситуации развития данного ребенка. Важный момент анализа ситуации — выявление лиц, которые могут участвовать в формировании микросоциальной среды, травмоопасной для данного ребенка: родители или лица их замещающие, ближайшие родственники (бабушки, дедушки), няни, педагоги. Из их числа выявляем тех, кому необходимо психологическое консультирование с целью профилактики детских повторных непреднамеренных травм.

Гиперпротекцией родители затрудняют становление самостоятельности ребенка, когда несоразмерно строго наказывают ребенка, дезориентируют его в системе оценок и критериев «хорошо/плохо». При слабом учете потребностей ребенка взрослые порождают ощущение дефицита на эмоциональное и другое принятие, формируют ослабленные внутренние ограничения.

Психологу-консультанту для работы может (зависит от задачи) потребоваться заключение специалиста, например, врача или педагога, или же иной уточняющий документ. Снять сомнения может помочь нейропсихолог, выполнив соответствующую диагностику. Синдромный нейропсихологический анализ даст основание сделать вывод о нарушении определенных анализаторных систем или их взаимодействия, или о наличии дисфункции мозговых систем, поставить топический диагноз, укажет направление, в котором следует вести коррекционную работу [1].

Диагноз «синдром дефицита внимания и гиперактивности» ставит только врач, как правило, невролог или психиатр; соответственно, направлять к нему, скорее всего, стоит для решения официальных и правовых задач.

Таким образом, в зависимости от результата психолог способен решить, с какого рода смежными специалистами надо установить контакт и наладить сотрудничество. Этой же схемой можно воспользоваться и при организации обследования для составления заключения специалиста по определению суда, по запросу структур соцзащиты и прочих.

По завершении анализа ситуации психолог гораздо точнее наметит мишени для интервенции, сформулирует задачи дальнейшей консультативной работы. Опираясь на результаты нашего эмпирического исследования, сформулируем возможные коррекционные задачи в отношении родителей. Необходимо предоставить им возможность занять активную позицию по отношению к своей жизни, сделать осознанный выбор вариантов поведения, взять на себя ответственность за безопасность жизнедеятельности детей. Помочь родителям понять процессы, происходящие в семье, помочь совершить осознанный поступок: планомерно вместе со специалистом выделить наиболее вероятные причины травмоопасного поведения детей в данных конкретных жизненных условиях, — понять, чем поможет специалист ребенку и чем может помочь ребенку сам родитель, предоставить возможность осознать необходимость и важность структурированности повседневной активности, например, дисциплинированности в мелких социальных ситуациях, проследить, чтоб у ребенка появилось достаточное количество правил, надежно защищающих его от крайностей в поведении, порождающих риски грубых ошибок и травматизации. Важно предоставить возможность родителям осознать необходимость договоренности с членами семьи об одинаковых и единообразных требованиях к ребенку, помочь осознать необходимость и очертить круг обязанностей ребенка, таких, которые позволили бы стабилизировать активность на оптимальном для конкретного ребенка уровне. Родителям необходимо оценить важность самостоятельности ребенка в принятии повседневных решений, когда цена ошибки невелика, и выполнении рутинных действий; осознать важность и необходимость душевной (в ряде случаев духовной) близости к ребенку.

Выводы и перспективы исследования

1. Показаны возможности предложенной модели факторов риска повторного детского травматизма для обследования с диагностическими и экспертными целями, а также для консультативной работы.

2. Эмпирически выявлены факторы повторного травматизма у детей в возрасте 5—10 лет: тревожность ребенка, чувство неполноценности, ощущение конфликтов в семье, гиперопека со стороны родителей, избыточные санкции за проступки ребенка, размытые обязанности,

делегированные взрослыми, противоречивые требования к ребенку. Причины травмоопасного поведения детей обнаруживаются не столько в самих детях, сколько в их воспитании, в отношениях родителей, в микросоциуме.

3. С опорой на результаты исследования были обсуждены следующие направления работы психолога-консультанта: определить признаки травмоопасного поведения у ребенка, степень рисков; оценить выраженность факторов, обуславливающих травмоопасное поведения ребенка; дифференцировать истинную и ложную гиперактивность; оценить необходимость вовлечения в работу смежных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алипбаева С.Б., Бекболатова С.Р.* Методы диагностики синдрома гиперактивности с дефицитом внимания в условиях психолого-медико-педагогической консультации // Медицина. Психиатрия. 2013. Т. 8. С. 64—66.
2. *Баиндурашвили А.Г., Маревская Н.Н., Соловьева К.С.* Детский травматизм. Взгляд клинициста и страховщика // Педиатр. 2010. Т. 1. № 1. С. 96—180.
3. *Бернс Р.С., Кауфман Х.С.* Кинетический рисунок семьи. М.: Смысл, 2000. 160 с.
4. *Бороздина Л.В.* Теоретико-экспериментальное исследование самооценки: дисс. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1999. 23 с.
5. *Волков Б.С., Волкова Н.В.* Детская психология: От рождения до школы. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
6. Всемирный доклад о профилактике детского травматизма: резюме / Всемирная организация здравоохранения. Женева: ВОЗ, 2008. 39 с.
7. *Гулиева К.С.* Социальные факторы риска травматизма у детей // Материалы молодежного научного форума «Естественные и медицинские науки» (г. Оренбург, 2017 г.). Оренбург, 2017. С. 24—28.
8. Доклад о профилактике детского травматизма в Европе. Копенгаген: ЕРБ ВОЗ, 2009. 117 с.
9. *Дукаревич М.З.* Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во Моск. гос. унт-та, 1990. 160 с.
10. *Ермакова Г.К.* Психолого-педагогическая характеристика детей, получивших травмы // Профилактика и лечение травм у детей. Л.: Ленингр. н.-и. дет. ортопед. ин-т. имени Г.И. Турнера, 1983. С. 57—63.
11. *Заваденко Н.Н.* Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2018. 274 с.
12. *Захарчук Е.В.* Психологические аспекты работы с травмоопасным поведением детей // Материалы междунар. науч. конф. «Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал» (г. Красноярск, 2016 г.). Красноярск: Изд-во КрасГМУ, 2016. Т. 1. С. 17—26.
13. *Лютова Е.К., Моница Г.Б.* Шпаргалка для родителей: Психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми. СПб.: Речь, 2007. 136 с.

14. Меркулов В.Н., Дорохин А.И., Бухтин К.М. Детская травматология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. 256 с.
15. Музыченко Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». СПб.: Речь, 2013. 555 с.
16. Резапкина Г.В. Методика «Психологический портрет учителя» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психодиагностика в современном мире» (г. Екатеринбург, 25—26 мая 2012 г.). Екатеринбург: Рос. гос. проф. пед. ун-т, 2012. С. 112—129.
17. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 448 с.
18. Рупление Ф.В. Детский травматизм в возрастном аспекте, его профилактика и роль общественности в борьбе с ним: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Рига, 1998 г. 420 с.
19. Ступницкая М.А. Травматизм у детей школьного возраста: причина и профилактика // Школа здоровья. 2001. № 4. 196 с.
20. Спиридонов А.В. Медико-социальная профилактика детского травматизма в крупном городе с учетом семьи (на примере города Казани): автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Казань, 2007. 21 с.
21. Симерницкая Э.Г. Нейропсихологическая методика экспресс диагностики «Лурия-90». М.: Общество «Знание», 1991. 48 с.
22. Соловьева К.С., Баиндурашвили А.Г., Залетина А.В. Травматизм и ортопедическая заболеваемость детей России в 2013 г. Организация специализированной помощи детскому населению // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. 2014. Т. 2. № 4. С. 3—7.
23. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
24. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
25. Ablewhite J., Peel I., McDaid L., et al. Parental perceptions of barriers and facilitators to preventing child unintentional injuries within the home: a qualitative study // BMC Public Health. 2015. Vol. 15. P. 280. DOI: 10.1186/s12889-015-1547-2
26. Andrejeva J., Kasradze M., Mockiene A., et al. The Impact of TRX Suspension Training on Patient's Balance, Coordination and Quality of Life after Traumatic Brain Injury // Georgian Med News. 2020. № 298. P. 119—122.
27. Ayaz A.B., Ayaz M., Şentürk E., et al. Factors related with unintentional injuries in children with newly diagnosed attention-deficit/hyperactivity disorder // International Journal of Injury Control and Safety Promotion. 2016. Vol. 23 (1). P. 93—98. DOI: 10.1080/17457300.2014.969279
28. Azar S.T., Miller E.A., Stevenson M.T., et al. Social Cognition, Child Neglect, and Child Injury Risk: The Contribution of Maternal Social Information Processing to Maladaptive Injury Prevention Beliefs Within a High-Risk Sample // Journal of Pediatric Psychology. 2017. № 42(7). P.759—767. DOI: 10.1093/jpepsy/jsw067
29. Zakharchuk E., Dotsenko E., Khvesko T., et al. Neuropsychological and/or psychological factors traumatic behavior of children under the age of 10 years //

International journal of psychology: a biopsychosocial approach. 2020. № 23. DOI: <https://doi.org/10.7220/2345-024X.23>

30. *Morrongiello B.A., Matheis S.* Understanding Children's Injury-risk Behaviors: The Independent Contributions of Cognitions and Emotions // *Journal of Pediatric Psychology*. 2007. Vol. 32(8). P. 926—937. DOI:10.1093/jpepsy/jsm027
31. *Ordonana J. R., Caspi A., Moffitt T. E.* Unintentional Injuries in a Twin Study of Preschool Children: Environmental, Not Genetic, Risk Factors // *Journal of Pediatric Psychology*. 2008. Vol. 33(2). P. 185—94. DOI:10.1093/jpepsy/jsm041
32. *Ponsford J.L., Draper K., Schönberger M.* Functional outcome 10 years after traumatic brain injury: Its relationship with demographic, injury severity, and cognitive and emotional status // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2008. № 14. P. 233—242.
33. *Ruiz-Goikoetxea M., Cortese S., Aznarez-Sanado M., et al.* Risk of unintentional injuries in children and adolescents with ADHD and the impact of ADHD medications: A systematic review and meta-analysis // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2018. Vol. 84. P. 63—71. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2017.11.007
34. *Shi X., Shi J., Wheeler K.K., et al.* Unintentional injuries in children with disabilities: a systematic review and meta-analysis // *Inj. Epidemiol.* 2015. Vol. 2(1). P. 21. DOI:10.1186/s40621-015-0053-4
35. *Schnitzer P.G., Dowd D., Kruse R.L., et al.* Supervision and risk of unintentional injury in young children // *Injury prevention*. 2015. Vol. 21. P. 63—70. DOI: 10.1136/injuryprev-2013-041128

REFERENCES

1. Alipbaeva S.B., Bekbolatova S.R. Metody diagnostiki sindroma giperaktivnosti s deficitom vnimanija v uslovijah psihologo-mediko-pedagogicheskoj konsul'tacii [Methods for the diagnosis of attention deficit hyperactivity disorder in the context of psychological, medical and pedagogical consultation]. *Medicina. Psihijatrija [Medicine Psychiatry]*, 2013, № 8, pp. 64—66.
2. Baidurashvili A.G., Marevskaja N.N., Solov'eva K.S. Detskij travmatizm. Vzglyad klinicista i strahovshhika [Children's injuries. View of the clinician and insurer]. *Pediatr [Pediatrician]*, 2010, Vol. 1(1), pp. 96—180.
3. Berns R.S., Kaufman H.S. Kineticheskij risunok sem'I [Kinetic family drawing]. Moscow: Smysl, 2000. 160 p.
4. Borozdina L.V. Teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie samoocenki [Theoretical and experimental research of self-esteem]: dis. ... dokt. psihol. nauk. Moscow: MGU, 1999. 23 p.
5. Volkov B.S., Volkova N.V. Detskaja psihologija: Ot rozhdenija do shkoly [child psychology: From birth to school]. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 240 p.
6. Vsemirnyj doklad o profilaktike detskogo travmatizma: rezjume [World Report on Child Injury Prevention: summary]. Vsemirnaja organizacija zdravoohranjenija [World Health Organization]. Zheneva: VOZ, 2008. 39 p.
7. Gulieva K.S. Social'nye faktory riska travmatizma u detej [Children injuries and Social risk factors]. *Materialy molodezhnogo nauchnogo foruma «Estestvennye i medicinskie nauki» [Materials of the Youth scientific forum "Natural and Medical Sciences"]* (Orenburg, 2017). Pp. 24—28.

8. Doklad o profilaktike detskogo travmatizma v Evropie [Report on the prevention of childhood injuries in Europe] Kopenhagen: ERB VOZ, 2009. 117 p.
9. Dukarevich M.Z. Risunok nesushhestvujushhego zhivotnogo [Drawing of a non-existent animal]. *Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivacii i samoreguljacii [Practicum on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation]*. M.: Publ. Moscow. gos. unt-ta [Moscow state university], 1990. 160 p.
10. Ermakova G.K. Psihologo-pedagogicheskaja harakteristika detej, poluchivshih travmy. Profilaktika i lechenie travm u detej [Prevention and treatment of injuries for children]. Leningrad.: Leningr. n. — i. det. ortoped. in-t. im. G.I.Turnera [Federal Government Budgetary Institution G. Turner National Medical Research Center for Pediatric Orthopedics and Trauma Surgery of the Ministry of Health of the Russian Federation], 1983, pp. 57—63.
11. Zavadenko N.N. Giperaktivnost' i deficit vnimanija v detskom vozraste [Hyperactivity and attention deficit in childhood]: Uchebnoe posobie dlja vuzov [study guide for universities]. Moscow.: Publ. Jurajt, 2018. 274 p.
12. Zaharchuk E.V. Psihologicheskie aspekty raboty s travmoopasnym povedeniem dete [Human psychological health: a vital resource and life potential]. *Materialy mezhdunar. nauch. konf. «Psihologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznennyj resurs i zhiznennyj potencial» [Materials of the conference “Human psychological health: life resource and life potential”]*(gKrasnojarsk, 2016). Publ. KrasGMU, 2016, pp.17—26.
13. Ljutova E.K., Monina G.B. Shpargalka dlja roditel'ej: Psihokorrekcionnaja rabota s giperaktivnymi, agressivnymi, trevozhnymi i autichnymi det'mi [Crib for parents. Psychocorrectional work with hyperactive, aggressive, anxious people] SPb.: Rech', 2007. 136 p.
14. Merkulov V.N., Dorohin A.I., Buhtin K.M Detskaja travmatologija [Pediatric traumatology] Moskva: GJeOTAR — Media, 2019. 256 p.
15. Muzychenko G.F. Proektivnaja metodika «Nesushhestvujushhee zhivotnoe» [Non-existent animal]. SPb.: Rech', 2013. 555 p.
16. Rezapkina G.V. Metodika «Psihologicheskij portret uchitel'ja. [Psychological portrait of the teacher: the experience of self-diagnosis], *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Psihodiagnostika v sovremennom mire» [Materials of the conference “Psychodiagnostics in the modern world”]* (g. Ekaterinburg: 25-26 maja 2012 g.) Ekaterinburg: Ros. gos. prof. — ped. un-t, 2012, pp. 112—129.
17. Rubinshtejn S.Ja. Jeksperimental'nye metodiki patopsihologii [Experimental methods of pathopsychology and experience them application] M.: ZAO Izd-vo JeKSMO-Press, 1999. 448 p.
18. Ruplenie F.V. Detskij travmatizm v vozrastnom aspekte, ego profilaktika i rol' obshhestvennosti v bor'be s nim [Child injury in the age aspect, its prevention and the role of the public in the fight against it]: Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Riga, 1998. 420 p.
19. Stupnickaja M.A. Travmatizm u detej shkol'nogo vozrasta: prichina i profilaktika [Injuries in school-age children: cause and prevention]. *Shkola zdorov'ja [health school]*. 2001. № 4. 196 p.
20. Spiridonov A.V. Mediko-social'naja profilaktika detskogo travmatizma v krupnom gorode s uchetom sem'i (na primere goroda Kazani) [Child injuries a priority medical and social problem]: Avtoref. diss. ... kand. med. nauk. Kazan', 2007. 21 p.

21. Simernickaja Je.G. Nejropsihologicheskaja metodika jekspress diagnostiki “Lurija — 90” [Neuropsychological technique of express diagnostics “Luria-90”]. M.: Obshhestvo «Znanie», 1991. 48 p.
22. Solov’eva K.S., Baidurashvili A.G., Zaletina A.V. Travmatizm i ortopedicheskaja zabolevaemost’ detej Rossii v 2013 g. Organizacija specializirovannoj pomoshhi detskomu naseleniju. *Ortopediya, travmatologija i vosstanovitel’naja hirurgija detskogo vozrasta*, 2014, vol. 2 (4), pp. 3—7.
23. Jejdemiller Je.G., Dobrjakov I.V., Nikol’skaja I.M. Semejnij diaгноз i semejnaja psihoterapija [Family diagnosis and family psychotherapy]: Uchebnoe posobie dlja vrachej i psihologov [training manual for doctors and psychologists]. SPb.: Rech’, 2006. 352 p.
24. Jejdemiller Je., Justickis B. Psihologija i psihoterapija sem’i [Psychology and psychotherapy of the family]. Sankt-Peterburg: Piter, 2008. 672 p.
25. Ablewhite J., Peel I., McDaid L., et al. Kendrick D. Parental perceptions of barriers and facilitators to preventing child unintentional injuries within the home: a qualitative study. *BMC Public Health*, 2015. Vol.15, p. 280. DOI: 10.1186 / s12889-015-1547-2
26. Andrejeva J., Kasradze M., Mockiene A., et al. The Impact of TRX Suspension Training on Patient’s Balance, Coordination and Quality of Life after Traumatic Brain Injury. *Georgian Med News*, 2020, № 298, pp. 119—122
27. Ayaz A.B., Ayaz M., Şentürk E., et al. Factors related with unintentional injuries in children with newly diagnosed attention-deficit/hyperactivity disorder. *International Journal of Injury Control and Safety Promotion*, 2016, vol. 23 (1), pp. 93—98. DOI: 10.1080/17457300.2014.969279
28. Azar S.T., Miller E.A., Stevenson M.T., et al. Social Cognition, Child Neglect, and Child Injury Risk: The Contribution of Maternal Social Information Processing to Maladaptive Injury Prevention Beliefs Within a High-Risk Sample. *Journal of Pediatric Psychology*, 2017, vol. 42(7), pp. 759—767. DOI: 10.1093/jpepsy/jsw067
29. Zakharchuk E., Dotsenko E., Khvesko T., et al. Neuropsychological and/or psychological factors traumatic behavior of children under the age of 10 years . *International journal of psychology: a biopsychosocial approach*, 2020, № 23. DOI: <https://doi.org/10.7220/2345-024X.23>
30. Morrongiello B.A., Matheis S. Understanding Children’s Injury-risk Behaviors: The Independent Contributions of Cognitions and Emotions. *Journal of Pediatric Psychology*, 2007, vol. 32(8), pp. 926—937. DOI:10.1093/jpepsy/jsm027
31. Ordonana J.R., Caspi A., Moffitt T.E. Unintentional Injuries in a Twin Study of Preschool Children: Environmental, Not Genetic, Risk Factors. *Journal of Pediatric Psychology*, 2008, vol. 33 (2), pp.185—194. DOI:10.1093/jpepsy/jsm041
32. Ponsford J.L., Draper K., Schönberger M. Functional outcome 10 years after traumatic brain injury: Its relationship with demographic, injury severity, and cognitive and emotional status. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 2008, № 14, pp. 233—242.
33. Ruiz-Goikoetxea M., Cortese S., Aznarez-Sanado M., et al. Risk of unintentional injuries in children and adolescents with ADHD and the impact of ADHD medications: A systematic review and meta-analysis. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2018, vol. 84, pp. 63—71. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2017.11.007

34. Shi X., Shi J., Wheeler K.K., et al. Unintentional injuries in children with disabilities: a systematic review and meta-analysis. *Inj. Epidemiol*, 2015, vol. 2(1), p. 21. DOI:10.1186/s40621-015-0053-4
35. Schnitzer P.G., Dowd D., Kruse R.L., et al. Supervision and risk of unintentional injury in young children. *Injury prevention*, 2015, vol.21, pp. 63—70. DOI: 10.1136/injuryprev-2013-041128

Информация об авторах

Захарчук Екатерина Владимировна, ассистент кафедры неврологии с курсом нейрохирургии, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет»; аспирант института психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; врач-нейрохирург, ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница № 2», Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-5219>, e-mail: katgor@yandex.ru

Доценко Евгений Леонидович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9651-0555>, e-mail: dotsenko_e@bk.ru

Гаиров Саиди Саит-Хусейнович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры неврологии с курсом нейрохирургии, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет»; врач нейрохирург, ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница № 2», Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-555-555> ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5554-4588>, e-mail: s-stavros@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Zakharchuk, assistant, Tyumen State Medical University, postgraduate, University of Tyumen, neurosurgeon, Regional State Hospital № 2, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-5219>, e-mail: katgor@yandex.ru

Evgenii L. Dotsenko, PhD (Psychology), Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9651-0555>, e-mail: dotsenko_e@bk.ru

Saidi S. Gaibov, PhD (Medicine), assistant Professor, Tyumen State Medical University, neurosurgeon Regional State Hospital № 2, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-555-555> ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5554-4588>, e-mail: s-stavros@mail.ru

Получена 13.05.2020

Received 13.05.2020

Принята в печать 31.10.2021

Accepted 31.10.2021

РОДИТЕЛЬСКИЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ СТРЕСС У МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ РАННЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В.Е. ВАСИЛЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>,
e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

С.С. САВЕНЫШЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7529-1493>,
e-mail: s.savenysheva@spbu.ru

О.О. ЗАПЛЕТИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1463-7139>,
e-mail: oksana1234zapletina@gmail.com

Статья посвящена анализу родительского и повседневного стресса и взаимосвязей их параметров у матерей детей раннего и дошкольного возраста. *Выборка:* 112 матерей из Санкт-Петербурга, возраст детей — от 4 месяцев до 7 лет. *Методы:* индекс родительского стресса (PSI-4) Р. Абидина; опросник повседневных стрессоров Петраш М.Д., Стрижицкой О.Ю., Головей Л.А., Савенышевой С.С.; шкала тревоги Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; социально-биографическая анкета. *Результаты и выводы:* выявлен высокий уровень родительского стресса, прежде всего в сфере, связанной с особенностями самого родителя и его переживаниями о том, как он справляется с родительской ролью. Уровень повседневных стрессоров соответствует нормативам, при этом наиболее выражены стрессоры в семейной сфере. Обнаружены тесные взаимосвязи родительского и повседневного стресса за исключением сферы работы, при этом взаимосвязей с жизненными стрессами не выявлено. Родительский стресс положительно коррелирует с ситуатив-

ной и личностной тревожностью. Родительский стресс не связан с возрастом матери, возрастом и полом ребенка, семейным стажем и количеством детей. При этом он менее выражен при большей занятости на работе.

Ключевые слова: родительский стресс, повседневный стресс, жизненные стрессы, тревожность, матери детей раннего и дошкольного возраста.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00594.

Для цитаты: Василенко В.Е., Савенышева С.С., Заплетина О.О. Родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290403>

PARENTING STRESS AND DAILY HASSLES IN MOTHERS OF YOUNG AND PRESCHOOL CHILDREN

VICTORIA V. VASILENKO

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>,
e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

SVETLANA S. SAVENYSHEVA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7529-1493>,
e-mail: s.savenysheva@spbu.ru

OKSANA O. ZAPLETINA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1463-7139>,
e-mail: oksana1234zapletina@gmail.com

The article is devoted to the analysis of parenting stress, daily hassles and the relationship of their parameters in mothers of young and preschool children. *Sample:* 112 mothers from Saint Petersburg, children aged from 4 months up to 7 years. *Methods:* Parenting Stress Index (PSI-4) by R. Abidin, questionnaire of daily hassles by M.D. Petrash, O.Y. Strizhitskaya, L.A. Golovey, S.S. Savenysheva, STAI by C.D. Spielberger adapted by Y.L. Khanin, socio-biographical questionnaire. *Results:* A high level of parenting stress was revealed, especially in the domain, associated with the characteristics of the parent himself and his feelings about how he copes with the parental role. The level of daily hassles corresponds to the standards, with the most pronounced stressors in the family domain. Close relationships between

parenting stress and daily hassles were found, with the exception of the field of work, while no relationship with life stress was identified. Depression, relationship problems and incompetence are most closely related to daily hassles. Parenting stress is positively correlated with state and trait anxiety. Parenting stress is not related to the age of the mother, the age and gender of the child, family experience and the number of children. However, it is less pronounced with more employment at work.

Keywords: parenting stress, daily hassles, life stress, anxiety, mothers of young and preschool children.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00594.

For citation: Vasilenko V.E., Savenysheva S.S., Zapletina O.O. Parenting Stress and Daily Hassles in Mothers of Young and Preschool Children. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290403>

Введение

Современная жизнь предъявляет довольно высокие требования ко взрослым в разных сферах, в том числе и в сфере родительства. Тенденции последних десятилетий связаны с большей вовлеченностью родителей в процессы воспитания и развития детей, с подъемом планки требований к родительской роли. Появился даже новый термин «чрезмерное родительство», он подразумевает ситуацию, когда сильная вовлеченность в жизнь детей воспринимается как не только идеальная, но даже и обязательная модель поведения [2].

В то же время взрослые в современном мире часто живут в состоянии постоянного дедлайна в профессиональной сфере, и сочетать этот поток требований с семейными обязанностями становится все сложнее. Родительская роль, как и любая другая, требует адаптации. По мере взросления ребенка накапливаются трудности с его воспитанием; если ребенок в семье не один, к этому могут добавиться и вопросы, связанные с взаимодействием детей, распределением времени и заботы. Перед родителями стоит задача интеграции собственного опыта детства, семейных традиций и установок с современными представлениями о воспитании, а также с индивидуальными особенностями детей. Комплекс переживаний и состояний, вызванный разнообразными трудностями родительской роли, обозначают родительским стрессом (далее РС), который может проявиться уже на ранних этапах родительства, особенно у матерей. В последнее время психологи говорят также о родительском эмоциональном выгорании [9; 21].

Рассмотрим понятие РС и его структуру. Исследования РС начались в 1980-ых гг. Р. Лазарус впервые стал говорить о РС как о сильном напряжении в семейной системе, нарушающем баланс [20]. Далее проблематику РС разрабатывают Р. Абидин [12] и К. Дитер-Деккард [16].

РС, с точки зрения Р. Абидина, — это негативная реакция в отношении себя и/или ребенка, возникающая при оценке уровня загруженности родительской ролью [10, с. 410], а также нарушение баланса между восприятием требований родительства и существующих ресурсов для решения задач родительства [11]. Близкое определение предложил К. Дитер-Деккард: РС переживается в форме негативных чувств по отношению к себе и к ребенку/детям, и эти чувства напрямую связаны с требованиями родительства» [15, с. 315]. По мнению последнего, РС возникает в случае ощущения родителями недостатка ресурсов для исполнения требований родительской роли и сложностей с адаптацией к ней и в разной степени свойственен всем родителям [15; 16].

В настоящем исследовании РС также рассматривается как дисбаланс между восприятием требований родительства и восприятием наличных ресурсов у родителей. Этот дисбаланс может быть связан как с особенностями детей, так и с особенностями самих родителей.

Так, в структуре РС обычно выделяют 2 блока: стресс, связанный с ребенком, и стресс, связанный с родителем. Что касается блока, связанного с ребенком, то К. Крник и М. Гринберг описали 2 типа стрессоров: относящиеся к ежедневной рутине, связанной с уходом за ребенком, и теми, которые касаются нежелательного поведения ребенка [13]. Стресс, связанный с родителем, может быть обусловлен как объективными факторами тех или иных ограничений (например, сократившееся время на сон и досуг из-за увеличившихся требований к роли родителя), так и субъективными (восприятие себя как некомпетентного родителя). К. Крник и К. Лоу отмечают, что более высокий уровень стресса характерен для родителей, которые видят своего ребенка трудным и требовательным и/или воспринимают себя как неэффективных родителей [14].

Р. Абидин в свою методику для изучения РС включает также и шкалу жизненных стрессов [11]. Но она идет как дополнительная и не входит в общий показатель РС. На взгляд авторов настоящей статьи, шкалу жизненных стрессов действительно логичнее рассматривать отдельно.

РС, по данным исследований, может привести к депрессии, невротизации личности, к появлению или обострению хронических заболеваний у родителей. С другой стороны, он связан с отклонениями в детско-родительских отношениях (жесткое обращение с детьми, гипоопека или, наоборот, гиперсоциализация), что провоцирует эмоциональные и поведенческие нарушения у детей [6; 15; 18].

Анализ исследований факторов РС позволил выделить их 3 основные группы [6]:

- 1) характеристики ребенка (пол и возраст, проблемы со здоровьем, отклонения в развитии, сложный темперамент, проблемы поведения);
- 2) характеристики родителя (социально-демографические характеристики, здоровье, личностные особенности);
- 3) поддержка со стороны близких (отношения с супругом, с родителями, социальная поддержка в целом).

Жизненные и повседневные стрессоры также могут рассматриваться как факторы РС. Проанализируем эти понятия более подробно. Стрессоры в нашей жизни принято делить по интенсивности на сильные критические события (смерть, серьезная болезнь, развод, потеря работы) и незначительные/слабые повседневные события (разнообразные семейные, профессиональные и бытовые проблемы). Первоначально в психологии стресса делался акцент на изучении критических событий и их влиянии на психологическое функционирование и здоровье человека. Результаты этих эмпирических исследований не выявили тесных взаимосвязей. Также в плане данного исследовательского подхода следует отметить, что критические события в целом происходят редко и при изучении их воздействия важен скорее не сам факт события, а его восприятие человеком. В связи с этим в последние десятилетия все большее внимание уделяется роли повседневных стрессоров в нашей жизни.

А.Д. Каннер с соавторами определяют стрессоры повседневной жизни как «раздражающие, фрустрирующие, стрессирующие небольшие события, до некоторой степени характеризующие взаимодействие со средой» [19, с. 3]. Близкое определение предлагают Д. Мэйбери и Д. Грэхем — они определяют стрессоры, как частые и обычные, небольшие разрушающие или фрустрирующие события, происходящие в повседневной жизни. Проведенный ими метаанализ исследований выявил, что в период взрослости наиболее часто упоминаются стрессоры, связанные с временными ограничениями: недостаток времени на необходимые дела, большой объем обязанностей, большое количество дел, требующих их выполнения в одно и то же время, нехватка времени на семью. Другими часто упоминаемыми проблемами являются собственное здоровье или здоровье близких, разнообразные трудности с детьми и пожилыми родителями [22]. Современные отечественные исследования показывают, что у женщин наибольшее количество стрессоров отмечается в областях, связанных с самочувствием, семьей, конкуренцией, переживаниями одиночества, работой [1].

Сравнение влияния повседневного стресса с воздействием жизненных стрессов показало большее влияние повседневного стресса на здоровье человека (и физическое, и психическое), на его взаимоотношения с другими [5; 17; 19; 24].

По мнению некоторых ученых, РС может рассматриваться в рамках теории повседневного стресса. Так, К. Крник и М. Гринберг разработали модель родительского повседневного стресса. РС подразумевает небольшие стрессовые события, связанные с повседневными ситуациями, вызывающими напряжение и раздражение. Эти ситуации сопровождаются уходом за детьми и типичное, но часто проблемное поведение детей [13]. В результате в современных публикациях можно встретить оба понятия — и «родительский стресс», и «родительский повседневный стресс»; однако более распространенным является понятие «родительский стресс». Вместе с тем понятие РС шире, чем родительский повседневный стресс, так как РС включает и параметры отношений (к себе как родителю и к ребенку), и в то же время уже, чем понятие «повседневный стресс», так как не включает другие категории стрессоров. Поэтому в рамках данного исследования эти 2 вида стрессов будут рассматриваться как отдельные феномены.

Исследований взаимосвязи РС и повседневного стресса в зарубежных и отечественных работах к настоящему времени не проводилось. Можно отметить изучение роли только отдельных стрессоров, например, в области финансов [цит. по: 6]. Среди исследований связи РС и жизненных стрессов можно привести исследование М. Остберга и Б. Хэйджкула, которые обнаружили их умеренную связь [23]. Также зарубежными авторами проводились исследования влияния отдельных жизненных стрессоров, например заболевания ребенка, которые демонстрируют более высокий уровень РС у матерей детей с хроническими заболеваниями [цит. по: 6]. Однако в исследовании Л.В. Петрановской и Е.Ю. Чеботаревой выявлено, что болезнь ребенка в меньшей степени влияет на уровень РС, чем отношения с близкими людьми [2].

Родительский и повседневный стресс тесно взаимосвязаны. Так, с одной стороны, большое количество повседневных стрессоров приводит к большому истощению психических ресурсов и как следствие — к сложностям в совладании с нагрузкой в родительской сфере. С другой стороны, накопленный РС приводит к большей чувствительности к другим стрессорным нагрузкам.

Одним из важных связующих параметров данных феноменов, а также самостоятельным личностным фактором РС является тревожность. Высокая тревожность приводит к большей чувствительности к стрессорам, как в сфере РС, так и в сфере повседневного стресса, что позволяет нам рассматривать ее как значимую детерминанту РС.

С практической точки зрения следует отметить, что в области семейного консультирования проблемы РС и родительского выгорания (прежде всего, относительно матерей) в последнее время стали одними из самых актуальных.

Как видно из приведенного обзора, РС активно изучается зарубежными исследователями. И если первоначально исследования касались, прежде всего, семей детей с проблемами в развитии, то в последние годы акцент сместился на обычные семьи. В России РС, также как и повседневный стресс, начал изучаться только в последние годы. Общая тенденция также связана прежде всего с изучением психологического здоровья родителей детей с ОВЗ [8], затем изучения РС в целом. Из современных проектов можно отметить упомянутое выше исследование РС и его связи со стилем привязанности Л.В. Петрановской и Е.Ю. Чеботаревой [2]. В этом исследовании, где возраст детей составлял от рождения до 18 лет, проявилась связь РС с установками на чрезмерное родительство, с ненадежными типами привязанности у матерей (с тревожным и избегающим). В проекте авторов статьи проводится изучение роли различных факторов РС [6; 7 и др.]

Целью исследования стало изучение взаимосвязей параметров РС и повседневного стресса у матерей детей раннего и дошкольного возраста. Дополнительными задачами было выявление взаимосвязей РС с жизненными стрессами/критическими событиями и с тревожностью матерей как личностной детерминантой РС.

Гипотезы исследования.

РС матерей детей раннего и дошкольного возраста, особенно блок его параметров, связанных отношением к себе как к родителю, взаимосвязан с повседневным стрессом матерей.

РС матерей детей раннего и дошкольного возраста более тесно взаимосвязан с повседневным стрессом по сравнению с жизненными стрессами.

Матери с более выраженным РС, особенно по блоку параметров, связанных с отношением к себе как к родителю, характеризуются более высокими показателями личностной и ситуативной тревожности.

Метод

Выборка исследования. Исследование проводилось в 2019—2020 гг. в г. Санкт-Петербурге. В нем приняли участие 112 матерей детей раннего и дошкольного возраста (55 мальчиков и 57 девочек), возраст матерей — от 26 до 45 лет, средний возраст матерей — 34 года.

41 мать (36,5%) имеют полную занятость на работе, 11 матерей (10%) — неполную, 18 матерей (16%) работают по свободному графику и 42 матери (37,5%) не работают.

46 матерей (41%) имеют одного ребенка, 57 матерей (51%) — двух детей, 7 матерей (6%) — трех детей и 2 матери (2%) — четырех.

Возраст детей — от 4 мес. до 7 лет, средний возраст — 4 года 2 мес. (37 детей раннего возраста (до 3 лет) и 75 детей дошкольного возраста).

На момент исследования 100 детей (89%) — из полных семей.

Результаты, полученные в данном исследовании, сравнивались с нормативами по РС в зарубежных исследованиях [11].

Методики

Для изучения родительского стресса и жизненных стрессов/кризисных событий мы использовали методику «Индекс родительского стресса» (Parenting Stress Index, PSI—4) Р. Абидина [11]. Методика была приобретена и переведена с участием правообладателя — Psychological Assessment Resources (PAR). В рамках проекта была проведена адаптация методики на выборке 329 матерей детей раннего и дошкольного возраста. Методика включает в себя блок шкал РС в сфере детей (6 шкал), блок шкал в сфере родителей (7 шкал) и шкалу жизненных стрессов, которая не входит в итоговый показатель РС. Методика показала высокий уровень согласованности (коэффициент альфа Кронбаха по показателю общего уровня РС составляет 0,95, по РС в сфере детей — 0,92, по РС в сфере родителей — 0,93), а также высокий уровень ретестовой надежности и конвергентной валидности.

Для исследования повседневного стресса применялся Опросник повседневных стрессоров (Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Головей Л.А., Савеньшева С.С.) [3].

Для изучения ситуативной и личностной тревожности использовалась Шкала тревоги (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [4].

Также использовалась социально—биографическая анкета.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам возраста, пола, одновыборочный Т-критерий, Т-критерий для независимых выборок, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты

Представим данные по общей выборке в сравнении с нормативами (по зарубежным данным) [11] на основе одновыборочного Т-критерия.

Как видно из табл. 1, все общие показатели РС на нашей выборке превышают нормативные значения ($p < 0,001$). При этом наибольшие расхождения выявлены в сфере родителя. В то же время на уровне статистической тенденции показатель шкалы жизненных стрессов у матерей нашей выборки ниже по сравнению с зарубежными данными.

Т а б л и ц а 1

Общие показатели родительского стресса у матерей детей раннего и дошкольного возраста (по методике PSI—4 Р. Абидина)

Параметры родительского стресса	Вся выборка (n=112)		Нормативные значения для матерей (n=529)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Т-крит.	Знач.
Показатель РС в сфере ребенка	108,75	21,99	100,1	29,2	4,16	0,000
Показатель РС в сфере родителя	136,74	31,55	121,0	34,0	5,28	0,000
Жизненные стрессы	8,80	8,10	10,2	10,3	-1,83	0,071
Общий показатель РС	245,49	49,42	221,1	59,6	5,22	0,000

Рассмотрим отдельные показатели РС в сфере ребенка (рис. 1).

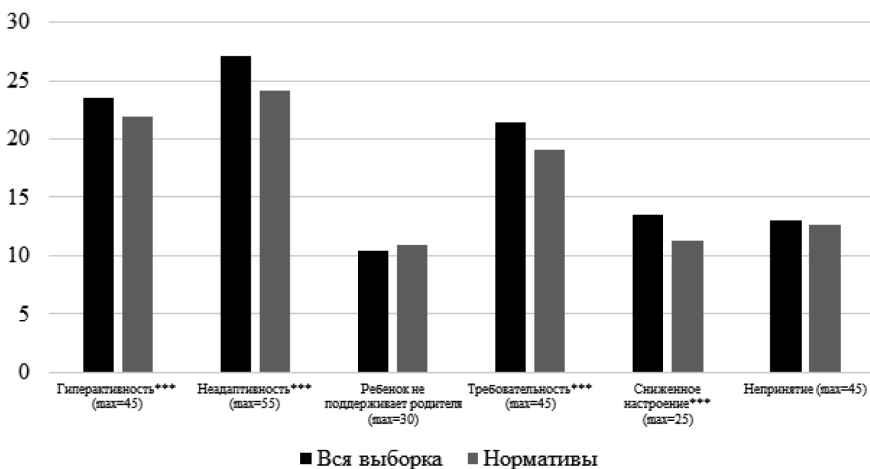

Рис. 1. Показатели РС у матерей в сфере ребенка:
 «***» — различия на уровне $p < 0,001$

Как видно из рис. 1, у матерей исследуемой выборки по сравнению с нормативами выше такие показатели РС в сфере ребенка, как гиперактивность, неадаптивность, требовательность и сниженное настроение ($p < 0,001$). Различий по шкалам поддержки взаимодействия и принятия не выявлено.

Если сравнивать выраженность проблем в процентном соотношении от максимума по шкале, то у матерей данной выборки преобладают сни-

женное настроение (54%) и гиперактивность (52%). Далее из проблем можно отметить неадаптивность (49%), требовательность (48%) и то, что ребенок не поддерживает взаимодействие с родителем (35%). Менее всего выражено неприятие ребенка (29%).

Рассмотрим отдельные показатели РС в сфере родителя (рис. 2).

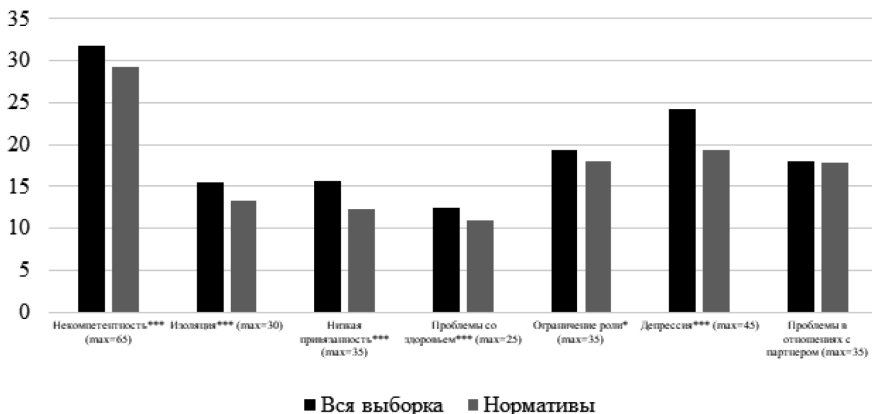

Рис. 2. Показатели РС у матерей в сфере родителя:

«*» — различия на уровне $p < 0,05$; «***» — различия на уровне $p < 0,001$

Как видно из рис. 2, у матерей исследуемой выборки по сравнению с нормативами выше показатели РС в сфере родителя, связанные с компетентностью, изоляцией, привязанностью, депрессией ($p < 0,001$) и ограничением роли ($p < 0,05$). Различий по шкале отношений с партнером не выявлено.

Если сравнивать выраженность проблем в процентном соотношении от максимума по шкале, то у матерей данной выборки все параметры выражены приблизительно одинаково: проблемы с ограничением роли (55%), депрессия (54%), изоляция (52%), проблемы в отношениях с партнером (51%), проблемы со здоровьем (50%), некомпетентность (49%), низкая привязанность (45%).

Проведенное исследование не выявило значимых различий в показателях РС у матерей по факторам возраста (за исключением гиперактивности, которая выше у детей раннего возраста, $p < 0,05$) и пола ребенка.

Перейдем к результатам изучения повседневных стрессоров (табл. 2).

Как видно из табл. 2, из повседневных стрессоров у матерей исследуемой выборки наиболее выражены стрессоры в сфере семьи (30%), в области финансов и личных переживаний (25%). Менее всего значимы

стрессоры по шкалам «Окружающая действительность» (19%) и «Отношения с окружающими» (20%).

Изучение уровня тревожности у матерей, воспитывающих детей раннего и дошкольного возраста, показало, что и ситуативная и личностная тревожность по средним данным соответствуют умеренному уровню (табл. 3).

В процентном соотношении для ситуативной и личностной тревожности также преобладает умеренный уровень (52% и 56%), реже встречается высокий уровень (33% и 36%) и еще реже — низкий (14% и 8%).

Результаты корреляционного анализа (по Спирмену) показателей РС и повседневного стресса представлены в табл. 4.

Т а б л и ц а 2

Показатели повседневных стрессоров у матерей детей раннего и дошкольного возраста (по опроснику Петраш М.Д., Стрижицкой О.Ю., Головей Л.А., Савеньшовой С.С.)

Параметры повседневного стресса (сферы)	Вся выборка (n=112)		
	Ср. знач.	Ст. откл.	% выраженности
Работа	28,01	24,44	21,55
Планы	17,24	14,50	21,55
Финансы	10,06	10,54	25,16
Окружающая действительность	21,13	15,64	19,20
Отношения с окружающими	11,89	12,84	19,82
Семья	12,04	10,80	30,09
Личные переживания	22,57	15,20	25,08
Общий показатель повседневного стресса	122,94	81,20	22,35

Т а б л и ц а 3

Показатели тревожности у матерей детей раннего и дошкольного возраста (по шкале Спилберга—Ханина)

Параметры тревожности	Вся выборка (n=63)				
	Ср. знач.	Ст. откл.	Низкий уровень (%)	Средний уровень (%)	Высокий уровень (%)
Ситуативная тревожность (max=80)	40,52	10,40	14%	52%	33%
Личностная тревожность (max=80)	42,67	8,79	8%	56%	36%

Т а б л и ц а 4

Результаты корреляционного анализа показателей родительского стресса и повседневных стрессоров

Показатели родительского стресса и повседневных стрессоров	Общий показатель повседневного стресса	Работа	Планы	Финансы	Окружающая действительность	Отношения с окружающими	Семья	Личные переживания
<i>Общий показатель РС</i>	0,34**	0,10	0,34**	0,21*	0,25**	0,29**	0,34**	0,37**
<i>РС в сфере ребенка</i>	0,28**	0,13	0,28**	0,12	0,21*	0,23*	0,25**	0,28**
Гиперактивность	0,17	0,09	0,17	0,06	0,09	0,13	0,21*	0,14
Неадаптивность	0,22*	0,12	0,30**	0,07	0,22*	0,08	0,19*	0,24*
Ребенок не поддерживает взаимодействие	0,18	0,02	0,14	0,06	0,18	0,25**	0,24*	0,17
Требовательность	0,25**	0,12	0,29**	0,11	0,18	0,22*	0,22*	0,28**
Сниженное настроение	0,16	0,10	0,09	0,10	0,02	0,18	0,06	0,16
Непринятие	0,24*	0,17	0,16	0,06	0,16	0,27**	0,23*	0,24*
<i>РС в сфере родителя</i>	0,36**	0,10	0,35**	0,25**	0,27**	0,30**	0,36**	0,39**
Некомпетентность	0,25**	0,10	0,25**	0,06	0,22*	0,23*	0,27**	0,26**
Изоляция	0,21*	0,02	0,21*	0,08	0,17	0,20*	0,17	0,28**
Низкая привязанность	0,23*	0,06	0,18	0,15	0,12	0,25**	0,29**	0,25**
Проблемы со здоровьем	0,26**	0,10	0,28**	0,24*	0,17	0,14	0,26**	0,23*
Ограничение роли	0,17	-0,06	0,25**	0,13	0,11	0,11	0,22*	0,21*
Депрессия	0,36**	0,08	0,28**	0,29**	0,32**	0,32**	0,34**	0,40**
Проблемы в отношениях с партнером	0,33**	0,14	0,33**	0,32**	0,25**	0,26**	0,30**	0,33**

Примечание. «*» — уровень $p < 0,05$; «**» — уровень $p < 0,01$.

Корреляционный анализ выявил тесные взаимосвязи общих показателей РС и показателей повседневных стрессоров за исключением сферы работы. Также для показателя РС в сфере ребенка не обнаружено корреляции со стрессорами в сфере финансов.

Все три общих показателя РС положительно коррелируют с общим показателем повседневных стрессов и со стрессорами в сферах планирования, семьи, личных переживаний ($p < 0,01$). РС общий и РС в сфере родителя положительно коррелируют со стрессорами в сферах окружающей действительности и отношений с окружающими ($p < 0,01$), для РС в сфере ребенка эти взаимосвязи выявлены на уровне $p < 0,05$. РС в сфере ребенка положительно коррелирует со стрессорами в области финансов ($p < 0,01$), для общего РС эта взаимосвязь проявилась на уровне $p < 0,05$.

С другой стороны, общий показатель повседневных стрессов положительно коррелирует со всеми отдельными шкалами РС за исключением гиперактивности, сниженного настроения ребенка и ограничения роли.

Корреляционный анализ отдельных показателей РС и повседневных стрессоров выявил наиболее тесные взаимосвязи у таких параметров РС, как депрессия и отношения с партнером (по 6 корреляций), а также некомпетентность (5 корреляций).

Не обнаружено корреляций между общими показателями РС и показателем шкалы жизненных стрессов.

Показатели РС, особенно в сфере родителя, тесно взаимосвязаны с показателями тревожности. Так, чем выше ситуативная тревожность женщины, тем выше у нее общий показатель РС, показатель РС в сфере родителя и такие его отдельные параметры, как ощущение некомпетентности, ограничение роли, депрессия, изоляция и проблемы со здоровьем ($p < 0,01$). Чем выше личностная тревожность, тем выше все три общие показателя РС, отдельные показатели РС в сфере родителя: ощущение некомпетентности, депрессия, изоляция, проблемы со здоровьем ($p < 0,01$), — а также 2 показателя РС в сфере детей: неадаптивность и требовательность ребенка ($p < 0,05$).

Интересны данные корреляционного анализа показателей РС и показателей социально-биографической анкеты. Так, не выявлено корреляций РС ни с возрастом матери, ни с возрастом ребенка, ни с семейным стажем. Количество детей оказалось связано только с одним показателем РС: чем больше детей, тем меньше проблем в сфере адаптивности ребенка ($p < 0,05$). Больше всего взаимосвязей с показателями РС выявлено у параметра «занятость на работе». Чем она выше, тем менее выражены такие показатели РС, как некомпетентность ($p < 0,01$), требовательность ребенка, ограничение роли и общий показатель РС в сфере родителя ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование выявило более высокий уровень РС у матерей исследуемой выборки по сравнению с нормативными зарубежными данными, особенно в сфере родителя. Так, у матерей данной выборки более выражены ощущения некомпетентности, изолированности, низкая привязанность к ребенку, проблемы со здоровьем, депрессия, ощущение ограничений роли.

В исследовании Л.В. Петрановской и Е.Ю. Чеботаревой по «Шкале родительского стресса» (Berry, Jones, 1995) были выявлены сходные тенденции — в сравнении с зарубежными исследованиями показатели РС российских матерей находятся на границе среднего и повышенного уровней [2].

Результаты изучения повседневных стрессоров выявили, что у матерей исследуемой выборки преобладают стрессоры в сфере семьи, чуть менее выражены стрессоры в области финансов и личных переживаний. Сопоставление этих данных с изучением повседневных стрессоров на более широкой выборке женщин от 20 до 60 лет, имеющих и не имеющих детей разного возраста, [1] показывает примерно такую же общую выраженность повседневных стрессоров, а также выраженность семейных стрессоров, стрессоров в сферах работы и финансов.

Более высокий уровень РС у матерей из России может быть связан с современными тенденциями: с одной стороны, с изменением отношения родителей к ребенку: склонностью к гиперопеке и всестороннему развитию, стремлением быть идеальной матерью (что может усиливать образ идеального родителя в социальных сетях), — а с другой стороны, в меньшей направленности родителей на реализацию в семье. Именно поэтому мы наблюдаем более высокий уровень РС в сфере родителя. Это частично подтверждают данные о большей выраженности повседневных стрессов именно в сфере семьи.

Оба показателя тревожности (и ситуативной, и личностной) соответствуют нормативным значениям.

Гипотеза о взаимосвязи РС с повседневным стрессом в целом подтвердилась — оба блока параметров РС коррелируют с повседневными стрессорами; при этом блок, связанный с отношением к себе как к родителю, имеет более тесные связи.

Поскольку РС тесно связан с повседневными стрессорами, даже если исключить из рассмотрения такие шкалы повседневного стресса, как «отношения с окружающими» и «семья», можно рассматривать повседневные стрессоры как мощные факторы РС. Таким образом, когда женщину беспокоит большое количество мелких проблем, ей уже не хватает ресурсов справляться со стрессами родительства. С другой сто-

роны, можно предположить, что эта связь двусторонняя, и интенсивное переживание РС может привести к меньшей устойчивости и большей чувствительности к повседневным стрессорам.

Также отметим, что при всех тесных взаимосвязях РС и повседневный стресс все-таки корректнее рассматривать как отдельные феномены. РС имеет накопительный эффект и по сути он шире, чем повседневный стресс в области родительской сферы, включая, в том числе, отношение к себе как родителю и отношение к ребенку.

Вторая гипотеза также подтвердилась: тесные корреляции РС с повседневными стрессорами при отсутствии корреляций РС с жизненными стрессами еще раз демонстрируют более значимую роль повседневных стрессоров.

Данные результаты не согласуются с данными М. Остберга и Б. Хэйджула, которые обнаружили умеренную связь РС и жизненных стрессоров [23]. Однако полученные результаты исследования сходны с полученными нами ранее данными о наличии тесной связи психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и повседневных стрессоров и отсутствием связи с жизненными стрессорами [1]. Меньшее влияние жизненных стрессов можно объяснить тем, что они случаются реже, и в случае их возникновения женщина может получить поддержку со стороны близких. Вместе с тем мелкие повседневные стрессы мы не замечаем, не всегда считаем их чем-то значимым, но их накопление может в существенной степени расходовать наши эмоциональные ресурсы.

Выявлены взаимосвязи РС с ситуативной и личностной тревожностью матерей, при этом РС теснее коррелирует с личностной тревожностью. Это указывает на больший вес личности родителя по сравнению с ситуационными факторами в возникновении РС, что ожидаемо, так как РС в сфере родителя во многом зависит от личностных особенностей матери. Также можно отметить, что оба вида тревожности более тесно коррелируют с показателями РС в сфере родителя. Таким образом, как личностная, так и ситуативная тревожность могут быть рассмотрены в качестве факторов РС, особенно в сфере родителя, что подтверждает третью гипотезу.

В представленном исследовании с помощью дисперсионного и корреляционного видов анализа выявлено, что РС не связан с возрастом матери, возрастом и полом ребенка, семейным стажем и количеством детей. Исключения составили только 2 отдельных параметра РС. Так, матери детей раннего возраста по сравнению с дошкольниками чаще отмечают проблему гиперактивности детей, что объясняется возрастными закономерностями. Чем больше детей в семье, тем менее выражены проблемы с адаптивностью, что представляется логичным.

Что касается возраста, то анализ зарубежных исследований показывает противоречивые данные, которые в целом можно обобщить так:

уровень РС изменяется с возрастом нелинейно — он повышается к периоду кризиса 3 лет и далее, после 4—5 лет уже снижается [цит. по: 6]. Однако в представленном исследовании деление на возрастные группы с границей в 3 года не выявило значимых различий.

Аналогично неоднозначная картина по данным зарубежных исследований складывается в отношении пола ребенка и возраста матери [цит. по: 6], что подтвердилось в нашем исследовании отсутствием корреляций.

Исследование Л.В. Петрановской и Е.Ю. Чеботаревой также подтверждает, что у российских женщин уровень родительского стресса достаточно устойчив к социально-демографическим характеристикам [2].

Интересно то, что РС имеет отрицательные корреляции с занятостью на работе. При большей занятости у матерей меньше ощущения своей некомпетентности и ограничения роли, ниже требовательность ребенка и общий показатель РС в сфере родителя. То есть для матерей раннего и дошкольного возраста профессиональная включенность может быть рассмотрена скорее как поддерживающий, чем стрессирующий фактор. Видимо, это дает женщинам ощущение самореализации в разных сферах, возможность переключения от семейных проблем, т. е. появляются дополнительные ресурсы.

Таким образом, механизм возникновения РС, по нашим данным, можно объяснить следующим образом. Восприятие проблем в поведении ребенка, ощущение недостаточной поддержки родителя со стороны близких при ограничении возможностей реализации в профессиональной сфере усиливаются накопленным повседневным стрессом в других областях, а также личностными особенностями матерей (тревожностью). При этом, как мы видим, возраст матери, возраст и пол ребенка, семейный стаж и количество детей не оказываются значимыми для РС.

Выводы

1. Матери исследуемой выборки характеризуются высоким уровнем РС, особенно в сфере родителя. Из этого блока, по сравнению с зарубежными нормативами, наиболее выражены такие параметры РС, как родительская некомпетентность, изоляция, слабая привязанность к ребенку, проблемы со здоровьем и депрессия. Из второго блока (сфера ребенка) наиболее выражены гиперактивность, неадаптивность, требовательность и сниженное настроение у ребенка.

2. Уровень повседневных стрессоров соответствует нормативным данным для женщин более широкого возрастного диапазона. Наиболее выражены стрессоры в семейной сфере. В целом, для женщин исследуемой выборки характерен средний уровень как ситуативной, так и личностной тревожности.

3. Проведенное исследование выявило тесные взаимосвязи родительского и повседневного стресса у матерей детей раннего и дошкольного возраста. Повседневный стресс оказался связан и с РС в сфере родителя и в сфере детей, но связи с РС в сфере родителей более тесные. Общие показатели РС тесно связаны со всеми повседневными стрессорами за исключением сферы работы. При этом РС у матерей менее выражен при большей занятости на работе. Из отдельных параметров РС наиболее тесно взаимосвязаны с повседневными стрессорами показатели из сферы родителя: депрессия, проблемы в отношениях с партнером и родительская некомпетентность.

4. Взаимосвязей РС с жизненными стрессами в исследуемой выборке не выявлено.

5. РС положительно коррелирует с личностной и ситуативной тревожностью (прежде всего в сфере родителя).

6. РС практически не связан с возрастом матери, возрастом и полом ребенка, семейным стажем и количеством детей.

Таким образом, РС можно рассматривать как дисбаланс между восприятием требований родительства и восприятием наличных ресурсов у родителей. К снижению данного ресурса может приводить высокий уровень повседневного стресса и тревожности, что (в сочетании с такими выраженными характеристиками РС, как родительская некомпетентность, изоляция, слабая привязанность к ребенку, проблемы со здоровьем и депрессия) может являться одной из целей программ профилактики РС. В то же время социально-демографические характеристики не оказывают существенного влияния на уровень РС у матерей.

Результаты исследования могут быть применены в консультировании родителей по проблеме родительского стресса и выгорания, а также могут быть использованы при разработке программ профилактики и коррекции родительского стресса у матерей.

Ограничения настоящего исследования связаны со спецификой выборки: матери детей раннего и дошкольного возраста, жители мегаполиса, преимущественно с высшим образованием. Так как проблема РС на российской выборке практически не изучена, необходимо продолжить изучение факторов РС, а также последствий РС (в психическом здоровье родителей и детей). Интересно было бы изучить РС у отцов, а также родителей детей школьного возраста и в периоды возрастных кризисов. Практически значимой является разработка программ профилактики РС для родителей и будущих родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савеньшова С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью у

- восприятию повседневных стрессоров // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 8—26. DOI: 10.17759/cpp.2018260402
2. *Петрановская Л.В., Чеботарева Е.Ю.* Родительский стресс российских матерей и его связь со стилем привязанности // *Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова) «Возможности и риски цифровой среды»*. Т. 2. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 306—310.
  3. *Петраш М.Д., Стрижницкая О.Ю., Головей Л.А., Савеньишева С.С.* Опросник повседневных стрессоров [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 57. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.12.2020).
  4. Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.
  5. *Савеньишева С.С.* Стрессоры повседневной жизни и семейное функционирование: анализ зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PSMN616.pdf>
  6. *Савеньишева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В.* Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 38—48. DOI:10.17759/jmfp.2019080404
  7. *Савеньишева С.С. Марачевская М.В., Мигунова К.Ю.* Родительский стресс и копинг-стратегии у работающих и неработающих матерей детей раннего возраста // Вестник Комстромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2019. № 4. С. 113—117. DOI 10.34216/2073-1426-2019-25-4-113-117
  8. *Серзиевко А.И., Холмогорова А.Б.* Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 2. С. 8—26. DOI:10.17759/cpp.2019270202
  9. *Филиппова Г.Г.* Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии // *Материалы международного конгресса «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества» (Москва, 12—15 октября 2017 г.)*. Москва, 2017. С. 154—159.
  10. *Abidin R.R.* The determinants of parenting behavior // *Journal of Clinical Child Psychology*. 1992. Vol. 21 (4). P. 407—412. DOI: 10.1207/s15374424jccp2104_12
  11. *Abidin R.R.* Parenting stress Index, Fourth Edition (PSI-4). Luts, Fl: Psychological Assessment Resources, 2012. 167 p.
  12. *Burke W.T., Abidin R.R.* Parenting stress index (PSI): A family systems assessment approach // *Parent education and intervention handbook* / R.R. Abidin (Ed.). Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1980. P. 516—527.
  13. *Crnicek K., Greenberg M.* Minor parenting stresses with young children // *Child Development*. 1990. Vol. 61. P. 1628—1637. DOI: 10.2307/1130770
  14. *Crnicek K., Low C.* Everyday stresses and parenting // *Handbook of parenting: practical issues in parenting (2nd edition)* / Bornstein M. (ed.). Lawrence Erlbaum Associates: Mahwah, NJ, 2002. P. 243—267.

15. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998. Vol. 5 (3). P. 314—332. DOI: 10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
16. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? // *Journal of Family Psychology*. 1996. Vol. 10. P. 45—59. DOI: 10.1037/0893-3200.10.1.45
17. DeLongis A., Folkman S., Lazarus R. S. The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54 (3). P. 486—495. DOI: 10.1037/0022-3514.54.3.486
18. Estrela C., Barker E.T., Lantagne S., Gouin J.P. Chronic Parenting Stress and Mood Reactivity: The Role of Sleep Quality // *Stress and Health: Journal of the International Society for the Investigation of Stress*. 2018. Vol. 34 (2). P. 296—305. DOI:10.1002/smi.2790.
19. Kanner A.D., Coyne J.C., Schaefer C., Lazarus, R.S. Comparison of two modes of stress measurement: daily hassles and uplifts versus major life events // *Journal of Behavioral Medicine*. 1981. Vol. 4 (1). P. 1—39.
20. Lazarus R.S. *Psychological stress and the coping process*. New York: McGraw-Hill, 1966. 466 p.
21. Le Vigouroux S., Scola C., Raes M., Mikolajczak M., Roskam I. The big five personality traits and parental burnout: Protective and risk factors // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119. P. 216—219. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.023
22. Maybery D.J., Graham D. Hassles and uplifts: including interpersonal events // *Stress and Health: Journal of the International Society for the Investigation of Stress*. 2001. Vol. 17 (2). P. 91—104. DOI: 10.1002/smi.891
23. Ostberg M., Hagekull B. A structural modeling approach to the understanding of parenting stress // *Journal of Clinical Child Psychology*. 2000. Vol. 29. P. 615—625. DOI:10.1207/S15374424JCCP2904_13
24. Pillow D.R., Zautra A.J., Sandler I.N. Major life events and minor stressors: Identifying mediational links in the stress process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70 (2). P. 381—394. DOI: 10.1037/0022-3514.70.2.381

REFERENCES

1. Golovei L.A., Petrash M.D., Strizhitskaya O.Yu., Savenysheva S.S., Murtazina I.R. Rol' psikhologicheskogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhizn'yu v vospriyatii povsednevnykh stressorov [The Role of Psychological Well-Being and Life Satisfaction in Perception of Daily Stress]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 8—26. DOI:10.17759/cpp.2018260402 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Petranovskaya L.V., Chebotareva E.Y. Roditel'skii stress rossiiskikh materei i ego svyaz' so stilem privyazannosti [Parenting stress in Russian mothers and its relationship to attachment style]. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya (chteniya pamyati L.F. Obukhvoi) «Vozmozhnosti i riski tsifrovoy sredy» [Proceedings of the VII all-Russian Scientific and Practical Conference on Developmental Psychology (Readings in Memory of L.F. Obukhova) "Opportunities and Risks of the Digital Environment"]. Vol. 2. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2019, pp. 306—310.

3. Petrash M.D., Strizhitskaya O.Yu., Golovei L.A., Savenysheva S.S. Oprosnik povsednevnykh stressorov [Inventory of daily stressors]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2018. Vol. 11 (57), p. 5. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed: 01.12.2020). (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Praktikum po vozrastnoi psikhologii [Practicum on Age Psychology]/ Pod red. L.A. Golovei, E.F. Rybalko. Saint-Petersburg: Rech', 2002. 694 p.
5. Savenysheva S.S. Stressory povsednevnoi zhizni i semeinoe funktsionirovanie: analiz zarubezhnykh issledovaniy [Daily hassles and family functioning: an analysis of foreign studies]. *Internet-zhurnal «Mir nauki» [World of Science]* 2016, Vol. 4, no. 6 [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/28PSMN616.pdf>. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Savenysheva S.S., Anikina V.O., Meldo E.V. Faktory roditel'skogo stressa materei detei rannego i doshkol'nogo vozrasta: analiz zarubezhnykh issledovaniy [Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: an analysis of foreign studies] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 38—48. DOI:10.17759/jmfp.2019080404. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Savonyshova S.S., Marachevskaya M.V., Migunova K.Y. Roditel'skij stress i koping-strategii u rabotayushchih i nerabotayushchih materej detej rannego vozrasta [Parenting stress and coping strategies for working and nonworking mothers of preschool children]. *Vestnik Komstromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Sociokinetika» [Vestnik of Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]*, 2019, no. 4, pp. 113—117. DOI 10.34216/2073-1426-2019-25-4-113-117 (In Russ.)
8. Sergienko A.I., Kholmogorova A.B. Posttraumaticheskii rost i koping-strategii roditel'ei detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Post-Traumatic Growth and Coping-Strategies of Parents of Children with Disabilities]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2019. Vol. 27, no. 2, pp. 8—26. DOI:10.17759/cpp.2019270202. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Filippova G.G. Emotsional'noe vygoranie materi: novaya problema v perinatal'noi psikhoterapii [Maternal burnout: a new problem in perinatal psychotherapy]. *Materialy mezhdunarodnogo kongressa «Vozmozhnosti psikhoterapii, psikhologii i konsul'tirovaniya v sokhraneni i razvitii zdorov'ya i blagopoluchiya cheloveka, sem'i i obshchestva» [Materials of the international congress “The possibilities of psychotherapy, psychology and counseling in the preservation and development of health and well-being of a person, family and society”]* (Moscow, October 12—15, 2017), pp.154—159.
10. Abidin R.R. The determinants of parenting behavior. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1992. Vol. 21 (4), pp. 407—412. DOI: 10.1207/s15374424jccp2104_12
11. Abidin R.R. Parenting stress Index, Fourth Edition (PSI-4). Luts, Fl: Psychological Assessment Resources, 2012. 167 p.
12. Burke W.T., Abidin R.R. Parenting stress index (PSI): A family systems assessment approach. In R.R. Abidin (ed.) *Parent education and intervention handbook*. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1980, pp. 516—527.

13. Crnic K., Greenberg M. Minor parenting stresses with young children. *Child Development*, 1990. Vol. 61, pp. 1628—1637. DOI: 10.2307/1130770
14. Crnic K., Low C. Everyday stresses and parenting. In Bornstein M. (ed.) *Handbook of parenting: practical issues in parenting* (2nd edition). Lawrence Erlbaum Associates: Mahwah, NJ, 2002, pp. 243—267.
15. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 1998. Vol. 5 (3), pp. 314—332. DOI: 10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
16. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? *Journal of Family Psychology*, 1996. Vol. 10, pp. 45—59. DOI: 10.1037/0893-3200.10.1.45
17. DeLongis A., Folkman S., Lazarus R. S. The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988. Vol. 54 (3), pp. 486—495. DOI: 10.1037/0022-3514.54.3.486
18. Estrela C., Barker E.T., Lantagne S., Gouin J.P. Chronic Parenting Stress and Mood Reactivity: The Role of Sleep Quality. *Stress and Health: Journal of the International Society for the Investigation of Stress*, 2018. Vol. 34 (2), pp. 296—305. DOI:10.1002/smi.2790.
19. Kanner A.D., Coyne J.C., Schaefer C., Lazarus, R.S. Comparison of two modes of stress measurement: daily hassles and uplifts versus major life events. *Journal of Behavioral Medicine*, 1981. Vol. 4 (1), pp. 1—39.
20. Lazarus R.S. *Psychological stress and the coping process*. New York: McGraw-Hill, 1966. 466 p.
21. Le Vigouroux S., Scola C., Raes M., Mikolajczak M., Roskam I. The big five personality traits and parental burnout: Protective and risk factors. *Personality and Individual Differences*, 2017. Vol. 119, pp. 216—219. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.023
22. Maybery D.J., Graham D. Hassles and uplifts: including interpersonal events. *Stress and Health: Journal of the International Society for the Investigation of Stress*, 2001. Vol. 17 (2), pp. 91—104. DOI: 10.1002/smi.891
23. Ostberg M., Hagekull B. A structural modeling approach to the understanding of parenting stress. *Journal of Clinical Child Psychology*, 2000, vol. 29, pp. 615—625. DOI:10.1207/S15374424JCCP2904_13
24. Pillow D.R., Zautra A.J., Sandler I.N. Major life events and minor stressors: Identifying mediational links in the stress process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70 (2), pp. 381—394. DOI: 10.1037/0022-3514.70.2.381

Информация об авторах

Василенко Виктория Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>, e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Савеньшева Светлана Станиславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7529-1493>, e-mail: s.savenysheva@spbu.ru

Заплетина Оксана Олеговна, аспирант кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1463-7139>, e-mail: oksana1234zapletina@gmail.com

Information about the authors

Victoria V. Vasilenko, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental and Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>, e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Svetlana S. Savenysheva, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental and Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7529-1493>, e-mail: s.savenysheva@spbu.ru

Oksana O. Zapletina, graduate student, Chair of Developmental and Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1463-7139>, e-mail: oksana1234zapletina@gmail.com

Получена 24.12.2020

Received 24.12.2020

Принята в печать 01.09.2021

Accepted 01.09.2021

СУБЪЕКТИВНАЯ ВАЖНОСТЬ РАБОТЫ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ: СВЯЗЬ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И УВЛЕЧЕННОСТЬЮ РАБОТОЙ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Е.И. РАССКАЗОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
НИУ Высшая школа экономики (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>,
e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Введение. Исследование дисбаланса между субъективной важностью различных жизненных сфер и уделяемыми им временем и силами — распространенная задача консультирования и психотерапии. *Цель* исследования — выявление связи соотношения субъективной важности работы и времени/сил, уделяемых ей, с общим благополучием, увлеченностью работой и мотивацией при различных требованиях на рабочем месте. *Процедура и методы.* 286 студентов оценивали важность пяти жизненных сфер (работа/учеба, семья, личная жизнь, друзья, здоровье) и уделяемое им время и силы, заполняли методику стиля саморегуляции поведения, модифицированную версию опросника ориентации на действие/состояние, опросник когнитивной регуляции эмоций. 1200 работников заполняли ту же методику, а также шкалы удовлетворенности жизнью и позитивных и негативных эмоций Э. Динера, Утрехтскую шкалу увлеченности работой, краткую версию шкалы эмоционального истощения, голландскую шкалу трудовой зависимости, опросник профессиональной мотивации, опросник ресурсов и требований работы. *Результаты и выводы.* Позитивные эмоции, увлеченность работой и внутренняя мотивация выше как при большей субъективной важности работы, так и при большем вкладе в эту работу времени и сил ($\beta=0,12-0,42$; $p<0,01$). Однако

время и силы, уделяемые работе, слабее связаны с позитивными эмоциями, увлеченностью работой и внутренней мотивацией при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте ($\beta = -0,14$ — $-0,09$; $p < 0,05$). Удовлетворенность жизнью выше, а негативные эмоции и эмоциональное выгорание на работе ниже при больше важности работы, но эта связь слабее у тех, кто тратит на работу много сил и времени ($\beta = -0,15$ — $-0,09$; $p < 0,01$). Большой вклад сил и времени в работу, в отличие от субъективной важности работы, также связан с трудоголизмом ($\beta = 0,29$; $p < 0,01$).

Ключевые слова: соотношение важности и распределения времени, субъективное благополучие, увлеченность работой, мотивация, требования на рабочем месте.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности».

Для цитаты: Рассказова Е.И. Субъективная важность работы и распределение времени: связь с субъективным благополучием и увлеченностью работой при различных требованиях на рабочем месте // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 49—72. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290404>

SUBJECTIVE IMPORTANCE OF WORK AND TIME ALLOCATION: RELATIONSHIP WITH SUBJECTIVE WELL-BEING AND WORK ENGAGEMENT UNDER DIFFERENT JOB DEMANDS

ELENA I. RASSKAZOVA

Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics,
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>,

e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Background. Investigating imbalance between the subjective importance of different life spheres and the time and energy devoted to them is a common task in counseling and psychotherapy. *The aim* of the study is to reveal the relationship between the the subjective importance of work and the time / effort devoted to it, with general well-being, work engagement and motivation under different levels of job demands.

Procedure and methods. 286 students assessed the importance of five life spheres (work / study, family, personal life, friends, health) and the time and energy given to them, then filled Self-Regulation of Behavior Questionnaire, a modified version of the Action / State Orientation Questionnaire and Cognitive Emotion Regulation

Questionnaire. 1,200 people assessed spheres of life using the same approach, then filled Satisfaction With Life Scale, Scale for Positive And Negative Experiences, the Utrecht Work Engagement Scale, a brief version of the Emotional Burnout Scale, the Workaholism Scale, Professional Motivation Questionnaire, Job Demands and Resources Questionnaire. *Results and conclusions.* Positive emotions, work engagement and intrinsic motivation are higher both in those reporting greater subjective importance of work, and in those reporting greater contribution of time and effort to this work ($\beta=0,12-0,42$, $p<0,01$). However, the time and energy devoted to work is less strongly associated with positive emotions, work engagement and intrinsic motivation under high and uncoordinated job demands ($\beta=-0,14$ — $-0,09$, $p<0,05$). Life satisfaction is higher, and negative emotions and emotional burnout at work are lower in those reporting higher importance of work, but this correlation is weaker for those who spend a lot of time and energy on work ($\beta=-0,15$ — $-0,09$, $p<0,01$). A greater contribution of effort and time to work, but not subjective importance of work, is also associated with workaholism ($\beta=0,29$, $p<0,01$).

Keywords: Importance of life spheres, time distribution, subjective well-being, work engagement, motivation, job demands.

Funding. Research was supported by the Russian Scientific Foundation, project 16-18-10439 “System-dynamic analysis of the activity regulation”.

For citation: Rasskazova E.I. Subjective Importance of Work and Time Allocation: Relationship with Subjective Well-Being and Work Engagement under Different Job Demands. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 49—72. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290404>

Введение

Благополучие человека, его счастье и качество жизни — одна из ключевых тем психологического консультирования и психотерапии. В научной психологии эти конструкты, как правило, рассматриваются и диагностируются [16] обобщенно как результат интегральной оценки [27] или через их психологические факторы и компоненты. Для практической работы важной задачей становится выделение конкретных «проблемных» областей, особенно тесно связанных с благополучием и качеством жизни у данного человека. Например, в терапии качества жизни предлагается строить профиль, учитывающий соотношение важности различных жизненных сфер и удовлетворенности в этих сферах [20; 30]. Методы индивидуализированной оценки качества жизни предлагают предоставить клиенту или пациенту самому выделять сферы, важные для его счастья или благополучия, либо в наибольшей степени подвергшиеся влиянию заболевания [37; 48].

Следует отметить, что эти предложения не новы: психотехники, направленные на поиск вместе с клиентом тех сфер его жизни, целей и за-

дач, которые для него особенно важны, сопоставление их с временем, ресурсами, вкладываемыми в эти и другие сферы, удовлетворенностью ими, достижениями, широко распространены в тайм-менеджменте [1], коучинге (в первую очередь, лайф-коучинге [29; 49]), когнитивной терапии [36]. Нередко они применяются в варианте техники «пирога», предлагающей разделить круг на сектора — жизненные сферы — по каким-либо критериям.

Все большее внимание данная тема получает в современном мире, где растет число профессий, требующих от человека решения серии задач в ограниченное время [23], и все больше людей стремятся делать несколько дел одновременно [22; 39]. Особую актуальность она приобретает для профессионалов, регулярно сталкивающихся с высокой нагрузкой в условиях дефицита времени, в частности, специалистов в области здравоохранения [32] — в том числе в связи с ситуацией пандемии [15]. Особенно ярко эта проблема описана в ситуации конфликта между различными жизненными сферами [20; 38], что особенно актуально для людей, в чьи субъективные обязанности входит поддержание нескольких различных задач — например, продуктивной работы и поддержки в семье [2].

Обобщая сказанное, вопрос о распределении ресурсов между различными задачами и жизненными сферами многогранен и может рассматриваться в терминах конфликта, баланса, побочных позитивных и негативных эффектов, компенсации и декомпенсации и др. [см.: 25; 28]. В данной работе она исследуется в рамках одного из перечисленных направлений — как проблема баланса — баланса временной перспективы [45], баланса работы и жизни [11], баланса требований и ресурсов на рабочем месте [21]. При этом, в отличие от относительно исследованной темы баланса работы и жизни [34; 35; 50], вопрос о балансе субъективной важности различных жизненных сфер и распределения времени и сил, уделяемых этим сферам, изучен значительно меньше. В нашем исследовании было показано, что расхождение между субъективной важностью жизненных сфер, с одной стороны, и затрачиваемыми на них временем и усилиями — с другой, чаще происходит по типу «нехватки» времени/усилий, а его величина является минимальной для сфер работы и семьи и максимальной для сферы здоровья [17]. Расхождение в оценках важности и времени в различных сферах жизни слабо, но стабильно связано с неудовлетворенностью жизненными сферами, неудовлетворенностью жизнью в целом и негативными эмоциями и не связано с особенностями психологической саморегуляции и совладающего поведения. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет расхождение между важностью и ресурсами, вкладываемыми в работу, поскольку это расхождение может задавать основу для понимания таких распространенных феноменов, как трудоголизм, эмоциональное выгорание, скука на рабо-

чем месте [43]. В связи с важностью учета ситуации на рабочем месте, в первую очередь, требований и ресурсов [21; 33; 41], можно предполагать, что роль важности и распределения времени зависит от уровня требований на работе.

Основной **целью** данного исследования было выявление связи соотношения субъективной важности работы и времени/сил, уделяемых ей, с общим благополучием, увлеченностью работой и мотивацией при различных требованиях на рабочем месте. **Дополнительной задачей** было уточнение полученного ранее отрицательного результата [17] о связи расхождения между оценками важности и времени, уделяемого различным жизненным сферам, с особенностями психологической саморегуляции.

В рамках основной цели выдвигались следующие **гипотезы**.

1. Связь субъективной важности работы с благополучием, увлеченностью работой и мотивацией слабее при большем вкладе времени и сил в работу (т. е. при большем дисбалансе между важностью и распределением времени и сил). Этот эффект не зависит от важности и распределения времени в других жизненных сферах и сохраняется после их статистического контроля.

2. Связь соотношения важности и распределения времени в сфере работы с общим благополучием, мотивацией и состоянием зависит от выраженности (уровня и согласованности) требований на рабочем месте.

В рамках дополнительной задачи, с учетом уже полученного отрицательного результата, конкретных гипотез не выдвигалось, но применялись другие методики диагностики психологической саморегуляции и совладающего поведения, нежели в предыдущем исследовании.

Процедура и методы

Исследование состояло из двух этапов — уточняющего предыдущие данные и собственно исследовательского, — включивших две различные выборки.

Первый этап представлен данными **группы 1**, которая включала студентов гуманитарных факультетов вузов, чьи данные использовались для более детализированного исследования связи личностных ресурсов саморегуляции с особенностями распределения времени. Выборка составила 286 студентов (50 юношей, 237 девушек) в возрасте от 17 до 26 лет (средний возраст $\pm$ стандартное отклонение составил $20,20 \pm 2,65$ лет).

Респонденты первого этапа заполняли следующие **методики** (очно, но в компьютерном виде):

1. *Оценка соотношения важности жизненных сфер и уделяемых им времени/сил* проводилась на основе модификации схемы оценки индиви-

дуального качества жизни [48] с фиксированным списком жизненных сфер и дополнительными параметрами их оценки [17]. Респондентов дважды просили на круге отметить секторами пять сфер их жизни (работа/учеба, семья, личная жизнь, друзья, здоровье) таким образом, чтобы размер сектора соответствовал (1) важности каждой сферы в их жизни и (2) вклада времени и сил в эту сферу. Показатели расхождения рассчитывались для каждой сферы отдельно как модуль разности между выделенными долями сектора. Альфа Кронбаха расхождения важности и времени для пяти сфер составила 0,69, что является приемлемым значением для расчета суммарного показателя склонности к расхождению важности и времени в различных сферах жизни.

2. Для диагностики особенностей *психологической саморегуляции* применялись две методики. Методика стиля саморегуляции поведения [10]; эта методика включает четыре субшкалы, специфичные для отдельных этапов саморегуляции (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов), а также две субшкалы, оценивающие обобщенные качества саморегуляции (гибкость и самостоятельность). Опросник ориентации на действие/состояние [3; 9]; он направлен на оценку склонности к непосредственным действиям, фокусированию на состоянии и переживаниях или рефлексивной ориентации в трех ситуациях — неудачи, планирования и реализации деятельности.

3. Опросник когнитивной регуляции эмоций [18; 31] применялся для диагностики когнитивных *стратегий совладания* с эмоциональным состоянием в стрессогенных ситуациях. В методике выделяются следующие шкалы: самообвинение, принятие, руминации, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе, катастрофизация, обвинение других.

Второй этап представлен данными **группы 2**, включившей 1200 работников (776 мужчин, 64,7%, и 424 женщины, 35,3%) энергетической компании из Центрального и Северо-Западных федеральных округов России (города Архангельск, Ярославль, Новгород, Тверь, Вологда, Кострома). Возраст респондентов составлял от 18 до 67 лет (средний возраст $39,76 \pm 12,11$ лет). Из них 600 человек (50,0% выборки) занимали должности рабочих специальностей, 327 (27,3%) работали на должностях специалистов, 208 (17,3%) занимали руководящие должности различного уровня, 65 человек (5,4%) были служащими. Общий стаж работы варьировал от 1 года до 46 лет (средний стаж — $13,15 \pm 12,25$ лет).

Респонденты заполняли анонимно следующие методики в компьютерном виде.

1. *Оценка соотношения важности жизненных сфер и уделяемых им времени/сил* отличалась от группы 1 тем, что респондентам предъявлялся список из 6 жизненных сфер («Семья, близкие отношения», «Работа»,

«Хобби и увлечения», «Друзья, общение», «Здоровье, хорошая физическая форма», «Обучение, саморазвитие»), которые они оценивали по (1) субъективной важности (от «совсем не важна» до «очень важна») и (2) вкладу времени и сил в эту сферу (от «совсем не вкладываю» до «трачу почти все свое время и силы») по шкале Лайкерта от 1 до 7 баллов. Надежность-согласованность (альфа Кронбаха) субъективной важности пяти жизненных сфер, кроме работы (семья, хобби, друзья, здоровье, обучение и саморазвитие), составила 0,87. Альфа Кронбаха распределения времени и сил по пяти жизненным сферам, кроме работы, — 0,82. Показатели субъективной важности и распределения времени по пяти жизненным сферам рассчитывались как среднее значение стандартизованных показателей по пяти сферам.

2. *Общее субъективное благополучие* оценивалось в соответствии с моделью Э. Динера как включающее когнитивный (удовлетворенность жизнью) и эмоциональный компоненты (позитивные и негативные эмоции) при помощи шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта [12;47] и шкалы удовлетворенности жизнью [14; 26].

3. Оценка *благополучия на рабочем месте* проводилась на основе разделения увлеченности работой, трудоголизма и эмоционального выгорания, предложенного У. Шауфелли и его коллегами [43], и включала Утрехтскую шкалу увлеченности работой [7; 40], краткую версию шкалы эмоционального истощения из опросника МБИ К. Маслач [4; в сокращенном варианте: 13], а также голландскую шкалу трудовой зависимости [8; 42].

4. Для оценки *мотивации на рабочем месте* применялся опросник профессиональной мотивации [13]; в данной работе использовались шкалы внутренней мотивации, внешней мотивации и амотивации.

5. С целью оценки *требований на рабочем месте* применялся блок, касающийся требований опросника ресурсов и требований работы [5], разработанного на основе QPS-Nordic [46]. В данной версии методики блок был представлен пятью различными показателями, характеризующими их интенсивность и несогласованность требований на рабочем месте (загрузка работой, напряжение, сложность работы, нечеткость роли, неоптимальность распределения работы). Альфа Кронбаха по пяти показателям составила 0,70; в работе применялся усредненный показатель.

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0 и включала корреляционный анализ Пирсона, иерархический регрессионный анализ и анализ модерации [24]. Исследования показывают, что классические варианты проверки нормальности не являются доказательством интервальности шкал, в которых измерены переменные; и, более того, при выраженных отличиях распределения шкал от нормального параметрические методы нередко показывают не меньшую и даже большую эффективность, чем параметрические [6]. Основываясь на этих

данных, обоснованности психометрических свойств применяемых шкал в предыдущих исследованиях и учитывая значительный размер выборки в группе 2, мы сочли возможным прямое применение параметрических методов обработки данных. Проблема мультиколлинеарности независимых переменных решалась в данном исследовании двумя способами: при помощи анализа модерации, т. е. прямой проверки гипотез о взаимодействии независимых переменных [24], и за счет иерархичности выдвигаемых гипотез. В частности, в иерархическом регрессионном анализе сначала проверялись гипотезы о роли субъективной важности и вклада в работу, а затем о том, добавляет ли учет требований на рабочем месте что-либо к уже проведенному анализу.

Результаты

Связь расхождения между субъективной важностью и временем, уделяемым разным жизненным сферам, с особенностями психологической саморегуляции

По данным **группы 1**, практически ни одна из методик саморегуляции и совладания со стрессом не была связана с расхождением между важностью и затрачиваемым временем в отношении различных жизненных сфер. Принятого уровня значимости достигли слабые связи дисбаланса важности и времени с ориентацией на состояние в ситуации неудачи ($r=0,12$; $p<0,05$) и более низким уровнем позитивной перефокусировки ($r=-0,14$; $p<0,05$).

Более детальный анализ показывает, что расхождение между субъективной важностью и временем, уделяемым работе/учебе, связано с более низким уровнем позитивной перефокусировки ($r=-0,16$; $p<0,01$) и более высоким уровнем программирования ($r=0,13$; $p<0,05$). Расхождение в сферах семьи и здоровья слабо связано с лучшими показателями планирования ($r=0,12$; $p<0,05$ в обоих случаях), а в личной жизни и отношениях с друзьями — с несколько более низкими показателями моделирования ($r=-0,20$; $p<0,01$ и $r=-0,13$; $p<0,05$ соответственно).

Связь субъективной важности и распределения времени на рабочем месте с благополучием и увлеченностью работой

С целью проверки гипотезы о важности соотношения между субъективной важностью работы и распределением ресурсов (времени и сил) для благополучия на рабочем месте и в целом в **группе 2** проводилась серия анализов модерации [24]. Зависимыми переменными выступали показатели субъективного благополучия, увлеченности работой, эмоционального выгорания, трудоголизма, а также мотивации на рабочем

месте (табл. 1). На первом шаге анализа в качестве независимых переменных в модель добавлялись субъективная важность работы и время/силы, вкладываемые в работу (центрированные переменные); на втором шаге — переменная, характеризующая их взаимодействие. Улучшение предсказательной силы модели ко второму шагу анализа означает, что благополучие, увлеченность работой и/или мотивация на рабочем месте зависят именно от соотношения важности и времени/ресурсов в работе.

Для того чтобы исключить, что полученные результаты объясняются не работой, а общими оценками важности и распределения времени (например, в других жизненных сферах), мы повторяли ту же обработку данных, статистически контролируя среднюю важность и вклад времени/сил в других пяти жизненных сферах (результаты приведены в табл. 1 в скобках и описаны ниже).

Согласно результатам, чем более важна людям их работа, тем выше их субъективное благополучие, увлеченность работой, внутренняя мотивация и тем ниже уровень негативных эмоций и эмоциональное выгорание (табл. 1). Эти связи сохраняются после статистического контроля важности и вклада времени и ресурсов в другие (не связанные с работой) жизненные сферы.

Чем больше времени и сил люди уделяют работе, тем выше общий показатель позитивных эмоций, увлеченности работой и внутренней мотивации, тогда как удовлетворенность жизнью, негативные эмоции и эмоциональное выгорание напрямую от рабочего времени не зависят.

Напротив, *соотношение* важности и вклада времени и сил в работу предсказывает удовлетворенность жизнью, негативные эмоции и эмоциональное выгорание, но не позитивные эмоции, увлеченность работой и внутреннюю мотивацию. В частности, чем больше времени и сил человек вкладывает в работу, тем слабее связь важности работы с удовлетворенностью жизнью, низким уровнем негативных эмоций и эмоционального выгорания.

Особый паттерн результатов характерен для трудоголизма, внешней мотивации в работе и амотивации: с собственно субъективной важностью работы эти факторы не связаны¹. Трудоголизм более выражен у тех, кто больше времени и сил уделяет работе, независимо от ее субъективной важности. Внешняя мотивация и амотивация в работе зависят от соотношения ее важности и распределения ресурсов: как показывают простые регрессии, если человеку работа не важна, больший вклад времени и сил в нее связан с внешней мотивацией и амотивацией ($\beta=0,11$ и

---

¹ Амотивация связана с меньшей важностью работы, но эта связь перестает быть значимой после статистического контроля ситуации в других жизненных сферах, т. е. эта связь, по всей видимости, не специфична именно для работы.

$\beta=0,10$ соответственно). Если работа важна в средней степени, то внешняя мотивация и амотивация отмечаются у тех, кто мало вкладывается в эту работу ($\beta=-0,09$ и $\beta=-0,08$ соответственно). У людей с высокой важностью работы связь внешней мотивации и амотивации в работе с распределением времени слабая ($\beta=0,04$ и $\beta=-0,05$ соответственно).

Таблица 1

**Субъективная важность работы и распределение времени
 как факторы благополучия, мотивации и увлеченности работой:
 результаты анализа модерации**

Зависимые переменные: показатели субъективного благополучия, мотивации и увлеченности работой	Показатели	Шаг 1: независимые переменные		Шаг 2: независимая переменная
		Субъективная важность работы	Время и силы, уделяемые работе	Взаимодействие важности и вклада ресурсов
Удовлетворенность жизнью	β	0,18** (0,15**)	0,05 (0,01)	-0,11** (-0,09**)
	ΔR^2	4,4%** (1,3%**)		0,8%** (0,6%**)
Позитивные эмоции	β	0,29** (0,28**)	0,15** (0,12**)	-0,08* (-0,07*)
	ΔR^2	15,0%** (6,4%**)		0,5%* (0,4%*)
Негативные эмоции	β	-0,12** (-0,12**)	0,06 (0,10**)	-0,09** (-0,11**)
	ΔR^2	1,0%** (1,0%**)		0,6%** (0,9%**)
Увлеченность работой	β	0,40** (0,43**)	0,19** (0,17**)	-0,05 (-0,06)
	ΔR^2	27,9%** (14,8%**)		0,2% (0,2%)
Трудоголизм	β	0,01 (0,06)	0,29** (0,33**)	-0,04 (-0,07*)
	ΔR^2	8,6%** (8,9%**)		0,1% (0,3%*)
Эмоциональное выгорание	β	-0,21** (-0,25**)	0,06 (0,09*)	-0,15** (-0,15**)
	ΔR^2	3,4%** (3,0%**)		1,5%** (1,5%**)
Внутренняя мотивация в работе	β	0,42** (0,48**)	0,12** (0,09**)	-0,01 (-0,02)
	ΔR^2	24,7%** (14,4%**)		0,0% (0,0%)
Внешняя мотивация в работе	β	0,02 (0,01)	0,01 (0,01)	-0,14** (-0,14**)
	ΔR^2	0,1% (0,0%)		1,3%** (1,3%**)
Амотивация в работе	β	-0,12** (-0,08)	-0,02 (-0,04)	-0,18** (-0,20**)
	ΔR^2	1,9%** (0,6%*)		2,3%** (2,7%**)

Примечание. β — стандартизованные регрессионные коэффициенты; ΔR^2 — изменение процента объясняемой дисперсии; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$. В скобках указано, как меняются показатели, если статистически контролировать субъективную важность и распределение времени в других жизненных сферах, помимо работы.

Важность и вклад времени и сил в работу при различных требованиях и ресурсах на рабочем месте

Для проверки гипотезы о том, что соотношение важности и распределение времени играют различную роль при разных требованиях на рабочем месте, анализ модерации, представленный в предыдущем разделе, был дополнен тремя шагами. По каждой из зависимых переменных (табл. 2) к базовой модели, включающей важность работы, вклад времени и сил и их взаимодействие, добавлялась переменная, характеризующая требования на рабочем месте (шаг 3), две переменные, характеризующие соотношение требований с важностью и распределением времени (шаг 4) и переменная, характеризующая трехуровневое взаимодействие всех перечисленных факторов (шаг 5). Улучшение предсказательной силы модели на третьем шаге указывает, что требования на рабочем месте связаны с благополучием, мотивацией или увлеченностью работой, независимо от важности этой работы и распределения времени. Изменение модели на четвертом шаге означает, что описанные в предыдущем разделе эффекты важности и распределения времени различаются при высоких и низких требованиях на рабочем месте. Наконец, улучшение предсказательной силы модели на последнем шаге означает, что эффект соотношения важности и времени не одинаков при высоких и низких требованиях на рабочем месте.

Согласно полученным результатам (табл. 2), чем выше требования на рабочем месте, тем выше показатели негативных эмоций, трудоголизма, эмоционального выгорания, внешней мотивации и ниже удовлетворенность жизнью и внутренняя мотивация в работе. Эти эффекты не сводятся к субъективной важности работы, вкладу ресурсов в нее и их соотношению, поскольку эти переменные статистически учтены на предыдущих двух шагах модели.

Как показывает анализ шага 4 модели, положительная связь времени и сил, вложенных в работу, с позитивными эмоциями, увлеченностью работой и внутренней мотивацией, обсуждавшаяся в предыдущем разделе, сильнее при низких требованиях на рабочем месте и ослабевает, если требования становятся большими и несогласованными.

Наконец, в предыдущем разделе было показано, что трудоголизм выше у тех, кто тратит в работе больше времени и ресурсов, а негативные эмоции, внешняя мотивация и амотивация в работе зависят от соотношения важности и вклада ресурсов в работу. В частности, понимание важности работы связано с более низким уровнем негативных эмоций, внешней мотивации и амотивации в работе у тех, чей вклад в работу невелик. Чем больше времени и сил тратит человек на работу, тем слабее эта связь. Шаг 5 модели (табл. 2) дополняет эти результаты следующим образом: особенно выражен этот эффект (т. е. особенно слаба эта связь) при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте.

Таблица 2

Связь субъективной важности работы и распределения времени с благополучием, мотивацией и увлеченностью работой при различных требованиях на рабочем месте: результаты анализа модерации

Зависимые переменные: показатели субъективного благополучия, мотивации и увлеченности работой	Показатели	Шаг 3: независимая переменная	Шаг 4: независимые переменные		Шаг 5: независимая переменная
		Требования на рабочем месте	Взаимодействие важности и требований на рабочем месте	Взаимодействие времени и требований на рабочем месте	Взаимодействие соотношения важности и времени с требованиями на рабочем месте
Удовлетворенность жизнью	β	-0,07*	-0,03	0,07	0,07
	ΔR^2	0,5%*	0,20%		0,10%
Позитивные эмоции	β	-0,01	0,05	-0,14**	-0,06
	ΔR^2	0,0%	1,1%**		0,1%
Негативные эмоции	β	0,43**	0,04	-0,03	0,10*
	ΔR^2	16,7%**	0,1%		0,3%*
Увлеченность работой	β	0,02	0,05	-0,10**	-0,03
	ΔR^2	0,0%	0,5%**		0,0%
Трудоголизм	β	0,35**	0,04	0,01	0,11*
	ΔR^2	11,0%**	0,1%		0,4%*
Эмоциональное выгорание	β	0,32**	0,03	-0,01	0,07
	ΔR^2	9,5%**	0,0%		0,1%
Внутренняя мотивация в работе	β	-0,09**	0,02	-0,09*	0,02
	ΔR^2	0,8%**	0,5%*		0,0%
Внешняя мотивация в работе	β	0,09**	0,05	-0,08*	0,11*
	ΔR^2	0,7%**	0,3%		0,3%*
Амотивация в работе	β	0,05	0,10*	-0,07	0,16**
	ΔR^2	0,2%	0,4%		0,7%**

Примечание. β — стандартизованные регрессионные коэффициенты; ΔR^2 — изменение процента объясняемой дисперсии; *» — $p < 0,05$; **» — $p < 0,01$.

Обсуждение результатов

Данная работа преследовала две задачи — уточнение предыдущих данных о связи расхождения в оценках важности и времени различных

жизненных сфер с особенностями психологической саморегуляции и исследование связи такого расхождения в работе с благополучием при различных требованиях на рабочем месте. В рамках первой задачи получен отрицательный результат: на студенческой выборке показатели расхождения между субъективной важностью различных жизненных сфер и затрачиваемым на них временем практически не связаны с ориентацией на действие/состояние, саморегуляцией поведения и стратегиями когнитивной регуляции эмоций. Слабые связи, не воспроизводящиеся для разных сфер, могут быть артефактом множественных сравнений. В целом, эти результаты согласуются с полученными ранее [16], но, учитывая важность пола, семейного статуса и других факторов в интерпретации расхождения между важностью и ресурсами, вкладываемыми в различные жизненные сферы, их следует интерпретировать как относящиеся именно к этой, студенческой, выборке [2; 20]. Тем не менее, по-видимому, расхождение между важностью различных жизненных сфер и временем, им уделяемым, по-видимому, не связано напрямую с другими особенностями саморегуляции. С одной стороны, этот результат может свидетельствовать о специфической роли этого расхождения в структуре саморегуляции, не сводимой к другим факторам саморегуляции [29]. С другой стороны, учитывая то, что негативные связи этого расхождения с благополучием, хотя и стабильны, но слабы [16], следует предполагать, что важность этого конструкта в практической психологии переоценена.

Связь субъективной важности и распределения времени в работе с благополучием и мотивацией. Расхождение между субъективной важностью работы и теми ресурсами (время, силы), которые человек вкладывает в нее в среднем не столь выражено, как в других жизненных сферах [16]. Люди чаще испытывают ощущение «нехватки» времени в семье, увлечениях и здоровье, нежели в работе. Однако именно работа стабильно попадает в зону внимания специалистов по тайм-менеджменту и коучингу (особенно жизненному коучингу), позволяя предположить, что именно это расхождение важно для общего благополучия, благополучия на рабочем месте и мотивации в работе. Результаты данного исследования показывают, что эти эффекты неоднородны.

- Позитивные эмоции, увлеченность работой и внутренняя мотивация в работе (интерес к самому процессу работы) выше не только при большей важности работы, но и при больших вкладываемых в эту работу ресурсах — и по всей видимости, это два самостоятельных эффекта. Образуя, возникнет позитивный «замкнутый» круг самоподкрепления: чем более важна работа человеку и чем больше он отдает ей времени и сил, тем больший интерес и удовольствие от нее он получает.

- Удовлетворенность жизнью, низкий уровень негативных эмоций и эмоционального выгорания на работе также зависят от важности работы,

но этот эффект опосредствуется вложенными ресурсами: он слабее у тех, кто тратит на работу много времени и сил. Можно предполагать, что по мере того, как человек все больше вкладывает в свою работу, усиливается усталость и дисбаланс работы и других жизненных сфер. Прибегая к метафоре, постепенно даже важная работа перестает «защищать» от эмоционального выгорания и негативных эмоций. Иными словами, баланс важности и ресурсов в работе может рассматриваться как буфер эмоционального выгорания, негативных эмоций и неудовлетворенности.

- Трудоголизм связан исключительно с временем и силами, уделяемыми работы, независимо от ее важности. В этом контексте интересно сопоставление с эмоциональным выгоранием: по всей видимости, трудоголизм как состояние на рабочем месте [42] определяется чрезмерным вкладом в работу, как бы человек ни относился к этой работе. Эмоциональное выгорание же развивается тогда, когда вклад в работу субъективно «перевешивает» ее важность.

- Связь внешней мотивации и амотивации в работе с распределением времени зависит от важности работы: если она не важна, большая трата ресурсов на нее закономерно связана с внешней мотивацией и амотивацией, поскольку человеку приходится успешно или безуспешно находить способы заставлять себя работать, тратить эти ресурсы на то, что он лично нужным не считает. При средней важности работы связь противоположна: можно предполагать, что, вкладываясь в довольно важную (но не слишком) работу, человек получает удовлетворение от достигнутого и находит в ней больше интересного и важного, а не вкладываясь — скорее скучает и заставляя себя ее делать. Иными словами, можно предполагать здесь тот же эффект позитивного самоподкрепления, «замкнутого» круга, который обсуждался выше в отношении внутренней мотивации, но значительно более слабый и касающийся тех, кто оценивает важность работы как среднюю. Если работа важна для человека, устойчивого паттерна связи с внешней мотивацией и амотивацией не отмечается, вероятно потому, что внешняя мотивация может присутствовать и тогда, когда не является ведущей, и во многом зависит от ситуации, а не от отношения человека. Следует отметить, что в модели мотивационного континуума [43] различные варианты мотивации оцениваются независимо друг от друга, т. е. высокий уровень внешней мотивации может сосуществовать с высоким уровнем внутренней мотивации, что, по всей видимости, и вызывает неоднозначность связей вклада ресурсов с внешней мотивацией и амотивацией у тех людей, которые высоко оценивают важность своей работы.

Требования на рабочем месте, важность работы и распределение времени: к вопросу о взаимодействии. В полном соответствии с существующими работами, высокие и несогласованные требования на рабочем ме-

сте — фактор риска негативных эмоций, трудоголизма, эмоционального выгорания и внешней мотивации в работе, связанный также с более низким уровнем удовлетворенности жизнью и внутренней мотивацией [5; 40]. Для цели данной работы интересен другой результат: положительная связь времени и сил, вкладываемых в работу, с позитивными эмоциями, увлеченностью работой и внутренней мотивацией слабее при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте. Выше мы рассматривали эту связь в контексте процессов самоподкрепления, своего рода позитивного «замкнутого» круга, когда чем больше человек вкладывает ресурсов в деятельность, тем больше удовольствия от нее получает, что мотивирует его к дальнейшим вложениям. Результаты анализа модерации требуют предположить, что чрезмерно высокие и несогласованные, противоречивые требования на рабочем месте ослабляют и, возможно, могут разрушать этот «естественный» круг, и вложенные время и ресурсы перестают приносить человеку удовольствие.

Другой результат касается трудоголизма, негативных эмоций, внешней мотивации и амотивации на рабочем месте. Выше мы предположили, что эффект модерации, соотношения важности и времени в работе (отрицательная связь важности работы с негативными эмоциями, внешней мотивацией и амотивацией слабее при более выраженных затратах сил и времени на эту работу) объясняется тем, что при дисбалансе между важностью и затратами в работе нарушается буферная функция субъективной важности работы. Говоря метафорически, понимание субъективной важности перестает оберегать человека от негативных эмоций и выгорания. Результаты показывают, что этот эффект особенно отчетлив при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте. Иными словами, можно предполагать, что риск трудоголизма, негативных эмоций, внешней мотивации и амотивации на рабочем месте нарастает при больших затратах времени и сил в работе, даже если эта работа важна для человека, и особенно интенсивно это происходит, если требования велики. В этом контексте требования на рабочем месте выступают своеобразным «катализатором», дополнительно усиливающим расхождение между важностью работы и низким уровнем негативных эмоций, выгорания, трудоголизма и амотивации.

Обобщая эти данные, следует отметить, что, с теоретической точки зрения, полученные результаты в отношении соотношения важности и вклада ресурсов в различные жизненные сферы достаточно скромны. Так, не выявлено их связей с другими психологическими факторами саморегуляции, что позволяет предположить, что они либо выступают самостоятельным ее фактором, либо их участие в саморегуляции деятельности минимально. В большинстве случаев речь идет о слабых с точки зрения величин статистического эффекта связях, получающих

подтверждение лишь на относительно больших выборках. Тем не менее, учитывая, что эти результаты подтверждаются в анализе различных зависимых переменных, данные позволяют предполагать существование по меньшей мере двух различных процессов, определяющих эффект вклада сил и времени в работу. Процесс, метафорически обозначенный как *позитивное самоподкрепление*, касается усиления позитивных эмоций, увлеченности работой и внутренней мотивации по мере большего вклада времени и усилий. Эти связи не зависят от субъективной важности самой работы (хотя важность работы также связана с этими переменными), но слабее при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте. С нашей точки зрения, чрезмерные и нечеткие требования могут «разрушать» эту естественную систему самоподкрепления.

Другой процесс, который метафорически можно обозначить как *ослабление буферного эффекта важности работы*, предположительно заключается в том, что чем больше времени и сил человек вкладывает в работу, тем в меньшей степени его понимание важности работы препятствует формированию негативных эмоций, эмоционального выгорания и неудовлетворенности жизнью. В случае негативных эмоций и эмоционального выгорания этот процесс более выражен при больших требованиях на рабочем месте.

Разумеется, эти предположения требуют подтверждения в дальнейших исследованиях, но результаты данной работы согласуются с ними.

С точки зрения практики консультирования и психотерапии, результаты указывают на важность выявления тех функций, которые выполняет соотношение важности и вклада ресурсов на работе в жизни человека (идет ли речь только о высоких затратах, о том, что они «обесценивают» для человека важность и осмысленность его работы, или о дисбалансе отношения к работе и затрат), и уточнения того контекста, в котором это происходит (согласованности и выраженности требований).

Следует указать несколько **ограничений** данной работы. Во-первых, оба исследования носили корреляционный характер, что не дает возможности делать выводы о причинно-следственной связи; предположения об эффектах соотношения важности и времени работы носят гипотетический характер и должны проверяться в дальнейших исследованиях. Во-вторых, оценки времени и ресурсов, а также требований на рабочем месте субъективны — т. е. речь идет о восприятии этих факторов. В-третьих, как уже упоминалось выше, большинство выявленных статистических эффектов невелики по размеру и, хотя достигают принятого уровня значимости, по всей видимости, свидетельствуют о небольших различиях и слабых закономерностях. Наконец, отдельной проблемой и задачей дальнейших исследований является учет роли пола, образования, семейного статуса, наличия и количества детей, распределения

финансовой ответственности в семье и т. д., поскольку эти вопросы напрямую связаны как со стратегией распределения времени между различными сферами жизни, так и с удовлетворенностью ими.

Выводы

Таким образом, позитивные эмоции, увлеченность работой и внутренняя мотивация выше как при большей субъективной важности работы, так и при большем вкладе в эту работу времени и сил. Однако время и силы, уделяемые работе, слабее связаны с позитивными эмоциями, увлеченностью работой и внутренней мотивацией при высоких и несогласованных требованиях на рабочем месте. Удовлетворенность жизнью выше, а негативные эмоции и эмоциональное выгорание на работе ниже при большей важности работы, но эта связь слабее у тех, кто тратит на работу много сил и времени (эффект модерации). Большой вклад сил и времени в работу, в отличие от субъективной важности работы, также связан с трудоголизмом. Эти эффекты сохраняются после статистического контроля субъективной важности и распределения времени и сил в других жизненных сферах.

Ключевое направление дальнейших исследований мы видим в эмпирической дифференции и уточнении содержания двух предложенных процессов: позитивного самоподкрепления и ослабления буферного эффекта важности работы по мере увеличения вклада в работу сил и времени. Отдельный интерес представляет сопоставление расхождения между временем и важностью различных сфер жизни у мужчин и женщин с различными семейными ситуациями и распределением финансовых обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А., Лукашенко М., Телегина Т., Бехтеров С.* Тайм-менеджмент. Полный курс. М.: Альпина Паблишер, 2012. 312 с.
2. *Бордунос А. К.* Альтернатива «розовым очкам»: оптимизация условий труда сотрудников, совмещающих работу с заботой о детях // *Организационная психология*, 2019. Т. 9. № 4. С. 141—173.
3. *Васильев И.А., Митина О.В., Шапкин С.А.* Контроль за действием как составляющая личностного потенциала // *Личностный потенциал: Личностный потенциал: структура и диагностика* / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 330—359.
4. *Водопьянова Н.Е.* Синдром выгорания. СПб: Питер, 2007. 258 с.
5. *Иванова Т.Ю.* Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2016. 206 с.
6. *Кричевец А.Н., Корнеев А.А., Рассказова Е.И.* Основы статистики для психологов. М.: Акрополь, 2019. 286 с.

7. *Кутузова Д.А.* Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2006. 213 с.
8. *Ловаков А.В.* Психометрический анализ русскоязычной версии Голландской шкалы трудовой зависимости (DUWAS) // *Организационная психология*. 2016. Т. 6. № 3. С. 22—37.
9. *Митина О.В., Рассказова Е.И.* Рефлексивная ориентация и ее диагностика в структуре контроля за действием // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 2. С. 118—128.
10. *Морсанова В.И.* Стиль саморегуляции поведения (ССПМ). Руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 41 с.
11. *Моспан А.Н., Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Бобров В.В.* Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // *Организационная психология*. 2016. Т. 6. № 2. С. 8—29.
12. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 4. С. 91—109.
13. *Осин Е.Н., Горбунова А. ., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова (Мандрикова) Е.Ю.* Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности [Электронный ресурс] // *Организационная психология*. 2017. Т. 7. № 4. С. 21—49. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 01.11.2020).
14. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 117—142.
15. *Петриков С.С., Холмогорова А.Б., Суроегина А.Ю., Микита О.Ю., Рой А.П., Рахманина А.А.* Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время эпидемии COVID-19 // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Том 28. № 2. С. 8—45. DOI:10.17759/cpp.2020280202
16. *Рассказова Е.И.* Диагностика здоровья и качества жизни. Методы оценки социальных программ в психологии здоровья. // *Руководство по психологии здоровья* / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М.: издательство МГУ, 2019. С. 424—515.
17. *Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю.* Распределение времени в структуре психологической саморегуляции: связь с субъективным благополучием // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2016. № 9(4). С. 13—24. DOI: 10.14529/psy160402
18. *Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В.* Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // *Вестник психологии. Серия 14. Психология*. 2011. № 4. С. 161—179.
19. *Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю., Леонтьев Д.А., Ширяева О.С.* Диагностика качества жизни в психотерапии: апробация русскоязычной версии методики М. Фриша // *Консультативная психология и психотерапия*. 2019. № 27(1). С. 8—29. DOI:10.17759/cpp.2019270102

20. Смирнова А.Ю. Значение ролевого конфликта в переживании субъективной незащищенности в сфере труда [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 4. С. 14—28. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 15.11.2020).
21. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources Model: state of art // Journal of Managerial Psychology. 2006. Vol. 22. № 3. P. 309—328.
22. Baumgartner, S. E., Lemmens, J. S., Weeda, W. D., Huizinga, M. Measuring Media Multitasking: Development of a Short Measure of Media Multitasking for Adolescents // Journal of Media Psychology. 2017. Vol. 29. № 2. P. 1—10. DOI: 10.1027/1864-1105/a000167
23. Bühner, M., König, C.J., Pick, M., Krumm, S. Working memory dimensions as differential predictors of the speed and error aspect of multitasking performance // Human Performance. 2006. Vol. 19. P. 253—275.
24. Chaplin W.F. Moderator and mediator models in personality research // Handbook of Research Methods in Personality Psychology / Robins R.W., Fraley R.C., Krueger R.E. (eds.). N.Y.: The Guilford Press, 2007. P. 602—632.
25. Clark S.C. Work/Family Border Theory: A New Theory of Work/Life Balance // Human Relations. 2000. 53(6). P. 747—777.
26. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 71—75.
27. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: a general overview // South African Journal of Psychology. 2009. Vol. 39. P. 391—406.
28. Dragani J. Work/Life balance in the 21st century // The way ahead. 2012. 8(3). P. 23—24.
29. Ellis D.B. Life Coaching: A Manual for Helping Professionals. Crown House Publishing Limited, 2006. 218 p.
30. Frisch M. Quality of Life Inventory. Complementary Trial Package. Pearson, 2007.
31. Garnefski N., Kraaij V., Spinhoven P. Manual for the use of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire. Leiderdorf: DATEK, 2002.
32. Gordon C.E., Borkan S.C. Recapturing time: a practical approach to time management for physicians // Postgrad Med J. 2014. Vol. 90. № 1063. P. 267—272. DOI: 10.1136/postgradmedj-2013-132012
33. Hobfoll S. Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience // The Oxford handbook of stress, health, and coping / S. Folkman (eds.). New York: Oxford University Press, 2011. P. 127—147.
34. Hyman J., Summers J. Work and life: can employee representation influence balance? // Employee Relat. 2007. Vol. 29. P. 367—384. DOI: 10.1108/01425450710759208
35. Lazar I., Osoian C., Ratiu P. The role of work-life balance practices in order to improve organizational performance // Eur. Res. Stud. 2010. Vol. 13. P. 201.
36. Leahy, R. Cognitive Therapy Techniques, Second Edition: A Practitioner's Guide. N.-Y.: the Guilford Press, 2017.
37. Martin F., Camfield L., Rodham K., Kleimpt P., Ruta D. Twelve years' experience with the Patient Generated Index (PGI) of quality of life: a graded structured review // Quality of Life Research. 2007. 16. P. 705—715.
38. Netemeyer R.G. Boles J.S., McMurrian R. Development and Validation of Work-Family Conflict and Family-Work Conflict Scales // Journal of Applied Psychology. 1996. 81(4). P. 400—410.

39. *Poposki E.M., Oswald F.L., Chen H.T.* Neuroticism negatively affects multitasking performance through state anxiety. Technical report for Navy Personnel Research, Studies, and Technology (NPRST-TN-09-3). Millington: TN, 2009.
40. *Schaufeli W.B., Bakker A.B.* Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary manual. Occupational Health Psychology Unit, Utrecht University, Utrecht, 2003.
41. *Schaufeli W.B., Bakker A.B.* Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement // *Journal of Organizational Behavior*. 2004. Vol. 25. P. 293—315.
42. *Schaufeli W.B., Shimazu A., Taris T.W.* Being Driven to Work Excessively Hard: The Evaluation of a Two-Factor Measure of Workaholism in The Netherlands and Japan // *Cross-Cultural Research*. 2009. Vol. 43. № 4. P. 320—348. DOI: 10.1177/1069397109337239
43. *Schaufeli W.B., Taris T.W., van Rhenen W.* Workaholism, burnout, and work engagement: three of a kind or three different kinds of employee well-being? // *Applied Psychology: and International Review*. 2008. Vol. 57. № 2. P. 173—203. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2007.00285.x
44. *Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D., Sychev O.* Evaluating the dimensionality of Self-Determination Theory's relative autonomy continuum // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. № 9. P. 1215—1238. DOI: 10.1177/0146167217711915
45. *Stolarski M., Wiberg B., Osin E.N.* Assessing temporal harmony: the issue of a balanced time perspective // *Time Perspective Theory; Review, Research, and Application*. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 57—71.
46. *Wannstrom, I., Peterson, U., Asberg, M., Nygren, A., Gustavsson J.P.* Psychometric properties of scales in the General Nordic Questionnaire for Psychological and Social Factors at Work (QPS (Nordic)): Confirmatory factor analysis and prediction of certified long-term sickness absence // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2009. Vol. 50. № 3. P. 231—244.
47. *Watson D., Clark L.A., Tellegen A.* Development and validation of brief measures of positive and negative affect: the PANAS scales // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54. P. 1063—1070.
48. *Wettergren, L., Kettis-Lindblad, A., Sprangers, M., Ring, L.* The use, feasibility and psychometric properties of an individualised quality of life instrument: a systematic review of the SEIQoL-DW. // *Quality of Life Research*. 2009. Vol. 18. P. 737—46.
49. *Williams, P. Menendez, D.S.* *Becoming a Professional Life Coach: Lessons from the Institute of Life Coach Training*. W. W. Norton & Company, 2007. 384 p.
50. *Wong, K., Chan, A.H.S., Teh P.-L.* How Is Work—Life Balance Arrangement Associated with Organisational Performance? A Meta-Analysis // *Int J Environ Res Public Health*. 2020. Vol. 17. № 12. P. 44—46. DOI: 10.3390/ijerph17124446

REFERENCES

1. Arkhangel'skii A., Lukashenko M., Telegina T., Bekhterov S. *Taim-menedzhment. Polnyi kurs*. Moscow: Al'pina Publisher, 2012. 312 p.
2. Bordunos A. K. Al'ternativa «rozovym ochkam»: optimizatsiya uslovii truda sotrudnikov, sovmeshchayushchikh rabotu s zabotoi o detyakh. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 2019, vol. 9, № 4, pp. 141—173.

3. Vasil'ev I.A., Mitina O.V., Shapkin S.A. Kontrol' za deistviem kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala. In: D.A. Leont'ev (ed) Lichnostnyi potentsial: Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika. Moscow: Smysl, 2011, pp. 330—359.
4. Vodop'yanova N.E. Sindrom vygoraniya. Saint-Peterburg: Piter, 2007. 258 p.
5. Ivanova T.Yu. Funktsional'naya rol' lichnostnykh resursov v obespechenii psikhologicheskogo blagopoluchiya. Diss. ... kand. psikhol. n. Moscow: MGU, 2016. 206 p.
6. Krichevets A.N., Korneev A.A., Rasskazova E.I. Osnovy statistiki dlya psikhologov. M.: Akropol', 2019. 286 p. ISBN 978-5-98807-086-3.
7. Kutuzova D.A. Organizatsiya deyatel'nosti i stil' samoregulyatsii kak faktory professional'nogo vygoraniya pedagoga-psikhologa: Dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk. Moscow: MGU, 2006. 213 p.
8. Lovakov A.V. Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi versii Gollandskoi shkaly trudovoi zavisimosti (DUWAS). *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 2016, vol. 6, № 3, pp. 22—37.
9. Mitina O.V., Rasskazova E.I. Refleksivnaya orientatsiya i ee diagnostika v strukture kontrolya za deistviem. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2014, vol. 35, № 2, pp 118—128.
10. Morosanova V.I. Stil' samoregulyatsii povedeniya (SSPM). Rukovodstvo. Moscow: Kogito-Tsentr, 2004. 41 p.
11. Mospan A.N., Osin E.N., Ivanova T.Yu., Rasskazova E.I., Bobrov V.V. Balans raboty i lichnoi zhizni u sotrudnikov rossiiskogo proizvodstvennogo predpriyatiya. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 2016, vol. 6, № 2, pp. 8—29.
12. Osin E.N. Izmerenie pozitivnykh i negativnykh emotsii: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2012, vol. 9, № 4, pp. 91—109.
13. Osin E.N., Gorbunova A.A., Gordeeva T.O., Ivanova T.Yu., Kosheleva N.V., Ovchinnikova (Mandrikova) E.Yu. Professional'naya motivatsiya sotrudnikov rossiiskikh predpriyatii: diagnostika i svyazi s blagopoluchiem i uspeshnost'yu deyatel'nosti. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 2017, vol. 7, № 4, pp. 21—49.
14. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2020, № 1, pp. 117—142.
15. Petrikov S.S., Kholmogorova A.B., Suroegina A.Yu., Mikita O.Yu., Roi A.P., Rakhmanina A.A. Professional'noe vygoranie, simptomy emotsional'nogo neblagopoluchiya i distressa u meditsinskikh rabotnikov vo vremya epidemii COVID-19. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psychotherapy [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2020, № 28 (2), pp. 8—45. DOI:10.17759/cpp.2020280202
16. Rasskazova E.I. Diagnostika zdorov'ya i kachestva zhizni. Metody otsenki sotsial'nykh programm v psikhologii zdorov'ya. In Tkhostov Sh., Rasskazova E.I. (ed) Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya. Moscow: MGU, 2019, pp. 424—515.

17. Rasskazova E.I., Ivanova T.Yu. Raspreделение времени v strukture psikhologicheskoi samoregulyatsii: svyaz' s sub"ektivnym blagopoluchiem. Vestnik YuUrGU. Seriya "Psikhologiya", 2016, № 9(4), pp. 13—24. DOI: 10.14529/psy160402
18. Rasskazova E.I., Leonova A.B., Pluzhnikov I.V. Razrabotka russkoyazychnoi versii oprosnika kognitivnoi regulyatsii emotsii. Vestnik psikhologii [Moscow University Psychology Bulletin], 2011, № 4, pp.161—179.
19. Rasskazova E.I., Neyaskina Yu.Yu., Leont'ev D.A., Shiryayeva O.S. Diagnostika kachestva zhizni v psikhoterapii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii metodiki M. Frisha. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019, № 27 (1), pp. 8—29. DOI:10.17759/cpp.2019270102
20. Smirnova A.Yu. Znamenie rolevogo konflikta v perezhivanii sub"ektivnoi nezashchishchennosti v sfere truda. Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology], 2016, vol. 6, № 4, pp. 14—28.
21. Bakker, A.B., Demerouti, E. The Job Demands-Resources Model: state of art. Journal of Managerial Psychology, 2006, vol. 22 (3), pp. 309—328.
22. Baumgartner, S.E., Lemmens, J.S., Weeda, W.D., Huizinga, M. Measuring Media Multitasking: Development of a Short Measure of Media Multitasking for Adolescents. Journal of Media Psychology, 2017, vol. 29 (2), pp. 1—10. DOI: 10.1027/1864-1105/a000167
23. Bühner, M., König, C.J., Pick, M., Krumm, S. Working memory dimensions as differential predictors of the speed and error aspect of multitasking performance. Human Performance, 2006, vol. 19, pp. 253—275.
24. Chaplin W.F. Moderator and mediator models in personality research. In Robins R.W., Fraley R.C., Krueger R.E. (eds.) Handbook of Research Methods in Personality Psychology. N.Y.: The Guilford Press, 2007, pp. 602—632.
25. Clark, S.C. Work'Family Border Theory: A New Theory of Work/Life Balance. Human Relations, 2000, № 53(6), pp. 747—777.
26. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale. Journal of Personality Assessment, 1985, № 49, pp. 71—75.
27. Diener, E., Ryan, K. Subjective well-being: a general overview. South African Journal of Psychology, 2009, № 39, pp. 391—406.
28. Dragani, J. Work/Life balance in the 21st century. The way ahead, 2012, № 8(3), pp. 23—24.
29. Ellis, D.B. Life Coaching: A Manual for Helping Professionals. Crown House Publishing Limited, 2006.
30. Frisch, M. Quality of Life Inventory. Complementary Trial Package. Pearson. 2007.
31. Garnefski, N., Kraaij, V., Spinhoven, P. Manual for the use of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire. Leiderdorf: DATEK, 2002.
32. Gordon C.E., Borkan S.C. Recapturing time: a practical approach to time management for physicians. Postgrad Med J, 2014, vol. 90, no. 1063, pp. 267—272. DOI: 10.1136/postgradmedj-2013-132012
33. Hobfoll, S. Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience. In S. Folkman (eds.) The Oxford handbook of stress, health, and coping. New York: Oxford University Press, 2011, pp. 127—147.
34. Hyman J., Summers J. Work and life: can employee representation influence balance? Employee Relat, 2007, vol. 29, pp. 367—384. DOI: 10.1108/01425450710759208

35. Lazar I., Osoian C., Ratiu P. The role of work-life balance practices in order to improve organizational performance. *Eur. Res. Stud*, 2010, vol. 13, p. 201.
36. Leahy, R. *Cognitive Therapy Techniques, Second Edition: A Practitioner's Guide*. N.-Y.: the Guilford Press, 2017.
37. Martin, F., Camfield, L., Rodham, K., Kleimpt, P., Ruta, D. Twelve years' experience with the Patient Generated Index (PGI) of quality of life: a graded structured review. *Quality of Life Research*, 2007, 16, pp. 705—715.
38. Netemeyer, R.G. Boles, J.S., McMurrian, R. Development and Validation of Work-Family Conflict and Family-Work Conflict Scales. *Journal of Applied Psychology*, 1996, vol. 81(4), pp. 400—410.
39. Poposki, E.M., Oswald, F.L., Chen, H.T. Neuroticism negatively affects multitasking performance through state anxiety. Technical report for Navy Personnel Research, Studies, and Technology (NPRST-TN-09-3). Millington, TN, 2009.
40. Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. *Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary manual*. Occupational Health Psychology Unit, Utrecht University, Utrecht, 2003.
41. Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement. *Journal of Organizational Behavior*, 2004, vol. 25, pp. 293—315.
42. Schaufeli, W.B., Shimazu, A., Taris, T. W. Being Driven to Work Excessively Hard: The Evaluation of a Two-Factor Measure of Workaholism in The Netherlands and Japan. *Cross-Cultural Research*, 2009, vol. 43, no. 4, pp. 320—348. DOI: 10.1177/1069397109337239
43. Schaufeli, W.B., Taris, T.W., van Rhenen, W. Workaholism, burnout, and work engagement: three of a kind or three different kinds of employee well-being? *Applied Psychology and International Review*, 2008, vol. 57, no. 2, pp. 173—203. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2007.00285.x
44. Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D., Sychev O. Evaluating the dimensionality of Self-Determination Theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2017, vol. 43, no. 9, pp. 1215—1238. DOI: 10.1177/0146167217711915
45. Stolarski M., Wiberg B., Osin E.N. Assessing temporal harmony: the issue of a balanced time perspective. In *Time Perspective Theory; Review, Research, and Application*. Cham: Springer International Publishing, 2015, pp. 57—71.
46. Wannstrom, I., Peterson, U., Asberg, M., Nygren, A., Gustavsson, J.P. Psychometric properties of scales in the General Nordic Questionnaire for Psychological and Social Factors at Work (QPS (Nordic)): Confirmatory factor analysis and prediction of certified long-term sickness absence. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2009, vol. 50, no. 3, pp. 231—244.
47. Watson D., Clark L.A., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: the PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988, vol. 54, pp. 1063—1070.
48. Wettergren, L., Kettis-Lindblad, A., Sprangers, M., Ring, L. The use, feasibility and psychometric properties of an individualised quality of life instrument: a systematic review of the SEIQoL-DW. *Quality of Life Research*, 2009, vol. 18, pp. 737—46.
49. Williams, P. Menendez, D.S. *Becoming a Professional Life Coach: Lessons from the Institute of Life Coach Training*. W. W. Norton & Company, 2007.

50. Wong, K., Chan, A.H.S., Teh P.-L. How Is Work—Life Balance Arrangement Associated with Organisational Performance? A Meta-Analysis. *Int J Environ Res Public Health*, 2020, vol. 17, no. 12, pp. 44—46. DOI: 10.3390/ijerph17124446

Информация об авторах

Рассказова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); ведущий научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, НИУ Высшая школа экономики (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Information about the authors

Elena I. Rasskazova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Moscow State University, Senior Researcher, International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Получена 08.12.2020

Received 08.12.2020

Принята в печать 10.10.2021

Accepted 10.10.2021

МАСТЕРСКАЯ И МЕТОДЫ МЕТОД

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТРЕХФАКТОРНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ

А.Ю. РАЗВАЛЯЕВА

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-3411>
e-mail: annraz@rambler.ru

Н.А. ПОЛЬСКАЯ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-5577>
e-mail: polskayana@yandex.ru

Представлены результаты апробации опросника Межличностной чувствительности — личностной черты, связанной с чрезмерной озабоченностью поведением, эмоциями других людей и страхом критики и отвержения с их стороны (Воусе, Parker, 1989). Выборку составили 645 респондентов (100 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет ($M=22,92\pm 5,01$). Была обнаружена трехфакторная структура опросника с выделением факторов «Зависимость от оценок окружающих», «Страх отвержения» и «Беспокойство в межличностных отношениях» и общей шкалы межличностной чувствительности. Шкалы имеют хорошие показатели внутренней и ретестовой надежности. Межличностная чувствительность была больше выражена у женщин; с возрастом ее показатели уменьшались. Шкалы опросника межличностной чувстви-

тельности значимо положительно связаны со страхом отвержения, одиночеством, ситуативной тревогой и эмоциональной дисрегуляцией и отрицательно — с эмоциональной стабильностью. Выводы: опросник Межличностной чувствительности может быть использован в исследовательских целях в рамках измерения личностных факторов дистресса.

Ключевые слова: межличностная чувствительность, чувствительность к отвержению, психологический дистресс, эмоциональная дисрегуляция, межличностная уязвимость.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00429.

Для цитаты: Развалиева А.Ю., Польская Н.А. Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной версии Опросника межличностной чувствительности// Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 73—94. DOI: <https://doi.org/10.17759/csp.2021290405>

PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE RUSSIAN THREE-FACTOR INTERPERSONAL SENSITIVITY MEASURE

ANNA YU. RAZVALIAEVA

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-3411>,

e-mail: annraz@rambler.ru

NATALIA A. POLSKAYA

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-5577>,

e-mail: polskayana@yandex.ru

We present the results of a study conducted to validate the Interpersonal Sensitivity measure in the Russian sample. Interpersonal sensitivity is a personality trait encompassing preoccupation with the behavior and emotions of other people and fear of their criticism and rejection (Boyce, Parker, 1989). The sample consisted of 645 participants (100 men) aged 18—35 ($M=22.92\pm 5.01$). A three-factor structure of the measure was revealed in the Russian sample; the factors named Dependence on the Appraisal by Others, Fear of Rejection and Interpersonal Worry converged in the higher-order factor of Interpersonal Sensitivity. The scales yielded good internal consistency and test-retest reliability. Interpersonal sensitivity was higher in women and decreased with age. It was significantly positively related to rejection sensitivity, loneliness, state anxiety, and emotional dysregulation, and negatively related to

emotional stability. Conclusions: Interpersonal Sensitivity measure can be used in psychological studies to assess personal factors of distress.

Keywords: interpersonal sensitivity, sensitivity to rejection, psychological distress, emotional dysregulation, interpersonal vulnerability.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00429.

For citation: Razvaliaeva A. Yu., Polskaya N.A. Psychometric Properties of the Russian Three-Factor Interpersonal Sensitivity Measure. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 73–94. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290405>

Общение с другими людьми выступает средством, позволяющим человеку организовывать свою деятельность и развивать межличностные отношения [5]. Межличностные отношения наиболее уязвимы при нарушениях психического здоровья как источник наибольшего дистресса и психологического неблагополучия [38]. Межличностное функционирование и психопатология оказывают друг на друга взаимное влияние (по типу усиливающей обратной связи): межличностные проблемы, порожденные психическим расстройством, усугубляют другие его симптомы и препятствуют поиску помощи и социальной поддержки [19]. Т. Джайнер, автор межличностной теории суицида, называет эти связи самораспространяющимися процессами — это самосбывающиеся пророчества, приобретающие в социальном контексте относительную независимость от своего источника, один из типов межличностной уязвимости к психопатологии [38].

Одним из факторов межличностной уязвимости является межличностная чувствительность (*interpersonal sensitivity*), которая имеет две кардинально расходящиеся трактовки в социальной и клинической психологии.

В рамках первого направления она понимается как чуткость к реакциям других людей, успешность в распознавании психологических черт, эмоций и намерений, мыслей, социальных отношений и обмана. Л. Зебровиц добавляет также чувствительность к социальным аффордансам (возможностям для действий и взаимодействий), что ситуативно может перевешивать важность правильного распознавания черт [41]. Это направление связано с попытками измерить индивидуальную вариативность точности межличностной перцепции [1] и выявить качества, улучшающие межличностное восприятие и помогающие человеку во взаимодействии с другими (например, эмпатия, эмоциональный и социальный интеллект).

В клинической психологии межличностная чувствительность (МЧ) понимается иначе. Л. Дерогатис рассматривал МЧ как один из компо-

нентов психологического дистресса, связанный с переживаниями собственной неполноценности и несоответствия требованиям окружающих, дискомфортом в межличностных отношениях и негативными ожиданиями от общения с другими [14]. Позднее Ф. Бойс и Г. Паркер определяли МЧ как личностную характеристику: «люди с этой чертой ... озабочены своими межличностными отношениями, бдительны к поведению и настроению других и чрезмерно чувствительны к превратностям любого межличностного взаимодействия — особенно к предполагаемым или реальным ситуациям критики или отвержения» [13, р. 342]. При высокой МЧ человек стремится соответствовать ожиданиям окружающих. Его возможности в установлении здоровых социальных отношений ограничены из-за высокой зависимости от поведения других людей [17], а чувство незащищенности и уязвимость к социальному неодобрению [13; 21] могут стать причиной избегания и подавления эмоций [24].

МЧ — фактор риска депрессивной симптоматики [27; 31], тревожных и фобических расстройств [39], особенно социальной фобии [21; 22]. МЧ является более значимым предиктором булимии, чем депрессивные симптомы [20]; опосредует связи пережитого в детстве сексуального насилия с депрессией и гневом во взрослом возрасте [24]; служит фактором риска развития параноидальной симптоматики у жертв школьной травли [29] и выражена у пациентов на продромальной стадии психоза [25]. На выборке пациентов с социальной тревожностью МЧ показала связи с повышенной тревожностью по поводу социальных взаимодействий, симптомами депрессии, подавлением гнева и тревожной привязанностью [21]. На студенческих выборках были получены корреляции МЧ с низкой социальной и академической самооценкой, сниженной успеваемостью [28] и проблемным использованием социальных сетей [17].

Связь и различие понятий межличностной чувствительности, чувствительности к отвержению и перфекционизма

Содержание понятия МЧ пересекается с чувствительностью к отвержению и перфекционизмом. Чувствительность к отвержению определяется как когнитивно-аффективная диспозиция, для которой характерны тревожное ожидание отвержения и высокая готовность к его обнаружению в будущих межличностных отношениях, а также негативный эмоциональный отклик на ситуации, подразумевающие реальную или воображаемую угрозу отвержения [10].

Понятие МЧ шире, так как здесь речь идет о высокой уязвимости к любым формам межличностного взаимодействия, а не только к отвер-

жению. В отличие от чувствительности к отвержению, МЧ включает аспекты нарушений личностного функционирования (ощущение неполноценности, хрупкость Я) и трудности в общении с другими людьми (недостаток ассертивности).

Последствия высокой МЧ в поведенческом (робость, страх совершить ошибку и подвергнуться критике окружающих) и клиническом (депрессия, социальная тревожность) планах также характерны для дезадаптивного перфекционизма [22; 27]. Перфекционизм, как многомерное понятие, включает в себя, наряду с когнитивным и аффективным, межличностный компонент, связанный с приписыванием окружающим завышенных стандартов и требований и болезненной фиксацией на внешних оценках собственной деятельности [4]. В последнем он схож с ключевым симптомом социальной тревожности — страхом негативной оценки, который проявляется в деструктивных убеждениях относительно ожиданий других людей и болезненных переживаниях воспринимаемых социальных неудач [6]. МЧ в отличие от перфекционизма смещает акцент со стремления к идеалам на поиск поддержки и одобрения.

Также следует отметить различия между определениями МЧ. Дерогатис фокусировался на выделении совокупности психопатологических симптомов, описывающих разные стороны текущего психологического дистресса, где МЧ — один из синдромов, характеризующий проблемы, связанные с межличностным взаимодействием (самоосуждение, негативные ожидания, беспокойство и дискомфорт в межличностных отношениях и т. п.) [14]. В определении Бойса и Паркера МЧ — это личностный конструкт, объединяющий разные личностные характеристики, имеющие отношение к переживанию уязвимости в межличностных отношениях [13].

Характеристика опросника межличностной чувствительности

Опросник межличностной чувствительности (*The Interpersonal Sensitivity Measure*) был разработан австралийскими психиатрами Филипом Бойсом и Гордоном Паркером в 1989 г. и измерял общий показатель МЧ и пять субшкал: межличностная восприимчивость (беспокойство о мнении других, в частности, критическом), потребность в одобрении, сепарационная тревога, робость и хрупкость Я (страх быть отвергнутым) [13].

К настоящему времени опросник адаптирован на турецкой [16], иранской [32], итальянской [26], корейской [23] выборках. Существуют две краткие версии опросника — англоязычная, апробированная авторами оригинала [37], и китайская [40].

Не во всех версиях адаптации этой методики удалось воспроизвести ее пятифакторную структуру, аналогичную оригинальной [16; 23]. Так, на выборке турецких студентов было выделено лишь три фактора — межличностная тревога и зависимость, низкая самооценка, застенчивое поведение [16]. На корейской выборке пятифакторная структура содержательно отличалась от оригинала, были выделены шкалы: низкая уверенность в себе, межличностная восприимчивость, недостаток асертивности / сепарационная тревога, межличностная уязвимость и потребность в одобрении [23]. Эти несоответствия, по мнению авторов адаптации, могут объясняться культурными различиями [23].

Однако и на англоязычных выборках не всегда удается выделить пять факторов. Так, при проверке опросника на выборке пациентов с социальным тревожным расстройством большую надежность показала трехфакторная структура, включающая шкалы: беспокойство и зависимость в межличностных отношениях, низкая самооценка, робость / неасертивность в межличностных отношениях [21].

Метод

Адаптация на русский язык опросника межличностной чувствительности была письменно согласована с одним из разработчиков методики — Ф. Бойсом. Прямой и обратный переводы опросника на русский язык выполнялись тремя специалистами, владеющими английским языком. Сравнение оригинальной и обратной (переведенной с русского языка) версий опросника показало их высокое соответствие по всем пунктам, что характеризует перевод как достаточно точно отражающий содержание вопросов оригинальной версии.

Процедура. Исследование проходило в 2020—2021 гг. с использованием платформы Google Forms. К участию приглашались респонденты от 18 лет и старше. Приглашения рассылались лично тем, кто дал предварительное согласие на участие, а также размещались в онлайн-группах психологической направленности. В приглашении содержалась информация о целях исследования, конфиденциальности и добровольности участия, возрастных ограничениях. Перед началом опроса заполнялся бланк информированного согласия.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 1417 респондентов (168 мужчин; $M=22,77$; $Med=20$; $SD=7,82$). Из выборки были исключены респонденты младше 18 и старше 35 лет (значения возраста > 35 представляли собой выбросы), а также те, кто в анкете указал наличие психиатрического диагноза. Таким образом, в выборку для адаптации опросника вошли 645 респондентов (100 мужчин) в возрасте от 18

до 35 лет ($M=22,92$; $Med=21$; $SD=5,01$). Большая часть респондентов указали неоконченное (45,27%) или завершённое высшее образование (33,18%); среднее специальное или среднее техническое образование имели 17,52%, а 3,1% — неполное среднее.

Методики.

Опросник Межличностной чувствительности (Boyce, Parker, 1989) — состоит из 36 пунктов. Ответы даны в 4-балльной шкале ликертовского типа («полностью соответствует», «частично соответствует», «несколько/частично не соответствует», «частично не соответствует») [13].

Для проверки конвергентной и дискриминативной валидности опросника использовались следующие методики.

Краткий опросник Большой пятерки (Gosling et al., 2003; Корнилова, Чумакова, 2016) — позволяет измерить личностные черты, включенные в Большую пятерку — экстраверсию, нейротизм/эмоциональную стабильность, согласие, добросовестность и открытость опыту [7].

Калифорнийская шкала одиночества (Russell et al., 1978; Водопьянова, 2009) — одношальная методика, направленная на измерение чувства одиночества [3].

Опросник мотивации к аффилиации Мехрабиана (Mehrabian, 1976; Фетискин и др., 2002) — позволяет выделить две мотивационные тенденции — стремление к принятию и страх отвержения [12].

Опросник привязанности к близким людям (Сабельникова, Каширский, 2015) измеряет привязанность по двум континуальным шкалам — избегания и беспокойства [11].

Опросник эмоциональной дисрегуляции (Польская, Разваляева, 2017) — включает три шкалы: руминацию, избегание и трудности ментализации [9].

Интегративный тест тревожности (Бизюк и др., 2005) — измеряет общий уровень ситуативной тревоги и личностной тревожности и их компоненты — эмоциональный дискомфорт, астенический компонент (выраженная усталость, утомляемость), фобический компонент (выраженные страхи непонятного генеза, неуверенность в себе), тревожную оценку перспектив (обеспокоенность будущим) и социальную защиту (тревожность в межличностной сфере) [2].

Анализ данных проводился в среде R 3.6.3.

Результаты

Факторная структура методики. Для проверки факторной структуры был использован конфирматорный факторный анализ (КФА), про-

водившийся с помощью пакета lavaan (ver. 0.6-7). Оригинальная пяти-факторная структура опросника не подтвердилась ($\chi^2=1826,111$; $df=584$; $p<0,001$; CFI=0,650; TLI=0,622; RMSEA=0,088; доверительный интервал RMSEA — 0,084—0,093; $p<0,001$). Ряд факторных нагрузок были слишком низкими ($<0,3$). Кроме того, были получены слишком высокие корреляции между некоторыми факторами (межличностная осознанность и потребность в одобрении — 0,94; потребность в одобрении и сепарационная тревога — 0,99). Таким образом, было принято решение о рефакторизации опросника.

Анализ пунктов опросника был проведен для общей суммарной шкалы МЧ. Использовались следующие критерии: корреляции пунктов с общей суммой должны превышать 0,3, а средняя корреляция пунктов друг с другом — лежать в диапазоне от 0,2 до 0,4; при этом индивидуальные корреляции пунктов должны быть меньше 0,8 [15]. Первоначально средняя корреляция между пунктами опросника была 0,19. Ряд вопросов имели слишком низкие корреляции с общим баллом МЧ (пункты 6, 9, 16, 18, 20, 21, 32). После их исключения средняя корреляция между оставшимися вопросами составила 0,25.

Эксплораторный факторный анализ. Выборка была случайным образом разбита на две с сохранением распределения по возрасту и полу. Подвыборка для эксплораторного факторного анализа (ЭФА) включила 323 респондента (51 мужчина; $M=23,01$; $SD=5,15$). ЭФА проводился с косоугольным вращением облимин. Хотя параллельный анализ и график осыпи указывали на пятифакторное решение, оно не подтвердилось при проведении факторного анализа (слишком мало вопросов на факторы 4 и 5, которые к тому же имели высокие нагрузки на другие факторы). Анализ количества факторов с помощью очень простой структуры (*very simple structure*) указал на трехфакторное решение как наилучшее, что в дальнейшем подтвердилось с точки зрения содержательных характеристик полученных шкал. Общий процент объясненной дисперсии составил 41% (18%, 13% и 10% для факторов 1—3 соответственно). Были исключены вопросы 26, 34 и 25, имевшие нагрузки на два фактора, и 3, 4, 11 и 12, с факторными нагрузками $<0,3$. Факторы получили следующие названия (на основе содержательной оценки пунктов, вошедших в них, и соотнесения с оригинальными шкалами):

1) *Зависимость от оценок окружающих* — боязнь подвергнуться критике и желание принятия и восхищения со стороны окружающих, пристальное внимание к их мнению и производимому на них впечатлению;

2) *Страх отвержения* — опасения быть непонятым, осужденным и непринятым, страх раскрыть свое действительное Я, убеждение в собственной антипатичности в межличностных отношениях;

3) *Беспокойство в межличностных отношениях* — тревога из-за любой угрозы отношениям, включая расставания и ссоры, боязнь инициировать разрыв в отношениях своими действиями или эмоциями.

Факторная структура, полученная в ЭФА, проверялась КФА. Подвыборка для КФА включила 322 респондента (49 мужчин; $M=22,84$; $SD=4,87$). Применялся анализ категориальных переменных (метод диагонально взвешенных наименьших квадратов — *diagonally weighted least squares*), рекомендуемый для ликертовских шкал с пятью градациями и меньше.

Проверялась модель, где три фактора нагружали общий фактор МЧ, а также вводились связи между остаточными членами пунктов 2 и 30, 10 и 23. Модель имела лучшие показатели пригодности по сравнению с оригинальной пятифакторной: $\chi^2=474,260$; $df=204$; $p<0,001$; $CFI=0,982$; $TLI=0,980$; $RMSEA=0,064$; доверительный интервал $RMSEA$ — $0,057-0,072$; $p<0,01$; $SRMR=0,077$. Факторные нагрузки и остаточные компоненты представлены на рис. 1. Таким образом, в финальную версию опросника вошли 22 пунктам

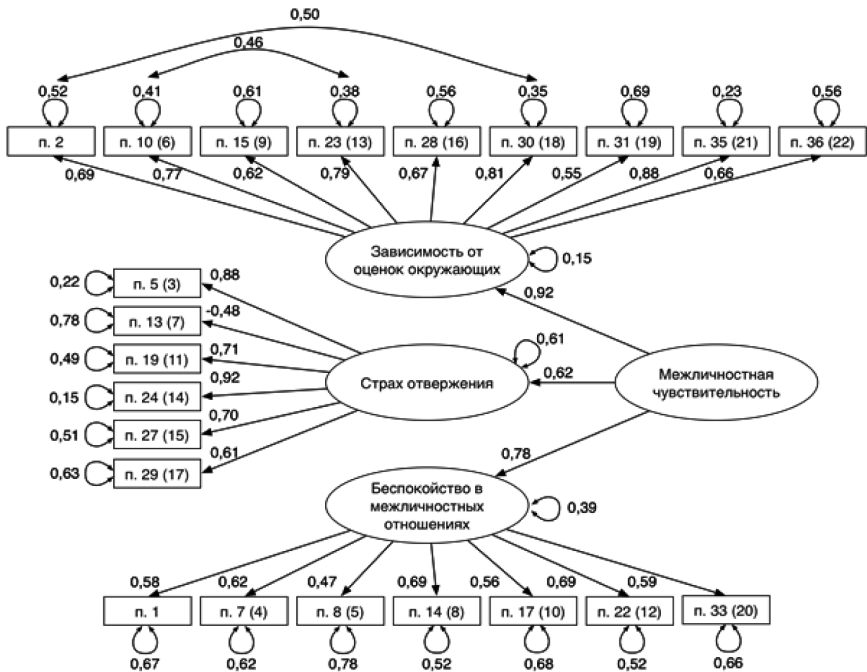

Рис. 1. Трехфакторная модель опросника межличностной чувствительности (в скобках указан номер пункта, соответствующий новой нумерации в русскоязычном варианте опросника)

Внутренняя и ретестовая надежность шкал. Внутренняя надежность шкал опросника была хорошей для шкал «Зависимость от оценок окружающих», «Страх отвержения» и общего балла МЧ (α Кронбаха — 0,87, 0,83 и 0,90 соответственно) и допустимой для шкалы «Беспокойство в межличностных отношениях» ($\alpha=0,74$). Ретест был проведен на части выборки ($n=138$), промежуток времени между первым и вторым прохождением опросников составлял в среднем 12 дней. Шкалы показывают хорошую ретестовую надежность (корреляции r_s Спирмана для шкал: «Зависимость от оценок окружающих» — 0,87; «Страх отвержения» — 0,85; «Беспокойство в межличностных отношениях» — 0,83; для общей шкалы — 0,91; $p<0,001$).

Групповые различия. В силу того, что выборка была смещена по возрасту в сторону 18—19 лет, возрастные группы были выделены с помощью 33 (19,5 лет) и 66 (24 года) перцентилей. В женской подвыборке этот возрастной перевес был более ярко выражен, в связи с чем было принято решение случайным образом отобрать подвыборку женщин, равную мужской ($n=100$) и приближенную к наблюдающемуся в ней возрастному распределению ($Med=24$; $M=24,76$; $SD=4,97$; $Q1=20$, $Q3=29$). Стратификация по возрасту женской подвыборки и случайный отбор нужного количества испытуемых из каждой возрастной группы позволили набрать подвыборку с одинаковым распределением по возрасту. Почти по всем шкалам опросника были выявлены значимые различия по полу и возрасту (табл. 1).

Конвергентная валидность. Корреляции шкал опросника МЧ проверялись с помощью r_s Спирмана, применялась поправка на множественные сравнения Холма—Бонферрони (табл. 2).

Обсуждение результатов

В данном исследовании не удалось подтвердить оригинальную пятифакторную структуру опросника межличностной чувствительности. Это может быть объяснено как культурными различиями (например, направленность на индивидуализм/коллективизм) [23], так и изначально низкими значениями внутренней надежности шкал «Хрупкое Я» и «Потребность в одобрении» [13; 40]. Полученная трехфакторная структура соотносится с результатами исследований на турецкой [16] и американской выборках [21].

Половозрастные различия, полученные нами для общего показателя МЧ, противоречат данным близнецового исследования, не установившим значимого эффекта факторов пола и возраста [18]. Однако более высокие значения МЧ у женщин подтверждаются на студенческой выборке [39], а у подростков и молодых людей — при кросс-культурных сравнениях разновозрастных выборок [26]. Это может объясняться гендерной (культурно обусловленная большая ориентация женщин на дру-

Таблица 1

**Половозрастные различия по шкалам опросника
 межличностной чувствительности**

Шкалы	Мужчины	Женщины		U-критерий Манна— Уитни
	M±SD			
Межличностная чувствительность (общий балл)	53,56±11,06	57,54±12,80		U=5972,5; p<0,05
Зависимость от оценок окружающих	23,28±5,50	25,68±6,46		U=6082; p<0,01
Страх отвержения	12,83±4,36	14,10±4,83		U=5765; p=0,061
Беспокойство в межличностных отношениях	17,45±3,90	17,76±4,34		U=5299, p=0,46
Шкалы	Возрастные группы			H-критерий Краскела— Уоллиса
	18—19 (n=213)	20—24 (n=243)	25—35 (n=189)	
Межличностная чувствительность (общий балл)	62,81±11,23	60,13±11,89	52,68±11,70	$\chi^2(2)=70,04$; p<0,001
Зависимость от оценок окружающих	27,05±5,50	26,07±6,29	23,58±5,71	$\chi^2(2)=36,08$; p<0,001
Страх отвержения	16,23±4,66	15,20±4,55	12,41±4,39	$\chi^2(2)=67,44$; p<0,001
Беспокойство в межличностных отношениях	19,53±4,28	18,86±3,94	16,77±4,29	$\chi^2(2)=40,35$; p<0,001

Таблица 2

**Корреляции (rs Спирмана) между шкалами межличностной
 чувствительности и личностными опросниками**

Опросник /Шкалы	Межличностная чувствительность	Зависимость от оценок окружающих	Страх отвержения	Беспокойство в межличностных отношениях
Краткий опросник Большой пятерки (n=129)				
Экстраверсия	-0,15	-0,08	-0,15	-0,2
Согласие	-0,14	-0,11	-0,29	0

Опросник /Шкалы	Межличностная чувствительность	Зависимость от оценок окружающих	Страх отвержения	Беспокойство в межличностных отношениях
Добросовестность	-0,17	-0,1	-0,18	-0,14
Эмоциональная стабильность	-0,57***	-0,55***	-0,46***	-0,36(**)
Открытость опыту	-0,09	-0,11	0,03	-0,12
Шкала одиночества (n=128)				
Одиночество	0,51***	0,41**	0,6***	0,27
Опросник Мехрабиана (n=129)				
Стремление к принятию	-0,16	-0,07	-0,3(*)	-0,11
Страх отвержения	0,7***	0,65***	0,45***	0,58***
Опросник привязанности к близким людям (n=52)				
Избегание	0,09	-0,09	0,36	0,11
Беспокойство	0,55(**)	0,52(*)	0,51(*)	0,33
Эмоциональная дисрегуляция (n=52)				
Руминация	0,58(**)	0,59(**)	0,49	0,31
Трудности ментализации	0,54(**)	0,52(*)	0,57(**)	0,33
Избегание	0,38	0,34	0,49	0,12
Интегративный тест тревожности (n=52)				
Ситуативная тревога	0,64*	0,68**	0,4	0,42
Личностная тревожность	0,53(*)	0,57(**)	0,42	0,26
Эмоциональный дискомфорт (С)	0,51(*)	0,62(***)	0,22	0,34
Астенический компонент тревожности (С)	0,39	0,44	0,34	0,18
Фобический компонент (С)	0,66**	0,65**	0,55(**)	0,34
Тревожная оценка перспективы (С)	0,45	0,53(*)	0,17	0,3
Социальная защита (С)	0,46	0,4	0,31	0,37
Эмоциональный дискомфорт (Л)	0,35	0,43	0,24	0,16
Астенический компонент тревожности (Л)	0,28	0,29	0,24	0,14
Фобический компонент (Л)	0,61(***)	0,61(***)	0,52(*)	0,32
Тревожная оценка перспективы (Л)	0,45	0,55(**)	0,16	0,26
Социальная защита (Л)	0,35	0,25	0,34	0,29

Примечание. «***» — $p < 0,001$; «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$. В скобках указаны уровни значимости, исключенные в результате применения поправки Холма—Бонферрони.

гих людей) и возрастной спецификой. Важность построения отношений с другими людьми — дружеских и романтических — резко возрастает в подростковом и юношеском возрасте, а следовательно, повышается и чувствительность к угрозе отношениям [26].

Конвергентная валидность опросника подтверждается корреляциями шкал МЧ со страхом отвержения и другими характеристиками психологического неблагополучия — низкой эмоциональной стабильностью, одиночеством и тревогой, а также компонентами эмоциональной дисрегуляции — руминацией и трудностями ментализации. Связи со страхом отвержения демонстрируют близость, хотя и неравнозначность, конструкторов МЧ и чувствительности к отвержению, которая по замыслу А. Мехрабиана характерна для людей с низкой ассертивностью и неуверенностью в себе и отражает паттерн избегания [30]. В текущем исследовании избегание как тип эмоциональной дисрегуляции и компонент привязанности как раз не был характерен для людей с большей МЧ.

По шкалам тревоги наибольшие связи были выявлены для компонентов ситуативной тревоги, а не личностной тревожности, и в особенности, для фобического компонента тревоги. Неясные страхи, «схватывающиеся» этой шкалой, — следствие чрезмерной ориентации на других (зависимость от оценок окружающих) и основа для опасения потерять их расположение (страх отвержения). Повышение МЧ и ее отдельных компонентов у пациентов с фобическими расстройствами (простая фобия, социофобия, агорафобия) было выявлено зарубежными коллегами [21; 39].

Полученные нами связи для компонентов эмоциональной дисрегуляции и шкалы эмоциональной стабильности вписываются в картину общего психологического неблагополучия при высокой МЧ. Нейротизм, понимаемый как эмоциональная нестабильность и уязвимость — частый попутчик МЧ [13; 23; 40]. МЧ также сопутствует широкому спектру нарушений эмоциональной регуляции — от негативного аффекта [8] до алекситимии [35].

Предполагается, что МЧ формируется на основе отношений с родителями. Так, на японской выборке было показано, что в нее вносят вклад неоптимальные стратегии воспитания, выражающиеся в дисбалансе заботы и защиты [33]. На итальянской [36] и израильской выборках [34] выявляется роль гиперопеки, в частности, стремления контролировать решение ребенком проблем. На американской и иранской выборках МЧ коррелировала отрицательно с безопасной привязанностью во взрослом возрасте и доверием к окружающим и положительно — с тревожным типом привязанности [21; 32]. Полученные нами связи МЧ с беспокойством — шкалой, отражающей тревожный компонент привязанности, — согласуются с этими результатами, хотя любопытно отсутствие связей с избеганием (и как поведенческим механизмом регуляции тревоги в

отношениях, и как типом эмоциональной дисрегуляции). Это может говорить о неочевидности отношений между избеганием и тревожностью, а также о сложности и многогранности МЧ, включающей как аспект избегания, так и поиск теплоты и принятия в отношениях.

Выводы

Русскоязычная трехфакторная версия опросника Межличностной чувствительности обладает удовлетворительными психометрическими характеристиками и может быть использована для изучения уязвимости в межличностных отношениях. Дальнейшая работа с опросником планируется в направлении расширения выборки и включения в нее клинических групп с целью проверки гипотез о вкладе МЧ в развитие аффективной и личностной психопатологии.

Приложение

Опросник межличностной чувствительности

Инструкция. Перед вами ряд утверждений о ваших чувствах по отношению к себе и окружающим. Отметьте тот вариант ответа, который наиболее соответствует вашему представлению о себе и своих переживаниях («полностью соответствует», «частично соответствует», «несколько/частично не соответствует», «совершенно не соответствует»). Оценивая каждое утверждение, постарайтесь дать обобщенную оценку своих переживаний, не обязательно совпадающую с тем, что вы чувствуете сейчас. В опроснике нет правильных или неправильных ответов.

Вопросы

№	Пункты	Полностью соответствует	Частично соответствует	Несколько / частично не соответствует	Совершенно не соответствует
1	Когда нужно прощать, я чувствую себя неуверенно и волнуясь				
2	Я переживаю из-за того, какое впечатление произвожу на окружающих				

№	Пункты	Полностью соответствует	Частично соответствует	Несколько / частично не соответствует	Совершенно не соответствует
3	Если бы окружающие знали, какой я на самом деле, я бы им не понравился				
4	Я не злюсь на других, потому что боюсь обидеть их				
5	После ссоры с другом я чувствую себя не в своей тарелке, пока не помирюсь				
6	Я переживаю, когда меня критикуют за мои слова и поступки				
7	Мне кажется, что обычно я нравлюсь людям				
8	Я скорее сделаю что-то, что не хочу, чем обижу или расстрою кого-то				
9	Я верю в свои успехи, если только их кто-то подтверждает				
10	Мне тревожно и беспокоит при расставании				
11	Я боюсь, что другие не вынесут моих чувств				
12	Я волнуюсь, если приходится критиковать окружающих				
13	Я сильно расстраиваюсь, если меня критикуют				
14	Если бы окружающие знали, какой я на самом деле, они бы стали меньше уважать меня				
15	Я бы не хотел, чтобы окружающие знали, какой я на самом деле				
16	Если кто-то меня расстраивает или огорчает, я долго не могу выбросить это из головы				
17	Я чувствую, что другие меня не понимают				
18	Меня волнует мнение окружающих обо мне				
19	Я не чувствую себя счастливым, если люди, которых я знаю, мной не восхищаются				
20	Я беспокоюсь, что могу ранить чувства других людей				
21	Моя ценность как человека сильно зависит от того, что думают обо мне другие				
22	Я дорожу мнением окружающих обо мне				

Ключ.

Перекодировать ответы. Прямые пункты: полностью соответствует = 4; частично соответствует = 3; несколько/частично не соответствует = 2; совершенно не соответствует = 1. Обратный пункт: полностью соответствует = 1; частично соответствует = 2; несколько/частично не соответствует = 3; совершенно не соответствует = 4.

Подсчитать значения шкал.

Зависимость от оценок окружающих: 2, 6, 9, 13, 16, 18, 19, 21, 22 (сложить пункты)

Страх отвержения: 3, 7*, 11, 14, 15, 17 (сложить пункты; пункт со звездочкой — обратный)

Беспокойство в межличностных отношениях: 1, 4, 5, 8, 10, 12, 20 (сложить пункты)

Общая шкала межличностной чувствительности: сложить значения, полученные по шкалам (Зависимость от оценок окружающих + Страх отвержения + Беспокойство в межличностных отношениях).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. 3-е изд. М.: Наука, 1994. 324 с.
2. *Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В.* Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): Новая медицинская технология. СПб., 2005.
3. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 329 с.
4. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 8—32. DOI:10.17759/cpp.2018260302
5. *Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: ИП РАН, 2005. 448 с.
6. *Клименкова Е.Н., Холмогорова А.Б.* Валидизация методик диагностики социальной тревожности на российской подростковой выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1. С. 28—39. DOI:10.17759/cpp.2017250103
7. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.06.2021).
8. *Польская Н.А., Разваляева А.Ю.* Межличностная чувствительность в период самоизоляции: роль в выборе мер социального дистанцирования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 63—76. DOI:10.17759/pse.2020250606
9. *Польская Н.А., Разваляева А.Ю.* Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 71—93. DOI:10.17759/cpp.2017250406
10. *Польская Н.А., Цейтлина М.Д., Якубовская Д.К.* Чувствительность к отвержению и психическое здоровье // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 119—129.

11. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84—97.
12. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт Психотерапии, 2002. 488 с.
13. Boyce P., Parker G. Development of a scale to measure interpersonal sensitivity // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 1989. Vol. 23 (3). P. 341—351. DOI:10.1177/000486748902300320
14. Derogatis L.R., Yevzeroff H., Wittelsberger B. Social class, psychological disorder, and the nature of the psychopathologic indicator // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1975. Vol. 43 (2). P. 183—191. DOI:10.1037/h0076514
15. DeVellis R.F. Scale development: theory and applications (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2003. 171 p.
16. Doğan T., Sapmaz S. Psychometric analysis of the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM) among Turkish undergraduate students // Journal of Theoretical Educational Science. 2012. Vol. 5 (2). P. 143—155.
17. Eraslan-Capan B. Interpersonal sensitivity and problematic Facebook use in Turkish university students // The Anthropologist. 2015. Vol. 21 (3). P. 395—403. DOI:10.1080/09720073.2015.11891829
18. Gillespie N.A., Johnstone S.J., Boyce P., et al. The genetic and environmental relationship between the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM) and the personality dimensions of Eysenck and Cloninger // Personality and Individual Differences. 2001. Vol. 31 (7). P. 1039—1051. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00200-2
19. Girard J.M., Wright A.G.C., Beeney J.E., et al. Interpersonal problems across levels of the psychopathology hierarchy // Comprehensive Psychiatry. 2017. Vol. 79. P. 53—69. DOI:10.1016/j.comppsy.2017.06.014
20. Hamann D.M., Wonderlich-Tierney A.L., Vander Wal J.S. Interpersonal sensitivity predicts bulimic symptomatology cross-sectionally and longitudinally // Eating Behaviors. 2009. Vol. 10 (2). P. 125—127. DOI:10.1016/j.eatbeh.2009.01.001
21. Harb G.C., Heimberg R.G., Fresco D.M., et al. The psychometric properties of the Interpersonal Sensitivity Measure in social anxiety disorder // Behaviour Research and Therapy. 2002. Vol. 40 (8). P. 961—979. DOI:10.1016/S0005-7967(01)00125-5
22. Kumari R.S., Sudhir P.M., Mariamma P. Perfectionism and interpersonal sensitivity in social phobia: The interpersonal aspects of perfectionism // Psychological Studies. 2012. Vol. 57 (4). P. 357—368. DOI:10.1007/s12646-012-0157-7
23. Lee K.U., Jung N.Y., Rauch S.A., et al. Psychometric properties of the Korean version of the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM-K) // Comprehensive Psychiatry. 2013. Vol. 54 (7). P. 918—924. DOI:10.1016/j.comppsy.2013.03.022
24. Luterek J.A., Harb G.C., Heimberg R.G., et al. Interpersonal rejection sensitivity in childhood sexual abuse survivors mediator of depressive symptoms and anger suppression // Journal of Interpersonal Violence. 2004. Vol. 19 (1). P. 90—107. DOI:10.1177/0886260503259052
25. Masillo A., Brandizzi M., Valmaggia L.R., et al. Interpersonal sensitivity and persistent attenuated psychotic symptoms in adolescence // European Child & Adolescent Psychiatry. 2017. Vol. 27 (3). P. 309—318. DOI:10.1007/s00787-017-1047-2

26. Masillo A., Valmaggia L.R., Lanna A., et al. Validation of the Italian version of interpersonal sensitivity measure (IPSM) in adolescents and young adults // Journal of Affective Disorders. 2014. Vol. 156. P. 164—170. DOI:10.1016/j.jad.2013.12.012
27. Mathew M., Sudhir P.M., Mariamma P. Perfectionism, interpersonal sensitivity, dysfunctional beliefs, and automatic thoughts: The temporal stability of personality and cognitive factors in depression // International Journal of Mental Health. 2014. Vol. 43 (1). P. 50—72. DOI:10.2753/IMH0020-7411430103
28. McCabe R.E., Blankstein K.R., Mills J.S. Interpersonal sensitivity and social problem-solving: Relations with academic and social self-esteem, depressive symptoms, and academic performance // Cognitive Therapy and Research. 1999. Vol. 23 (6). P. 587—604. DOI:10.1023/a:1018732707476
29. McDonnell J., Stahl D., Day F., et al. Interpersonal sensitivity in those at clinical high risk for psychosis mediates the association between childhood bullying victimisation and paranoid ideation: A virtual reality study // Schizophrenia Research. 2018. Vol. 192. P. 89—95. DOI:10.1016/j.schres.2017.04.029
30. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales // Current Psychology. 1994. Vol. 13 (2). P. 97—116. DOI:10.1007/bf02686794
31. Mogi T., Yoshino A. The multiple diagnoses of comorbid anxiety disorders and higher interpersonal sensitivity predict treatment-resistant depression // Asian Journal of Psychiatry. 2017. Vol. 26. P. 131—135. DOI:10.1016/j.ajp.2017.02.005
32. Mohammadian Y., Mahaki B., Lavasani F.F., et al. The psychometric properties of the Persian version of Interpersonal Sensitivity Measure [Электронный ресурс] // Journal of Research in Medical Sciences. 2017. Vol. 22 (1). P. 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5361440/> (дата обращения: 21.06.2021). DOI:10.4103/1735-1995.199093
33. Otani K., Suzuki A., Shibuya N., et al. Dysfunctional parenting styles increase interpersonal sensitivity in healthy subjects // The Journal of Nervous and Mental Disease. 2009. Vol. 197 (12). P. 938—941. DOI:10.1097/NMD.0b013e3181c29a4c
34. Scharf M., Rousseau S., Bsoul S. Overparenting and young adults' interpersonal sensitivity: Cultural and parental gender-related diversity // Journal of Child and Family Studies. 2017. Vol. 26 (5). P. 1356—1364. DOI:10.1007/s10826-016-0652-x
35. Slanbekova G.K., Chung M.C., Karipbaev B.I., et al. Posttraumatic stress and interpersonal sensitivity: Alexithymia as mediator and emotional expressivity as moderator // Psychiatric Quarterly. 2019. Vol. 90 (1). P. 249—261. DOI:10.1007/s1126-018-9612-5
36. Smorti M., Sica L.S., Costa S., et al. Warmth, competence, and wellbeing: The relationship between parental support, needs satisfaction, and interpersonal sensitivity in Italian emerging adults [Электронный ресурс] // European Journal of Developmental Psychology. 2021. URL: www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17405629.2021.1936492 (дата обращения: 10.07.2021). DOI:10.1080/17405629.2021.1936492
37. Todd A.L., Boyce P.M., Heath A.C., et al. Shortened versions of the interpersonal sensitivity measure, parental bonding instrument and intimate bond measure // Personality and Individual Differences. 1994. Vol. 16 (2). P. 323—329. DOI:10.1016/0191-8869(94)90169-4

38. Van Orden K., Wingate L.R., Gordon K.H., et al. Interpersonal factors as vulnerability to psychopathology over the life course // Development of psychopathology: A vulnerability-stress perspective / B.L. Hankin, J.R.Z. Abela (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005. P. 136—160.
39. Wilhelm K., Boyce P., Brownhill S. The relationship between interpersonal sensitivity, anxiety disorders and major depression // Journal of Affective Disorders. 2004. Vol. 79 (1-3). P. 33—41. DOI:10.1016/S0165-0327(02)00069-1
40. You Z., Liu Y., Tan Q., et al. Development and Validation of the Chinese Version of Short-Form of Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM) // Community Mental Health Journal. 2020. Vol. 57 (2). P. 277—284. DOI:10.1007/s10597-020-00646-z
41. Zebrowitz L.A. Groping for the Elephant of Interpersonal Sensitivity // Interpersonal sensitivity: theory and measurement / J.A. Hall, F.J. Bernieri (eds.). London: Routledge, 2013. P. 333—350.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya. 3-e izd. [Social Psychology. 3rd ed.]. Moscow: Nauka, 1994. 324 p.
2. Bizyuk A.P., Vasserman L.I., Iovlev B.V. Primenenie integrativnogo testa trevozhnosti (ITT): Novaya meditsinskaya tekhnologiya [Utilizing Integral Anxiety Test: New medical technology]. Saint Petersburg, 2005.
3. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnostics of Stress]. Saint Petersburg: Piter, 2009. 329 p.
4. Garanyan N.G., Kholmogorova A.B., Yudeeva T.Yu. Factor structure and psychometric properties of Perfectionism Inventory: Developing 3-factor version. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26 (3), pp. 8—32. DOI:10.17759/cpp.2018260302. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya: Problemy i perspektivy [Psychology of understanding: Issues and perspectives]. Moscow: IP RAN, 2005. 448 p.
6. Klimenkova E.N., Kholmogorova A.B. Validation of methods of diagnosis of social anxiety on the Russian adolescents. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25 (1), pp. 28—39. DOI:10.17759/cpp.2017250103. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Aprobatsiya kratkogo oprosnika Bol'shoi pyaterki (TIPI, KOBT) [Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2016. Vol. 9 (46), p. 5. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 18.06.2021).
8. Polskaya N.A., Razvaliaeva A.Yu. Interpersonal sensitivity in the period of self-isolation and its role in the choice of social distancing measures. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25 (6), pp. 63—76. DOI:10.17759/pse.2020250606. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Polskaya N.A., Razvaliaeva A.Yu. The development of the emotion dysregulation questionnaire. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25 (4), pp. 71—93. DOI:10.17759/cpp.2017250406. (In Russ., abstr. in Engl.)

10. Pol'skaya N.A., Tseitlina M.D., Yakubovskaya D.K. Chuvstvitel'nost' k otverzheniyu i psikhicheskoe zdorov'e [Rejection sensitivity and mental disorders]. *Voprosy Psikhologii*, 2020. Vol. 66 (5), pp. 119—129.
11. Sabel'nikova N.V., Kashirskii D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam [Attachment to close people questionnaire]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015. Vol. 36 (4), pp. 84—97.
12. Fetitskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Social and psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow: Institut Psikhoterapii, 2002. 488 p.
13. Boyce P., Parker G. Development of a scale to measure interpersonal sensitivity. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 1989. Vol. 23 (3), pp. 341—351. DOI:10.1177/000486748902300320
14. Derogatis L.R., Yevzeroff H., Wittelsberger B. Social class, psychological disorder, and the nature of the psychopathologic indicator. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1975. Vol. 43 (2), pp. 183—191. DOI:10.1037/h0076514
15. DeVellis R.F. Scale development: theory and applications (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2003. 171 p.
16. Doğan T., Sapmaz S. Psychometric analysis of the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM) among Turkish undergraduate students. *Journal of Theoretical Educational Science*, 2012. Vol. 5 (2), pp. 143—155.
17. Eraslan-Capan B. Interpersonal sensitivity and problematic Facebook use in Turkish university students. *The Anthropologist*, 2015. Vol. 21 (3), pp. 395—403. DOI:10.1080/09720073.2015.11891829
18. Gillespie N.A., Johnstone S.J., Boyce P., et al. The genetic and environmental relationship between the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM) and the personality dimensions of Eysenck and Cloninger. *Personality and Individual Differences*, 2001. Vol. 31 (7), pp. 1039—1051. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00200-2
19. Girard J.M., Wright A.G.C., Beeney J.E., et al. Interpersonal problems across levels of the psychopathology hierarchy. *Comprehensive Psychiatry*, 2017. Vol. 79, pp. 53—69. DOI:10.1016/j.comppsy.2017.06.014
20. Hamann D.M., Wonderlich-Tierney A.L., Vander Wal J.S. Interpersonal sensitivity predicts bulimic symptomatology cross-sectionally and longitudinally. *Eating Behaviors*, 2009. Vol. 10 (2), pp. 125—127. DOI:10.1016/j.eatbeh.2009.01.001
21. Harb G.C., Heimberg R.G., Fresco D.M., et al. The psychometric properties of the Interpersonal Sensitivity Measure in social anxiety disorder. *Behaviour Research and Therapy*, 2002. Vol. 40 (8), pp. 961—979. DOI:10.1016/S0005-7967(01)00125-5
22. Kumari R.S., Sudhir P.M., Mariamma P. Perfectionism and interpersonal sensitivity in social phobia: The interpersonal aspects of perfectionism. *Psychological Studies*, 2012. Vol. 57 (4), pp. 357—368. DOI:10.1007/s12646-012-0157-7
23. Lee K.U., Jung N.Y., Rauch S.A., et al. Psychometric properties of the Korean version of the Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM-K). *Comprehensive Psychiatry*, 2013. Vol. 54 (7), pp. 918—924. DOI:10.1016/j.comppsy.2013.03.022
24. Luterek J.A., Harb G.C., Heimberg R.G., et al. Interpersonal rejection sensitivity in childhood sexual abuse survivors mediator of depressive symptoms and anger

- suppression. *Journal of Interpersonal Violence*, 2004. Vol. 19 (1), pp. 90—107. DOI:10.1177/0886260503259052
25. Masillo A., Brandizzi M., Valmaggia L.R., et al. Interpersonal sensitivity and persistent attenuated psychotic symptoms in adolescence. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2017. Vol. 27 (3), pp. 309—318. DOI:10.1007/s00787-017-1047-2
  26. Masillo A., Valmaggia L.R., Lanna A., et al. Validation of the Italian version of interpersonal sensitivity measure (IPSM) in adolescents and young adults. *Journal of Affective Disorders*, 2014. Vol. 156, pp. 164—170. DOI:10.1016/j.jad.2013.12.012
  27. Mathew M., Sudhir P.M., Mariamma P. Perfectionism, interpersonal sensitivity, dysfunctional beliefs, and automatic thoughts: The temporal stability of personality and cognitive factors in depression. *International Journal of Mental Health*, 2014. Vol. 43 (1), pp. 50—72. DOI:10.2753/IMH0020-7411430103
  28. McCabe R.E., Blankstein K.R., Mills J.S. Interpersonal sensitivity and social problem-solving: Relations with academic and social self-esteem, depressive symptoms, and academic performance. *Cognitive Therapy and Research*, 1999. Vol. 23 (6), pp. 587—604. DOI:10.1023/a:1018732707476
  29. McDonnell J., Stahl D., Day F., et al. Interpersonal sensitivity in those at clinical high risk for psychosis mediates the association between childhood bullying victimisation and paranoid ideation: A virtual reality study. *Schizophrenia Research*, 2018. Vol. 192, pp. 89—95. DOI:10.1016/j.schres.2017.04.029
  30. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales. *Current Psychology*, 1994. Vol. 13 (2), pp. 97—116. DOI:10.1007/bf02686794
  31. Mogi T., Yoshino A. The multiple diagnoses of comorbid anxiety disorders and higher interpersonal sensitivity predict treatment-resistant depression. *Asian Journal of Psychiatry*, 2017. Vol. 26, pp. 131—135. DOI:10.1016/j.ajp.2017.02.005
  32. Mohammadian Y., Mahaki B., Lavasani F.F., et al. The psychometric properties of the Persian version of Interpersonal Sensitivity Measure [Elektronnyi resurs]. *Journal of Research in Medical Sciences*, 2017. Vol. 22 (1), p. 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5361440/> (Accessed 21.06.2021). DOI:10.4103/1735-1995.199093
  33. Otani K., Suzuki A., Shibuya N., et al. Dysfunctional parenting styles increase interpersonal sensitivity in healthy subjects. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 2009. Vol. 197 (12), pp. 938—941. DOI:10.1097/NMD.0b013e3181c29a4c
  34. Scharf M., Rousseau S., Bsoul S. Overparenting and young adults' interpersonal sensitivity: Cultural and parental gender-related diversity. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26 (5), pp. 1356—1364. DOI:10.1007/s10826-016-0652-x
  35. Slanbekova G.K., Chung M.C., Karipbaev B.I., et al. Posttraumatic stress and interpersonal sensitivity: Alexithymia as mediator and emotional expressivity as moderator. *Psychiatric Quarterly*, 2019. Vol. 90 (1), pp. 249—261. DOI:10.1007/s11126-018-9612-5
  36. Smorti M., Sica L.S., Costa S., et al. Warmth, competence, and wellbeing: The relationship between parental support, needs satisfaction, and interpersonal sensitivity in Italian emerging adults [Elektronnyi resurs]. *European Journal of Developmental Psychology*, 2021. Available at: www.tandfonline.com/doi/abs/10.10

80/17405629.2021.1936492 (Accessed 10.07.2021). DOI:10.1080/17405629.2021.1936492

37. Todd A.L., Boyce P.M., Heath A.C., et al. Shortened versions of the interpersonal sensitivity measure, parental bonding instrument and intimate bond measure. *Personality and Individual Differences*, 1994. Vol. 16 (2), pp. 323—329. DOI:10.1016/0191-8869(94)90169-4
38. Van Orden K., Wingate L.R., Gordon K.H., et al. Interpersonal factors as vulnerability to psychopathology over the life course. In Hankin B.L., Abela J.R.Z. (eds.) *Development of psychopathology: A vulnerability-stress perspective*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005, pp. 136—160.
39. Wilhelm K., Boyce P., Brownhill S. The relationship between interpersonal sensitivity, anxiety disorders and major depression. *Journal of Affective Disorders*, 2004. Vol. 79 (1-3), pp. 33—41. DOI:10.1016/S0165-0327(02)00069-1
40. You Z., Liu Y., Tan Q., et al. Development and Validation of the Chinese Version of Short-Form of Interpersonal Sensitivity Measure (IPSM). *Community Mental Health Journal*, 2020. Vol. 57 (2), pp. 277—284. DOI:10.1007/s10597-020-00646-z
41. Zebrowitz L.A. Groping for the Elephant of Interpersonal Sensitivity. In Hall J.A., Bernieri F.J. (eds.) *Interpersonal sensitivity: theory and measurement*. London: Routledge, 2013, pp. 333—350.

Информация об авторах

Развальяева Анна Юрьевна, кандидат психологических наук, лаборант-исследователь, научно-исследовательская лаборатория диагностики и развития когнитивных функций, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-3411>, e-mail: annraz@rambler.ru

Польская Наталия Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-5577>, e-mail: polskayana@yandex.ru

Information about the authors

Anna Yu. Razvaliaeva, Ph. D. (Psychology), Assistant Researcher, Research Laboratory of Cognitive Functioning Assessment and Development, RUDN University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-3411>, e-mail: annraz@rambler.ru

Natalia A. Polskaya, Doctor of Psychology, Professor, Chair of Clinical Psychology and Psychotherapy, Department of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-5577>, e-mail: polskayana@yandex.ru

Получена 13.08.2021

Received 13.08.2021

Принята в печать 15.10.2021

Accepted 15.10.2021

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С РАС В МУЗЕЯХ РАЗЛИЧНОГО ПРОФИЛЯ

Е.Ю. ДАВЫДОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5192-5535>,
e-mail: DavydovaEJu@mgppu.ru

Е.В. ХИЛЬКЕВИЧ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5552-1215>,
e-mail: hilkevichev@mgppu.ru

А.В. ХАУСТОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9295>,
e-mail: haustovav@mgppu.ru

Д. В. ДАВЫДОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0993-3803>,
e-mail: davydovdv@mgppu.ru

А.Б. СОРОКИН

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-6719>,
e-mail: SorokinAB@mgppu.ru

Современные музеи взяли на себя ведущую роль в создании дружелюбной среды для посетителей с различными формами инвалидности, в том числе и с расстройствами аутистического спектра. Организация досуговых мероприятий является неотъемлемой частью комплексного сопровождения детей с РАС и требует эффективного взаимодействия между сотрудниками музеев и специалистами психолого-педагогической службы. При этом музейные педагоги сталкиваются с недостатком как информации об аутизме, так и с дефицитом адекватных методов работы. Для решения этих проблем и изучения процесса развития инклюзивной культуры ФРЦ МГППУ провел опрос «Посетитель с РАС в музеях», целью которого стала оценка готовности музеев к организации свободного посещения и мероприятий с участием людей с РАС. Анализ результатов позволяет сделать выводы о высокой вовлеченности музейного сообщества в процесс создания специальных условий для посетителей с РАС в музейном пространстве и о наличии потребности в появлении центров экспертного консультирования для помощи музейным сотрудникам в разработке специального методического инструментария, как это было осуществлено на примере проекта по обучению сотрудников музеев России методу социальных историй, облегчающих людям с РАС понимание сложных ситуаций при посещении общественных мест .

Ключевые слова: музей, инклюзия, расстройства аутистического спектра, посетитель с РАС, опрос, социальная история.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00041-21-05 от 14.07.2021 «Комплексное сопровождение детей с РАС на основе доказательного подхода».

Для цитаты: Давыдова Е.Ю., Хилькевич Е.В., Хаустов А.В., Давыдов Д.В., Сорokin А.Б. Проблемы организации инклюзивной среды для работы с детьми с РАС в музеях различного профиля // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 95—110. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290406>

INCLUSIVE ENVIRONMENT FOR WORKING WITH CHILDREN WITH ASD ORGANISATION PROBLEMS IN DIFFERENT TYPES OF MUSEUMS

ELIZAVETA YU. DAVYDOVA

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE),
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5192-5535>,

e-mail: DavydovaEJu@mgppu.ru

EVGENIYA V. KHILKEVICH

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE),
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5552-1215>,

e-mail: hilkevichev@mgppu.ru

ARTHUR V. KHAUSTOV

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE),
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9295>,

e-mail: haustovav@mgppu.ru

DENIS V. DAVYDOV

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE),
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0993-3803>,

e-mail: davydovdv@mgppu.ru

ALEXANDER B. SOROKIN

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE),
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-6719>,

e-mail: SorokinAB@mgppu.ru

Museums today play a pivotal role in creating an environment that follows principles of social inclusion and is accessible for individuals with disabilities including museum visitors with autism spectrum disorders (ASD). Extracurricular activities are an integral part of comprehensive support for children with ASD that require coordinated efforts of museum professionals, psychologists, and educators. However, museum professionals may lack information about autism and appropriate approaches. The Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders at MSUPE studied this process by conducting a survey about the availability of resources for accommodating individuals with ASD as independent visitors as well as participants in museum programs. The results of the survey attest to a high level of engagement of museum community in creating provisions for visitors with ASD in addition to the demand for consulting centers that would facilitate development of appropriate tools. We present a project that has introduced “social narratives” as an instrument for ASD in a setting that can serve as a model for such a center.

Keywords: museum, inclusion, autism spectrum disorders, visitors with ASD, research, social story.

Funding. The reported study was funded within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, project No. 073-00041-21-05 “Comprehensive support of children with ASD based on an evidence-based approach”.

For citation: Davydova E.YU., Khilkevich E.V., Khaustov A.V., Davydov D.V., Sorokin A.B. Inclusive Environment for Working with Children with ASD: Organisation Problems in Different Types of Museums. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 95–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290406>

Введение в проблематику музейной инклюзии

Функции современного музея давно вышли за границы собирания, изучения и экспонирования произведений искусства, а изменения в понимании общественной роли музея становятся предметом активного обсуждения, в том числе в профессиональном сообществе [14]. Эти процессы отражают движение музея навстречу запросу общества, предполагающего пользу от посещения музея с точки зрения досуга и образования для максимально широкого круга посетителей. Ключевым понятием для обеспечения доступности музейного пространства и музейных программ является инклюзия, которая определяется как «... системный и непрерывный процесс создания возможностей для полноценного участия людей в любых аспектах жизни на основе принципов уважения прав и достоинства личности. Этот процесс происходит с учетом потребностей и интересов человека преимущественно за счет выявления и устранения средовых барьеров, а также благодаря индивидуальной поддержке при ее необходимости» [5]. Реализация принципов инклюзии позволяет обратиться к группам, традиционно не находившимся в фокусе музейной деятельности. Одной из таких групп являются дети и взрослые с расстройствами в спектре аутизма, у которых выявляются нарушения социального взаимодействия, общения, а также стереотипные и повторяющиеся формы поведения. Часто аутистическим проявлениям сопутствуют нарушения речи и интеллекта [7]. В последние годы фиксируется рост распространенности аутизма и сходных с ним расстройств. Единого мнения о причинах подобного роста нет, хотя определенную роль в нем играет улучшение информированности общества и повышение эффективности выявления случаев, соответствующих клиническим критериям расстройств аутистического спектра (РАС) [10].

Не все особенности поведения людей с аутизмом заметны в музее в равной степени. Выраженная гетерогенность проявлений не позволяет надежно предсказать, какие именно изменения необходимо осуществить, чтобы посещение музея человеком с аутизмом было успешным, полезным и спокойным. Часть детей и взрослых с аутизмом не будут испытывать никаких проблем с посещением музея, однако некоторым посетителям необходимы особые условия. Так к упомянутым выше стереотипным и повторяющимся формам поведения относятся проявления, связанные со сниженным порогом сенсорной чувствительности.

Например, некоторые люди с аутизмом нередко слишком сильно реагируют на громкий звук, яркий свет, большое скопление людей и т. д. Предусмотреть все эти сенсорные раздражители невозможно, но знание о них позволяет минимизировать риски нежелательного поведения в залах музея. Помимо информирования сотрудников о подобных рисках специалисты разрабатывают специальные материалы, такие как карты музея с обозначенными рисками или более спокойными зонами, нарративные инструменты подготовки к посещению музея и другие пособия [3; 8]. Этот опыт доступен как сотрудникам музеев, так и специалистам психолого-педагогического профиля, готовящим детей и взрослых с аутизмом к посещению музея. Кроме того, существуют методы поддержки, которыми могут пользоваться члены семьи и другие сопровождающие взрослые, а также сами люди с аутизмом [4].

В настоящий момент не существует единого канала, по которому музейные сотрудники могут узнать о подобных приемах. Интеграция содержания обучения, затрагивающего проблемы музейной инклюзии, в программы высшего и дополнительного профессионального образования является относительно новым явлением. Примерами могут служить Летняя школа инклюзивных практик Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, семинары и вебинары проекта «Инклюзивный музей», программа «Различные концепции инклюзии и их реализация в сфере образования и культуры» Музея современного искусства «Гараж» и связанные с этими программами печатные и электронные издания [9]. Положительный опыт инклюзивных практик музеев и других организаций представлен на платформе «Инклюзивный музей» (<http://in-museum.ru/>), на которой материалы для работы с посетителями с аутизмом включены в раздел «Посетители с особенностями ментального развития».

Исследование «Посетитель с РАС в музеях»

Для исследования процесса развития музейной инклюзии Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с РАС МГППУ совместно с Российским комитетом Международного совета музеев (ИКОМ России) — создателем проекта «Инклюзивный музей» провели опрос сотрудников музеев России различного профиля с целью оценки распространенности и оснащенности музейной инклюзии, а также готовности музеев к организации свободного посещения и мероприятий с участием людей с РАС. Для этого респондентам было предложено заполнить опросник «Посетитель с РАС в музеях». При составлении анкеты акцент был сделан на квалификации сотрудников музеев и профиле компетенций, необходимых при работе с этой группой посетителей.

Полученные данные должны были позволить сформулировать запрос на организационную и информационную поддержку и охарактеризовать ситуацию в следующих аспектах: какие ресурсы используются музеями для получения информации по организации инклюзивной работы, какая информация о РАС наиболее востребована, какие программы и методики работы уже применяются в этой области и в чем необходима помощь.

В опросе приняли участие сотрудники 160 музеев и музейных подразделений. В 139 из них уже есть опыт инклюзивной работы в той или иной форме, а в 21 музее, принявшем участие в опросе, такая работа пока не ведется. Для изучения проблемы доступности ресурсов и эффективности работы обучающих программ было проведено сравнение результатов ответов сотрудников музеев крупных городов с населением от 1 млн человек — 49 музеев (группа 1) и музеев населенных пунктов с количеством жителей менее 1 млн — 90 музеев (группа 2).

Для оказания эффективной адресной помощи необходимо иметь представление о том, какие источники информации преимущественно используются музеями, имеющими опыт инклюзии. Так, в качестве источников информации о принципах и методах работы с детьми с РАС чаще всего указывались профессиональные конференции, семинары, тренинги, круглые столы для музейных сотрудников (67%), реже упоминались курсы повышения квалификации и коллеги из своего музея (36 и 49% соответственно).

Использование материалов специальных семинаров и тренингов отмечалось также при ответе на вопрос об источнике информации для оценки потребностей детей с РАС при посещении музея (52% респондентов), однако чаще выбирался вариант «Пожелания родителей, тьюторов, педагогов, сопровождающих детей на занятиях» (80%). Также 46% респондентов отметили необходимость опоры на собственные наблюдения, что свидетельствует о наличии определенного опыта в реализации инклюзивных мероприятий. В отношении использования информационных ресурсов для реализации принципов инклюзии в работе музеев, были выявлены различия в ответах респондентов, представляющих музеи крупных и небольших городов. Так, музеи небольших городов оказались в меньшей степени охвачены обучающими мероприятиями профильных организаций (20% по сравнению с 38% для музеев крупных городов), но в то же время продемонстрировали большую активность по участию в проекте «Инклюзивный музей». Наибольшие различия между группами были обнаружены по параметру «Привлечение приглашенных экспертов для оценки потребностей детей с РАС при посещении музеев». Выбор этого варианта был зафиксирован в 30% ответов сотрудников музеев группы 1 и только в 7% ответов группы 2. В целом следует отметить, что сотрудники музеев группы 1 выбирали максимальное количество вариантов ответа из предложенного списка, тогда как сотрудники музеев 2 группы — 1—2 варианта.

Запрос на информационное и методическое сопровождение инклюзивной работы во многом зависит от понимания сотрудниками целей посещения музейных программ для детей с РАС. Для изучения этого вопроса были предоставлены следующие варианты ответов: культурный досуг в благоприятных условиях; возможность проводить время с семьей; занятия творчеством (реализация творческого потенциала ребенка); развитие познавательной активности, получение новых знаний и навыков; возможности социального взаимодействия, общения со сверстниками; расширение круга интересов ребенка, а также получение ребенком положительных эмоций, а также поощрения и оценки его труда окружающими. Наиболее часто респонденты считали основной целью инклюзивной работы предоставление ребенку с РАС возможностей для социального взаимодействия, общения со сверстниками (80% ответов в группе 1 и 51% ответов в группе 2). Различия между группами проявились и в частоте выбора ответа «Развитие познавательной активности, получение новых знаний и навыков» (63% ответов в группе 1 и 37% ответов в группе 2). Выбор остальных вариантов не различался между группами и составлял от 14 до 42% ответов.

Для реализации комплекса целей при организации работы с детьми с РАС необходимо не только знание принципов инклюзии, но и понимание специфических особенностей детей с аутизмом и конкретизация запроса на эту информацию от сотрудников музея, что позволит повысить эффективность работы. Результаты анализа опроса показали, что запрос на информацию о принципах организации инклюзивной работы наименее дифференцирован. Сотрудниками музеев отмечается важность и необходимость любой информации; можно особо выделить только более выраженный запрос на сведения о способах обеспечения цифровой доступности (онлайн-мероприятия и продукты, возможности использования цифровых технологий) от сотрудников музеев группы 1 (18%) и на технологии и приемы организации инклюзивных программ от сотрудников музеев группы 2 (14%). Что касается знаний о РАС, необходимых для совершенствования работы, то сотрудники музеев группы 2 также обозначили востребованность любой информации, тогда как в ответах сотрудников музеев группы 1 относительно равномерно представлены все предложенные варианты ответов (природа аутизма, причины возникновения расстройства; сенсорные особенности детей с РАС; особенности восприятия информации; особенности общения и взаимодействия детей с РАС; разнообразие поведенческих проявлений детей с РАС и причины нежелательного поведения детей с РАС). Чаще всего (в 40% ответов) указывалась потребность в информации, непосредственно важной для организации работы — это особенности общения и восприятия информации детьми с РАС.

Готовность музеев различного профиля к принятию посетителей с РАС на текущий момент, когда система поддержки инклюзивных проектов и программ только развивается, во многом определяется пониманием возможности использования в работе с этим контингентом существующих наработок в области музейной педагогики. Результаты оценки этой возможности сотрудниками музеев двух групп представлены в табл. 1.

Таблица 1
Элементы музейной педагогики, которые можно использовать в работе с детьми с РАС

Элементы музейной педагогики, которые можно использовать в работе с детьми с РАС	Процент респондентов, отметивших вариант, %	
	Группа 1	Группа 2
Обращение к разным органам чувств во время проведения экскурсий, музейных занятий (задействуется осязание, обоняние, слух, движение и т. д.)	84	36
Существующие программы занятий для дошкольников/младших школьников	67	37
Творческие мастер-классы	69	61
Мультимедийные устройства, панели, экспонаты	32	25
Тактильно доступные экспонаты	69	48
Сценарии праздников и фестивалей, проводящихся в музее	30	25

Примечание. Группа 1 — музеи городов с населением от 1 млн человек; группа 2 — музеи населенных пунктов с количеством жителей менее 1 млн.

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о готовности сотрудников музеев к изменениям, адаптации существующих приемов и технологий к требованиям инклюзии. Вместе с тем различия между группами показывают, что опыт музеев больших городов необходимо транслировать и делать доступным для всего музейного сообщества. Анализ опыта реализации инклюзивных программ на основании традиционных методов музейной педагогики свидетельствует о необходимости применения специальных инструментов при работе с детьми с РАС. Наиболее известные из них — это социальные истории, визуальное расписание, сенсорная карта, адаптированные задания для музейных занятий, специальные тетради и пособия, визуальные- или видеоинструкции, карточки-подсказки, элементы альтернативной коммуникации, адаптированные путеводители и словари. Необходимо подчеркнуть, что перечисленные инструменты необходимо специально создавать для конкретных музеев с учетом экспозиционного контента. А это, в свою очередь, требует об-

учения специалистов музея или привлечения экспертной помощи, что, как показал проведенный опрос, значительно более доступно для музеев больших городов. Так, в ответе на вопрос «Какие специальные инструменты уже созданы и используются в вашем музее для детей с РАС?» 57% респондентов из группы 2 ответили, что такие инструменты пока не созданы, 20% отметили наличие адаптированных заданий, остальные инструменты выбирались респондентами существенно реже (не более 8%). В ответах респондентов музеев группы 1 также наиболее распространенным выбором стали адаптированные задания, но процент выбора этого варианта составил уже 65%. Об использовании в их музее метода социальных историй¹ сообщили около 50% ответивших, частота упоминания остальных инструментов колебалась от 18 до 24%, что существенно больше, чем в группе 2. Об отсутствии специального методического инструментария в группе 1 сообщили 20% респондентов.

Анализ представленных результатов позволяет сделать вывод о высокой вовлеченности музейного сообщества в процесс создания специальных условий для посетителей с РАС в музейном пространстве, понимании необходимости комплексного подхода к организации инклюзивной работы. С точки зрения разработки стратегии практической помощи музеям следует отметить востребованность обучающих мероприятий компактного формата (семинары, вебинары), посвященных решению конкретных задач по организации работы с детьми с РАС. Также выявляется необходимость развития института экспертного консультирования, основной задачей которого являлась бы помощь сотрудникам в разработке специального методического инструментария с учетом особенностей детей с РАС и специфики конкретного музея, что особенно важно для музеев небольших населенных пунктов, обладающих ограниченными кадровыми ресурсами и не имеющих большого потока посетителей с особыми потребностями.

Внедрение метода социальных историй в практику музейной инклюзии

При знакомстве с методами работы предпочтение должно отдаваться приемам, методам и подходам, соответствующим принципам доказательности [2]. Одним из таких методов является метод социальных

---

¹ Социальная история для музея представляет собой подробное и актуальное на данный момент описание музейного пространства внутри или снаружи помещения. Она может содержать в себе предполагаемый алгоритм или сценарий действий в той или иной ситуации, которая может стать затруднительной для посетителя.

историй. Как видно из результатов проведенного опроса, для сотрудников музеев, которые уже активно погружены в инклюзивную работу, среди всего перечня технологий, использующихся в работе с посетителями с РАС, этот метод вызывает особый интерес. Он появился и был запатентован американским специальным педагогом Кэрол Грей в 90-е годы прошлого столетия [1]. Метод предполагает использование особым образом написанных, иллюстрированных рассказов при работе с учениками с аутизмом для улучшения их понимания сложных социальных ситуаций или разъяснения социально приемлемых стратегий поведения в том или ином случае [15; 16]. Следуя определенным критериям составления предложений и подбора картинок, можно создавать подобные простые для восприятия и понимания истории, которые применимы практически в любой сфере. Сегодня социальные истории являются инструментом, широко используемым в обучении для улучшения специфического «социального мышления» людей разных возрастов с ментальными особенностями и аутизмом [13].

Хотя изначально автор метода создавала социальные истории для помощи своим ученикам в различных ситуациях в школе, постепенно они стали применяться и в других сферах, ведь затруднительные ситуации для человека с аутизмом могут возникнуть в любом месте, особенно публичном. Несколько лет назад этим методом стали серьезно интересоваться музеи в разных уголках мира: они увидели в социальных историях большой потенциал для подготовки своих посетителей с ментальными особенностями к предстоящему визиту [3]. В настоящий момент эта практика закрепилась и в России — сейчас многие музеи создали социальные истории для подготовки к посещению музея и разместили их на своих сайтах, что подтверждает и проведенный опрос — 30 респондентов (21,6%) ответили, что в их музеях такие истории разработаны. Количество таких музейных социальных историй продолжает увеличиваться в России с каждым годом, так как сотрудники видят их эффективность. Посетители с особенностями развития, у которых была возможность предварительно подготовиться к посещению музея при помощи иллюстрированной истории, легче ориентируются в новом для них пространстве и в целом хорошо представляют себе предстоящее событие, а также лучше понимают, как добраться до нужного места, что повышает их способность к самостоятельности. В данных историях содержится важная информация о том, к кому можно обратиться в случае затруднительной ситуации, где находятся зоны отдыха, в доступной форме изложены основные правила поведения в данном заведении, содержатся краткие сведения об экспозиции и профиле музея.

Помимо специфической функции улучшения понимания информации для посетителей с аутизмом, такой формат адаптированных текстов

с иллюстрациями представляет собой отличное пособие для подготовки к посещению музея дошкольников и младших школьников без особенностей развития, а также детей с дислексией. Они оказываются полезны для совсем маленьких посетителей, впервые приходящих в музей, для людей, плохо ориентирующихся в незнакомых местах, или для иностранцев, плохо владеющих языком страны пребывания. Социальные истории бывают незаменимы при проведении массовых мероприятий, когда нужно большому количеству людей в краткой форме сообщить, как добраться до места его проведения. Таким образом, социальная история действительно способствует развитию музея как инклюзивной институции, обеспечивающей информационную доступность разным категориям посетителей [11].

В то же время использование метода социальных историй предполагает наличие профессиональных компетенций в области специальной педагогики, которых зачастую нет у музейных сотрудников. Поэтому они разрабатываются, как правило, посредством сетевого взаимодействия между музеями и образовательными организациями, благотворительными фондами и НКО. Не у всех музеев есть подобные возможности и ресурсы, кроме того, не все из них даже владеют информацией о существовании подобного инструмента. Для популяризации и распространения знаний о данном методе в 2020 году Российский комитет Международного совета музеев (ИКОМ России) в рамках своего проекта «Инклюзивный музей», с привлечением экспертов из Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с РАС и других организаций, инициировало создание методических рекомендаций по разработке социальных историй для музея. Эта инициатива стала ответом на массовый запрос от музейных специалистов со всей России. В течение года была организована серия обучающих семинаров и мастер-классов, в которых приняли участие 1550 человек со всей России, а финалисты грантового конкурса проекта «Инклюзивный музей» получили возможность разработать свои социальные истории под супервизией привлеченных экспертов. По итогу этого года музеи создали 25 новых социальных историй, а многие сейчас находятся в процессе разработки. Среди финалистов конкурса, которые имели возможность напрямую консультироваться у экспертов проекта, были как небольшие краеведческие сельские музеи (Якшур-Бодьинский районный краеведческий музей), так и известные столичные музеи (Государственный музей Востока). Каждый из них создавал историю под свою тематику программ и потребности посетителей, опираясь на собранные данные о возможных затруднительных ситуациях для людей с аутизмом и особенностями ментального развития. Такой вариант сотрудничества музейных специалистов, обученных в рамках проекта методу социальных

историй, и экспертов, которые вносят коррективы на финальной стадии разработки истории, показал свою высокую эффективность и результативность в виде корректных социальных историй, с одной стороны, отвечающих, всем десяти критериям метода Кэрл Грей, с другой — удовлетворяющих запрос музей.

Такой вариант сотрудничества между музейными и специальными педагогами, экспертами по созданию социальных историй, на основе разработанного методического пособия, может быть принят за образец сетевого взаимодействия, которое, согласно проведенному опросу, развито пока в недостаточной степени. Эта модель может быть положена в основу создания специального информационно-консультационного сервиса на базе Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с РАС при поддержке ИКОМ России для удовлетворения все возрастающих потребностей музеев по созданию эффективных инструментов, необходимых в инклюзивной работе с посетителями с РАС и другими ментальными особенностями.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. Выявленная готовность музеев различного профиля к принятию посетителей с РАС определяет необходимость организации комплексной поддержки инклюзивной музейной работы с участием специалистов, владеющих методами работы с этой категорией людей с ОВЗ.

2. Наиболее востребованы компактные обучающие мероприятия, направленные на ознакомление с конкретными методами и приемами взаимодействия с детьми с РАС в ходе занятий в музее.

3. С учетом уникальности фондов каждого музея сотрудникам, организующим инклюзивную деятельность, необходима экспертная помощь в разработке программ для детей с РАС.

4. Внедрение метода социальных историй в инклюзивную работу музеев может служить примером продуктивного взаимодействия специалистов при создании арсенала эффективных приемов работы с детьми с РАС в музеях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грей К. Социальные истории: Инновационная методика для развития социальной компетентности у детей с аутизмом. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2018. 432 с.
2. Давыдова Е.Ю., Сорочкин А.Б., Хаустов А.В., Шведовский Е.Ф. Проблемы и перспективы интеграции методов с доказанной эффективностью в практику школьного обучения детей с расстройствами аутистического спектра // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 36—60. DOI: 10.17759/cpse.2021100103

3. Манелис Н.Г., Хилькевич Е.В., Сорокин А.Б. Особенности организации внешкольных мероприятий для обучающихся с РАС в музеях: Методическое пособие / Под общ. ред. А.В. Хаустова, Н.Г. Манелис. М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 151 с.
4. Морозов С.А. Комплексное сопровождение лиц с расстройствами аутистического спектра: учеб.-мет. пособие. М.: М-во образования и науки Российской Федерации, ФГАУ «Федеральный ин-т развития образования», РОБО «Общество помощи аутичным детям «Добро»», 2015. 539 с.
5. Перечень контрольных вопросов и рекомендаций по обеспечению доступности музея для посетителей с ментальными особенностями. [Электронный ресурс]. М.: Проект «Инклюзивный музей», 2020. 40 с. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/429/429a72f6171912cb6d416b8ee55b8c77.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).
6. Сенсорные особенности детей с расстройствами аутистического спектра. Стратегии помощи: метод. пособие / Под общ. ред. А.В. Хаустова, Н.Г. Манелис. М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. 70 с.
7. Сорокин А.Б. Нарушения интеллекта при расстройствах аутистического спектра // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 38—44. DOI:10.17759/jmfp.2018070104
8. Сорокин А.Б., Киселева Е.И. Об истории термина «сенсорная безопасность». Как создавалась карта сенсорной безопасности ГМИИ имени А.С. Пушкина // Материалы конференции «Открытый музей». М.: Музей «Гараж». 2021. 60 с.
9. Сорокин А., Талызина Л. Современная терминология для описания людей с особенностями развития [Электронный ресурс] // Музей ощущений: посетители с особенностями интеллектуального развития: опыт Музея современного искусства «Гараж»: Сб. материалов. М.: Москва, 2021. С. 11—16. URL: https://cdn-static-garagemca.gcdn.co/storage/tiny_mce_asset/2/8/2863/file-a7bbe15a-76fd-47ae-9f2a-cf2175b9f540.pdf (дата обращения: 10.12.2021)
10. Филиппова Н.В., Барыльник Ю.Б. Эпидемиология аутизма: современный взгляд на проблему // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 3. С. 97—101.
11. Хилькевич Е.В. Социальные истории и инструменты визуальной поддержки в музеях: Методическое пособие [Электронный ресурс] // М.: Проект «Инклюзивный музей», 2020. 151 с. URL: <https://drive.google.com/file/d/1uQqWcWHOSHIGg2hW6uGbrEYwJDqojHyK/view?usp=sharing> (дата обращения: 10.12.2021).
12. Формирование жизненных компетенций у обучающихся с расстройствами аутистического спектра. Методическое пособие / Под общ. ред. А.В. Хаустова. М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2016. 57 с.
13. Attwood T. The Links Between Social Stories, Comic Strip Conversations and Cognitive Models [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://www.tonyaywood.com/paper5.htm> (дата обращения: 10.12.2021).
14. Fraser J. A Discomforting Definition of Museum // Curator. 2019. P. 501—504. DOI: 10.1111/cura.12345

15. Ozdemir S. The effectiveness of social stories on decreasing disruptive behaviors of children with autism: Three case studies // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2008. Vol. 38(9). P. 1689—1696. DOI: 10.1007/s10803-008-0551-0
16. Schneider N., Goldstein H. Using social stories and visual schedules to improve socially appropriate behaviors in children with autism // *Journal of Positive Behavior Interventions*. 2010. Vol. 12(3). P. 149—160. DOI: 10.1177/1098300709334198

REFERENCES

1. Grei K. Sotsial'nye istorii: Innovatsionnaya metodika dlya razvitiya sotsial'noi kompetentnosti u detei s autizmom [Social Stories: An Innovative Technique for Developing Social Competence in Children with Autism]. Ekaterinburg, 2018. 432 p.
2. Davydova E.Yu., Sorokin A.B., Khaustov A.V., Shvedovskii E.F. Problemy i perspektivy integratsii metodov s dokazannoi effektivnost'yu v praktiku shkol'nogo obucheniya detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra [Challenges and Perspectives of Evidence-Based Interventions Integration into Schooling of Children with Autism Spectrum Disorders]. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 36—60 DOI:10.17759/cpse.2021100103
3. Manelis N.G., Khil'kevich E.V., Sorokin A.B. Osobennosti organizatsii vneshkol'nykh meropriyatiy dlya obuchayushchikhsya s RAS v muzeyakh. Metodicheskie rekomendatsii [Features of the organization of extracurricular activities for students with ASD in museums. Guidelines]. Moscow, 2021. 151 p.
4. Morozov S. A. Kompleksnoe soprovozhdenie lits s rasstroistvami autisticheskogo spektra: uchebno-metodicheskoe posobie [Comprehensive support for persons with autism spectrum disorders: a training manual]. 2015. 539 p.
5. Perechen' kontrol'nykh voprosov i rekomendatsii po obespecheniyu dostupnosti muzeya dlya posetitelei s mental'nymi osobennostyami. Proekt «Inklyuzivnyi muzei». [Checklist and recommendations for making the museum accessible to visitors with mental disabilities. Project “Inclusive Museum”]. Moscow, 2020. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/429/429a72f6171912cb6d416b8ee55b8c77.pdf>
6. Sensornye osobennosti detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra. Strategii pomoshchi. Metodicheskoe posobie [Sensory characteristics of children with autism spectrum disorders. Assistance strategies]. A.V. Khaustov, N.G. Manelis (eds). Moscow: FRTs FGBOU VO MGPPU, 2018. 70 p.
7. Sorokin A.B. Narusheniya intellekta pri rasstroistvakh autisticheskogo spektra [Intellectual Disorders in Autism Spectrum Disorders]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 38—44. DOI: 10.17759/jmfp.2018070104
8. Sorokin A.B., Kiseleva E. I. Ob istorii termina “sensornaya bezopasnost’”. Kak sozdavalas’ karta sensornoj bezopasnosti GMII im. A.S. Pushkina [On the history of the term “sensory safety”. How the sensor safety map of the Pushkin State Museum of Fine Arts was created]. Materialy konferentsii “Otkrytyi muzei”. Muzei “Garazh” [Open Museum conference materials. Garage Museum], 2021, 60 p.
9. Sorokin A., Talyzina L. Sovremennaya terminologiya dlya opisaniya lyudei s osobennostyami razvitiya. Muzei oshchushchenii: posetiteli s osobennostyami intellektual'nogo razvitiya: opyt Muzeya sovremennogo iskusstva «Garazh». Sbornik materialov [Modern terminology for describing people with disabilities // Museum

- of Sensations: Visitors with intellectual disabilities: the experience of the Garage Museum of Contemporary Art. Collection of materials], 2021, pp.11–16.
10. Yu. B. Epidemiologiya autizma: sovremennyy vzglyad na problemu [Epidemiology of autism: a modern view of the problem]. *Social and Clinical Psychiatry*. 2014. T. 24. № 3.
  11. Khil'kevich E.V. Sotsial'nye istorii i instrumenty vizual'noi podderzhki v muzeyakh: metodicheskoe posobie. [Social stories and visual support tools in museums: a methodological guide]. Moscow, 2020. URL: <https://drive.google.com/file/d/1uQqWcWHOSHIGg2hW6uGbrEYwJDqojHyK/view?usp=sharing>
  12. Formirovaniye zhiznennykh kompetentsiy u obuchayushchikhsya s rasstroystvami autisticheskogo spektra. Metodicheskoye posobiye. In Khaustova A.V. (ed.) Moscow: FRTS FGBOU VO MGPPU, 2016. 57 p.
  13. Attwood T. The Links Between Social Stories, Comic Strip Conversations and Cognitive Models [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.tonyaywood.com/paper5.htm> (Accessed 10.12.2021)
  14. Fraser J. A Discomforting Definition of Museum. *Curator*, 2019, pp. 501–504. DOI: 10.1111/cura.12345
  15. Ozdemir S. The effectiveness of social stories on decreasing disruptive behaviors of children with autism: Three case studies. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2008, vol. 38, no. 9, pp. 1689–1696. DOI: 10.1007/s10803-008-0551-0
  16. Schneider N., Goldstein H. Using social stories and visual schedules to improve socially appropriate behaviors in children with autism. *Journal of Positive Behavior Interventions*, 2010, vol. 12, no. 3, pp. 149–160. DOI: 10.1177/1098300709334198

Информация об авторах

Давыдова Елизавета Юрьевна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5192-5535>, e-mail: DavydovaEJu@mgppu.ru

Хилькевич Евгения Владимировна, кандидат политических наук, руководитель направления социокультурной интеграции Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5552-1215>, e-mail: hilkevichev@mgppu.ru

Хаустов Артур Валерьевич, кандидат педагогических наук, директор Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9295>, e-mail: haustovav@mgppu.ru

Давыдов Денис Витальевич, кандидат биологических наук, научный сотрудник Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровожде-

ния детей с расстройствами аутистического спектра, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0993-3803>, e-mail: davydovdv@mgppu.ru

Сорокин Александр Борисович, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), научный консультант ГМИИ имени А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-6719>, e-mail: SorokinAB@mgppu.ru

Information about the authors

Elizaveta Yu. Davydova, PhD in Biology, Associate Professor, Leading Researcher of the Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders, Associate Professor of the Department of Differential Psychology and Psychophysiology Faculty of “Clinical and Special Psychology”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5192-5535>, e-mail: DavydovaEJu@mgppu.ru

Evgeniya V. Khilkevich, PhD, political science, head of social-cultural integration branch, Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5552-1215>, e-mail: hilkevichev@mgppu.ru

Arthur V. Khaustov, PhD in Education, Director of the Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9295>, e-mail: haustovav@mgppu.ru

Denis V. Davydov, PhD in Biology, Leading Researcher of the Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders, Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0993-3803> e-mail: davydovdv@mgppu.ru

Alexander B. Sorokin, PhD in Biology, Leading Researcher of the Federal Resource Center for Organization of Comprehensive Support to Children with Autism Spectrum Disorders, Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), The Pushkin State Museum diversity and inclusion consultant Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-6719>, e-mail: SorokinAB@mgppu.ru

Получена 05.10.2021

Received 05.10.2021

Принята в печать 01.12.2021

Accepted 01.12.2021

ПСИХОТЕРАПИЯ У ПАЦИЕНТОВ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С АФФЕКТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ В ИСХОДЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ ГОРЯ

В.В. КОРНИЛОВ

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3562-8976>,
e-mail: kornilov-74@mail.ru

В.С. ШЕШЕНИН

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3992-115X>,
e-mail: vlash2003@mail.ru

Н.А. МАЛКИНА

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1071-319X>
e-mail: natmal@inbox.ru

Актуальность работы обусловлена высокой распространенностью и недостаточной степенью изученности исходов патологической реакции горя (ПРГ) в позднем возрасте. Недостаточно разработаны подходы к лечению этих расстройств, проводимого часто без учета возрастного фактора. Противоречивы и мало структурированы разнообразные психотерапевтические техники, используемые при ПРГ. Решение этих задач позволит добиться не только ремиссий хорошего качества, но и предотвратит эндогенизацию и хронификацию психических расстройств. Появление новой коронавирусной инфекции, сопровождающейся высокой смертностью, проблеме терапии ПРГ делает особо актуальной. *Цель:* изучение особен-

ностей психотерапии депрессий у лиц позднего возраста с ПРГ в анамнезе. *Дизайн:* работа является фрагментом открытого нерандомизированного исследования пациентов с ПРГ, проведенного в отделе гериатрической психиатрии ФГБНУ НЦПЗ. Изучались стационарные пациенты старше 60 лет. Использованы клиничко-психопатологический и катamnестический метод. Применялась фармако- и психотерапия. *Результаты:* обследовано 60 пациентов, большинство были женщины, средний возраст — 66 лет, преваляровали пациенты с впервые возникшим депрессивным эпизодом — 45% и рекуррентным депрессивным расстройством — 28%. У большинства (97,7%) пациентов были протрагированные симптомы ПРГ. Проанализированы особенности личности, возрастные факторы, влияющие на течение заболевания и особенности проведения психотерапии. *Выводы:* обосновано использование комплексного подхода (сочетание психофармакотерапии и различных видов психотерапии) к лечению депрессивных расстройств в исходе ПРГ.

Ключевые слова: поздний возраст, патологическая реакция горя, тяжелые утраты, депрессии, депрессивные реакции дезадаптации, психотерапия.

Благодарность. Работа выполнена в отделе гериатрической психиатрии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (руководитель отдела д.м.н. профессор Гаврилова С.И.).

Для цитаты: Корнилов В.В., Шешенин В.С., Малкина Н.А. Психотерапия у пациентов пожилого возраста с аффективными расстройствами в исходе патологической реакции горя// Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 111—126. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290407>

FEATURES OF PSYCHOTHERAPY IN ELDERLY PATIENTS WITH AFFECTIVE DISORDERS IN THE OUTCOME OF A PATHOLOGICAL REACTION OF GRIEF

VLADIMIR V. KORNILOV

FSBSI “The Mental Health Research Centre”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3562-8976>,

e-mail: kornilov-74@mail.ru

VLADIMIR S. SHESHENIN

FSBSI “The Mental Health Research Centre”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3992-115X>,

e-mail: vlash2003@mail.ru

NATALIA A. MALKINA

FSBSI “The Mental Health Research Centre”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1071-319X>

e-mail: natmal@inbox.ru

The relevance of the work is due to the high prevalence and insufficient degree of study of the outcomes of the pathological reaction of grief (PRG) at a late age. Approaches to the treatment of these disorders, often carried out without taking into account the age factor, are not sufficiently developed. The various psychotherapeutic techniques used in PRG are contradictory and poorly structured. Solving these problems will not only achieve good quality remissions, but also prevent endogenization and chronification of mental disorders. The appearance of a new coronavirus infection, accompanied by high mortality, makes the problem of PRG therapy particularly relevant. *Objective:* to study the features of psychotherapy of depression in late-aged people with a history of PRG. *Design:* the work is a fragment of an open non-randomized study of patients with PRG, conducted in the Department of geriatric Psychiatry of the Federal State Budgetary Institution of the National Research Center. Inpatient patients over 60 years of age were studied. The clinical-psychopathological and catamnestic methods were used. Pharmacotherapy was used. *Results:* 60 patients were examined, the majority were women, the average age was 66 years, patients with a first — time depressive episode prevailed—45% and recurrent depressive disorder — 28%. The majority (97.7%) of patients had delayed symptoms of PRG. The features of personality, age factors affecting the course of the disease and the peculiarities of psychotherapy are analyzed. *Conclusions:* the use of an integrated approach (a combination of psychopharmacotherapy and various types of psychotherapy) to the treatment of depressive disorders in the outcome of PRG is justified.

Keywords: late age, pathological grief reaction, bereavements, depressive diseases, depressive reaction of disadaptation, psychotherapy.

Acknowledgments. The research was supported by of the Department of Geriatric Psychiatry of the FSBSI “The Mental Health Research Centre” (head of the department, Ph.D, professor S.I. Gavrilova).

For citation: Kornilov V.V., Sheshenin V.S., Malkina N.A. Features of Psychotherapy in Elderly Patients with Affective Disorders in the Outcome of a Pathological Reaction of Grief. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 111—126. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290407>

Введение

Депрессии наряду с деменциями являются основными формами психической патологии позднего возраста. Значительное место среди аффективных психических расстройств у лиц старшего возраста занимают психогенные депрессии. Утрата эмоционально значимого лица существенно

меняет привычный уклад жизни, являясь при этом тяжелым невосполнимым событием в жизни пожилого человека. Известно, что до 20% людей старшего возраста переживают эту утрату с симптомами патологической реакции горя (ПРГ) [28]. Необходимость в психотерапевтической помощи в ситуации горя очевидна. Однако если в зарубежных публикациях различные методы оказания психологической и психотерапевтической помощи достаточно хорошо освещены, то отечественных исследований по этому направлению явно недостаточно [2]. Вместе с тем настоящие события — появление новой коронавирусной инфекции — тему терапии ПРГ делает еще более актуальной, чем в предыдущие годы. В настоящее время в мире зарегистрировано более 800000 смертей из-за пандемии COVID-19. Поскольку острая реакция утраты является предиктором патологического горя в будущем, ожидаемый рост ПРГ станет проблемой общественного здравоохранения во всем мире [20; 30]. Недостаточная разработка методов психотерапии в комплексном подходе к лечению лиц пожилого возраста с ПРГ определяет актуальность настоящего исследования.

На современном этапе исследований данной проблемы считается, что горе является сложным процессом, включающим в себя фундаментальные эмоции и эмоционально-когнитивные взаимодействия, и представляет собой аффективную архитектуру без упорядоченной структуры. Проявления психологического «нормального» горя не имеет каких-либо четких границ. Течение реакции горя зависит от объекта утраты, обстоятельств смерти значимого человека, этнических, социальных и культуральных особенностей [4]. До недавнего времени считалось, что психологическая реакция горя имеет определенные стадии проявления скорби. Условно выделяли четыре стадии: 1) шок и протест; 2) поглощенность; 3) дезорганизация; 4) разрешение [19]. Вместе с тем многие исследователи считают, что реакция горя не имеет очерченных этапов, а протекает волнообразно («американские горки эмоций»), с периодами улучшения и ухудшения психического состояния, например, при годовщинах смерти [14].

Главным отличием патологической реакции горя от психологической, по мнению многих авторов, является длительная (более 6 месяцев) «парадоксальная интенсивность» проявления эмоций с элементами психопатологических расстройств [26; 29]. ПРГ имеет симптомы двух разнонаправленных дистрессов — дистресс разлуки (с навязчивой поглощенностью фактом утраты) и травматического дистресса со стремлением избегать напоминаний о смерти значимого лица по типу посттравматического стрессового расстройства [18; 25].

Состояние, определяемое патологической реакцией горя в современных классификациях не выделяется как самостоятельная нозологическая единица [11]. В МКБ-10 реакция горя представлена в разделе «Расстройства адаптации»: реакции горя любой длительности, оцениваемые как

анормальные вследствие формы или содержания (F43.22; F43.23; F43.24), которые характеризуются депрессивными расстройствами легкой степени, четко связанными со стрессом и длящимися менее 6 месяцев. В случае если реакция длится от 6 месяцев до 2 лет, она рассматривается как пролонгированная депрессивная реакция (F43.21). Психологическая реакция горя, которая соответствует культуральным особенностям индивидуума и обычно не превышает 6 месяцев, классифицируется с использованием кодов Z73.3 (стресс, нигде не классифицируемый), или Z63.4 (смерть супруга).

Несмотря на большое количество исследований по ПРГ и связанных с ней психических нарушений, исходы этих состояний у лиц пожилого возраста остаются недостаточно изученными. ПРГ у лиц старшего возраста проявляется более широким кругом расстройств, чем такая же реакция в молодом возрасте: часто ее проявлением в позднем возрасте является депрессивное настроение с чувством тоски, подавленности, тягостными размышлениями об умершем, переживанием одиночества. Помимо аффективных расстройств часто отмечаются когнитивные нарушения, происходит резкое ухудшение функционального состояния с декомпенсацией соматоневрологических расстройств [27]. Часто психические нарушения у пожилых, развившиеся в результате ПРГ, сопровождаются бредовыми и галлюцинаторными расстройствами, имеющими как транзиторный, так и хронический характер (от 10 до 15% случаев). Отмечают высокий суицидальный риск среди лиц, перенесших смерть значимого человека [1]. В связи с тяжестью ПРГ, проявляющейся депрессивной симптоматикой у лиц старшего возраста, и тенденцией к затяжному течению разработка стратегии психотерапевтических подходов и психотерапевтической работы с пережившими горе представляется чрезвычайно важной на разных этапах ПРГ. В настоящее время не существует единых психотерапевтических подходов к лечению пациентов с ПРГ. Начиная с классических работ, посвященных реакциям горя [7; 16], до современных руководств, психотерапевтическая помощь на первом этапе утраты рассматривается как необходимая часть помощи в принятии утраты для предотвращения развития ПРГ, носящей более тяжелый и затяжной характер [6; 9; 10; 13; 23; 24]. В дальнейшем, при развитии депрессивных состояний, ассоциированных с утратой, психотерапия приобретает последовательный характер, направленный на помощь пациенту в переживании душевной боли и обретении способности строить свою жизнь. Некоторые авторы, критикуя психоаналитическую концепцию, предлагают заменить парадигму «забвения» на «памятования», подчеркивая, что «горе не деструктивно (забыть, оторвать, отделиться), а конструктивно, призвано не разбрасывать, а собирать, не уничтожать, а творить — творить память» [5]. Однако разнообразные психотерапевтические подходы и техники при ПРГ, как правило, рассматриваются без учета особенностей позднего возраста.

Методы и процедура исследования

Целью исследования было изучение особенностей психотерапии депрессий у лиц позднего возраста с ПРГ в анамнезе. Работа являлась частью исследования по изучению особенностей клиники, течения и терапии исходов патологической реакции горя в позднем возрасте. Исследование проводилось на базе отдела гериатрической психиатрии (руководитель — профессор С.И. Гаврилова) ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (директор — профессор Т.П. Ключник).

В исследование были включены 60 пациентов, поступивших в клинические отделения отдела гериатрической психиатрии ФГБНУ НЦПЗ с различной депрессивной симптоматикой, манифестировавшей в позднем возрасте (60 лет и старше) после утраты эмоционально значимого человека. Состояние патологической реакции горя ретроспективно отвечало критериям DSM-V «тяжелая утрата» (V62.82). Диагноз по МКБ-10 соответствовал рубрикам «аффективные расстройства» (F31—34), которые манифестировали не ранее чем через 6 месяцев после утраты. Длительность ПРГ могла достигать более 10 лет с сохранением выраженной резидуальной симптоматики ПРГ. В среднем длительность течения аффективного заболевания составила 4 года (от 6 месяцев до 16 лет). Исключались пациенты с манифестацией депрессивного состояния до утраты эмоционально значимого лица или с иной психической патологией. Для определения наличия у пациентов ПРГ ретроспективно анализировались анамнестические сведения. Использовались клинико-психопатологический и катamnестический методы обследования с применением стандартизованных шкал для оценки депрессии (шкалы Гамильтона HDRS) [22] и когнитивных нарушений (MMSE) [21].

В условиях стационара все пациенты получали психофармакотерапию согласно рекомендациям по лечению пациентов позднего возраста с депрессивными состояниями [12]. Фармакотерапия подбиралась индивидуально с учетом соматической отягощенности. Психотерапевтические методы коррекции не ограничивались определенными направлениями и техниками, среди которых базовым являлась когнитивно-поведенческая терапия [8]. Использовалась индивидуальная и групповая психотерапия. Психотерапевтические сессии не были строго регламентированы, проводились 2 раза в неделю, длительностью 40—60 минут в течение 1—2 месяцев. Психотерапия проводилась на протяжении пребывания пациентов в клинике. У части пациентов (15 человек) применялась техника ДПДГ (метод десенсибилизации и переработки движениями глаз), широко используемая при посттравматических стрессовых расстройствах [3]. Проводилось от 1—2 до 6—8 сеансов лечения длительностью до 60 мин. Программа ведения пациентов выстраивалась поэтапно по определенным

стадиям состояния пациента после перенесенной утраты. Эта тактика, предложенная J. Bowlby (1994), используется в практической работе, когда постепенно, от стадии к стадии последовательно выстраивается психотерапевтическая работа [15]. Вместе с тем, с учетом того, что пациенты часто неравномерно, с обострениями проходили стадии разрешения ситуации горя, основным ориентиром в психотерапевтической работе было последовательное решение пациентом нескольких задач: признание потери, переживание потери, установление связи с окружением, построение нового отношения к потере. Эта концепция подтверждена в нашей работе и была обусловлена возрастными особенностями пациентов позднего возраста (стертостью границ между стадиями переживания горя, замедлением скорости переработки переживаний и удлинением процесса принятия утраты, необходимостью повторения уже освоенных задач, частыми трудно прогнозируемыми ухудшениями психического и соматического состояния). При этом общая направленность психотерапевтической работы имела определенную последовательность и состояла из трех этапов.

I этап терапии (1—2 неделя терапии). Цель: уменьшение душевной боли утраты, снижение суицидального риска принятие факта смерти близкого человека. Психотерапия: кризисная психотерапия, «выслушивание» и сопереживание.

II этап (3—4 неделя терапии). Цель: уменьшение тревожно-депрессивной симптоматики, повышение уровня адаптации. Психотерапия: позитивная, когнитивно-поведенческая, телесно-ориентированная (устранение мышечного напряжения, переживание своего опыта и принятие себя).

III этап лечения (заключительный, до 1 года). Цель: приспособление человека к изменившимся условиям жизни, поддержание социальной активности. Психотерапия: долгосрочная и семейная. Информирование пациента и родственников о течении (возможных обострениях), прогнозе, исходах ПТГ. Аутогенная тренировка как метод психопрофилактики.

Результаты исследования и их обсуждение

Обследовано 60 пациентов, большинство составили женщины (85%) в возрасте от 60 до 74 лет (средний возраст — $65,8 \pm 0,9$). В 60% случаев объектом утраты был супруг.

В соответствии с МКБ-10 у 45% пациентов установлен «Депрессивный эпизод», у 28% — «Рекуррентное депрессивное расстройство», реже диагностировались «Дистимия» (12%), «Депрессивное расстройство адаптации» (10,0%) и «Биполярное аффективное расстройство» (5,0%). У большей части больных, вне зависимости от давности ПРГ, сохраня-

лись переживания одиночества (67%) и избегающее поведение (59%). Тяжесть депрессии, оцениваемая по шкале HDRS, соответствовала средней и тяжелой степени (51% и 36,1% соответственно). По результатам оценки по шкале MMSE у 46,7% больных не было выявлено когнитивных нарушений (28—30 баллов), а у 53,3% больных наблюдались легкие когнитивные нарушения (26—27 баллов).

Среди пациентов отмечено преобладание психастенических личностных особенностей, на втором месте встречались лица с истерическими чертами (табл. 1).

Таблица 1

Типы личности пациентов

Личностные особенности	Количество человек	
	N	%
Психастенический	19	31,7
Истерический	14	23,3
Шизоидный	11	18,3
Гипертимный	10	16,7
Гармонический/синтонный тип	6	10,0
Итого	60	100,0

По ретроспективным анамнестическим данным, наиболее частыми типами реагирования на известие о смерти эмоционально значимого лица были двигательное возбуждение (29,4%) и реактивный ступор (44,1%).

Непосредственно вслед за ПРГ у всех больных развивались симптомы стойкого аффективного расстройства, как правило, депрессии, что являлось причиной обращения за помощью и последующей госпитализации. Отмечена разная длительность течения аффективного расстройства (но не менее 6 месяцев от утраты эмоционально значимого лица): менее 1 года — 15,0% пациентов; до 2 лет — 31,6%; 3—5 лет — 26,7%; 6—9 лет — 11,7%; более 10 лет — 15,0%.

Тактика лечения депрессии после ПРГ определялась этапом развития аффективной патологии, тяжестью состояния, клинико-психопатологическими особенностями депрессий, особенностями личности и сопутствующей сомато-неврологической симптоматикой. При превалировании в структуре депрессии выраженных идей самообвинения, суицидальных мыслей, апатии или, наоборот, тревожной ажитации применялись лекарственные препараты, преимущественно антидепрессанты (при легких и средней тяжести депрессией — СИОЗС или СИОЗС/Н, при тяжелых депрессиях — трициклические). У большинства пациентов пожилого возраста манифестация депрессивного расстройства имела

отставленный во времени характер, часто была спровоцирована другими причинами, в других случаях с самого начала приобретала хронический характер, сохраняя подавленные переживания и обостряясь на фоне психотравмирующей ситуации, вызвавшей воспоминания об утрате (например, при годовщине смерти).

На фоне комплексной медикаментозной и психотерапевтической помощи у значительной части пациентов редуцировалась депрессивная симптоматика, улучшилось настроение, появилась уверенность перед будущим. Существенное уменьшение депрессивной симптоматики наблюдалось у 72% пациентов (средний балл по шкале HDRS снизился с 25,7 до 4,3). Доля пациентов с когнитивными нарушениями в начале терапии составляла 53,3% (средний балл по шкале MMSE — 24,3), к окончанию лечения доля пациентов с признаками когнитивного снижения была лишь у 3,3% (у 96,7% пациентов средний балл по MMSE — 28,4), что свидетельствовало о возможном функциональном характере этих расстройств и связи с депрессивной симптоматикой.

Из 60 пациентов 6 пациентов отказались от проведения психотерапии, мотивируя отказ нежеланием обсуждать тему утраты. В дальнейшем при уменьшении депрессивной симптоматики трое из них прошли курс психотерапии.

На этапе острого горя (в нашем исследовании это единичные случаи, поскольку преобладали пациенты с отсроченными депрессивными состояниями после перенесенной утраты) вмешательство психотерапевта было минимальным и сводилось к формированию максимального доверия и взаимопонимания с лицом, перенесшим утрату. Пациенту предоставлялась возможность говорить об умершем и обстоятельствах его смерти. Важно максимально поддерживать выражение чувств, связанных с потерей, избегая шаблонных формулировок «не надо плакать», «обратное не вернуть», которые только отдаляли врача от пациента, убежденного в неотвратимости утраты. При достижении доверия пациенту объяснялось, что реакция горя уменьшается постепенно в течение нескольких месяцев, однако при напоминаниях возможно усиление подавленности в течение более длительного времени. При наличии показаний для фармакологического лечения его назначали так же, как и пациентам с аналогичными депрессивными расстройствами, не перенесшим тяжелой утраты, с учетом того, что многие лекарственные препараты, особенно транквилизаторы, могут подавлять естественную реакцию горя, что являлось крайне нежелательным. Кризисная психотерапия носила краткосрочный характер и была направлена на уменьшение отчаяния, тревоги и суицидального риска.

На этапе оцепенения или протеста продолжалось укрепление психотерапевтического альянса, исследовались личностные ресурсы пациента, применялись проективные методы и мотивы символ-драматического

подхода (подключались личностные ресурсы через позитивные воспоминания, гипнотический транс или релаксацию). Отмечено, что при тяжелой депрессии (12 пациентов) доступ к позитивным воспоминаниям был закрыт даже спустя несколько лет после перенесенной утраты («Ничего хорошего у меня и не было, а мне и вспомнить то нечего»). В таких случаях проводился гипнотический транс с суггестией и формированием позиции «стороннего наблюдателя», «свободного стула», что позволило косвенно дистанцироваться пациенту от своих переживаний и душевной боли. Параллельно пациенты обучались приемам релаксации.

На следующем этапе, при продолжении ресурсной терапии, острожно исследовались иррациональные установки и мысли пациента, запускающие депрессивный и тревожный аффекты. Для этого использовались система домашних заданий, ведение дневника самонаблюдения. Заполнялась простая таблица желаний и возможностей пациента: «Я хочу — Я не хочу — Я могу — Я не могу — Я люблю». В результате самоаналитической работы пациент фиксировался на вещах, которые были значимы и любимы в прошлом, что позволило изменить его аффект и запустить психодинамический процесс от своих желаний к возможностям: «Я хочу — Я смогу — Я могу — Я реализую свое желание — Я есть». Пациентам предлагалось в качестве домашнего задания вести дневник самонаблюдения. Учитывая, что пожилые люди, особенно после утрат, часто испытывают экзистенциальные мучительные проблемы, усугубляющие их депрессивное состояние («Все потеряло смысл, ничего хорошего меня не ждет»), важно было нацелить пациента на обретение точки опоры, например, для верующих пациентов — на размышления о вечности бытия, духовной стороне грусти и т. д. Для людей, всю жизнь отдавших работе — на осознание ценности этого — в учениках, в продолжении своего дела. Для пожилых, окруженных семьей, — на жизни детей, внуков, их переживаниях. Ставилась задача переключить внимание с фиксации на болезни и на своем состоянии на окружающий мир. Этому помогало приведение примеров из жизни людей, знакомых пациенту, сумевших преодолеть горе и нашедших опору в помощи другим.

На заключительном этапе психотерапии применялась техника «последнего письма» (20 случаев), в котором пациент благодарит ушедшего близкого за чувство любви, заботу и дружбу, анализирует свой опыт взаимоотношений с ним, а затем, акцентируя, что это письмо последнее, выстраивает планы на будущее. Отмечалась обязательная фиксация на мысли «я научусь жить без тебя, за тебя, во имя тебя», что позволяло запустить новый сценарий своего будущего. В трех случаях этот метод оказался слишком травматичным из-за обострения переживаний, у двух пациентов обнаружилось неспособность выразить свои переживания с помощью письма. У 15 пациентов применение на этом этапе метода

ДПДГ ускорило переработку болезненных воспоминаний, связанных со смертью близкого человека, снизило тревожность и позволило смягчить переживание горя. Для восстановления динамического равновесия саморегулирующих систем организма и как метод психопрофилактики для всех пациентов использовалась аутогенная тренировка (мышечная релаксация и самовнушение). При этом была отмечена недостаточная эффективность метода при истерических типах личности, когда отмечалась сама «желательность» и демонстративность горя (8 пациентов) и психастенических личностных особенностях (6 пациентов).

На завершающем этапе также проводились психотерапевтическое консультирование родственников, обсуждение с ними проводимых и планируемых психотерапевтических мероприятий. Это значительно повышало их действенность и делало более устойчивыми достигнутые результаты. На этом этапе становилось возможным проведение групповой психотерапии, ранее отвергаемой пациентами из-за нежелания делиться своими переживаниями, вникать в проблемы других пациентов и сопереживать чужому горю. Результатом успешности проводимого лечения являлись адаптация пациентов к изменившимся условиям жизни, развитие навыков самопомощи.

Касаясь вопросов психотерапии пожилых пациентов с депрессивными расстройствами, необходимо отметить как общие факторы, отмеченные некоторыми исследователями, влияющие на эффективность терапии (связанные с процессом психотерапии, особенностями пациентов и личностью психотерапевта) [17], так и определенные особенности работы с пожилым контингентом. Несмотря на попытку структурировать терапевтические сессии по определенным стадиям (этапам) ПРГ, главным показателем эффективности психотерапии было состояние пациента, которое зависело от многих факторов. Для пациентов позднего возраста характерны быстрая утомляемость, замедление психической деятельности, усиление ригидности, снижение яркости и образности восприятий, обидчивость и эгоцентризм. У личностей с психастеническими чертами, составляющих значительную часть выборки (31,7%), в условиях психотравмы отмечались тревожные реакции с преобладанием тревожных сомнений, размышлений, навязчивых воспоминаний об умершем человеке, с формированием чувства вины перед ним. Имеющиеся когнитивные нарушения часто не позволяли пациентам «переработать» утрату, что также снижало эффективность психотерапии. Отягощенность пациентов соматической, цереброваскулярной патологией оказывала определенное влияние на частоту и длительность психотерапевтических сессий, требовала более щадящего режима их проведения для создания максимально комфортных условий для пациентов. Заключительные психотерапевтические сессии проводились с учетом социального положения пациентов (одинокое проживание, наличие поддержки близких). Отмеченные факторы требовали от врача терпения и

дополнительных психоэмоциональных затрат, повышали риск развития синдрома «эмоционального выгорания». При этом более быстрый контакт и доверительные отношения устанавливались у пожилых пациентов с психотерапевтом среднего возраста, использующим недирективный стиль работы, имеющим определенный жизненный опыт.

Выводы

Таким образом, результаты исследования подтвердили необходимость комплексного подхода к лечению пожилых пациентов с депрессивными состояниями, ассоциированными с реакциями утраты — применения фармакотерапии и психотерапии. Предложен алгоритм последовательных психотерапевтических интервенций на разных этапах переживаний, связанных с утратой близких людей. Рекомендовано проведение психотерапии с учетом текущего психического состояния пациента, динамики психопатологической симптоматики, личностных особенностей пациента и сопутствующей соматической патологии. Показана необходимость гибкого подхода с использованием различных видов психотерапии без шаблонного применения определенных психотерапевтических техник и без строгого структурирования по временным этапам развития ПРГ. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение катамнестических сведений, анализа различных психотерапевтических подходов с возможным использованием групп сравнения с целью разработки персонифицированного подхода к терапии патологических реакций горя с учетом возрастных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбарина Е.Н., Макушкин Е.В., Лысков И.В., Чумакова О.В. Анализ эффективности существующих и направления разработки дополнительных мер по снижению смертности населения от самоубийств // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 75—76.
2. Баканова А.А. Психотерапия горя: история становления и текущая практика в зарубежных исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 23—41. DOI: 10.17759/cpp.2017250403
3. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2020. 448 с.
4. Волкан В., Зинтл Э. Жизнь после утраты: психология горевания. М.: Когито-Центр, 2019. 160 с.
5. Василюк Ф. Пережить горе // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 230—247.
6. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. СПб., 2002. 164 с.
7. Линдемэнн Э. Клиника острого горя // Психология эмоций / Под ред. В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 78—86.

8. *Лихи Р.* Свобода от тревоги. Справиться с тревогой, пока она не расправилась с тобой. СПб.: Питер, 2021. 368 с.
9. *Малкина-Пых И.Г.* Психология горя и утраты. М.: КноРус, 2021. 282 с.
10. *Моуди Р., Аркэнджел Д.* Жизнь после утраты. Как справиться с несчастьем и обрести надежду. М.: София, 2003. 288 с
11. *Савина М.А., Шешенин В.С., Абдуллина Е.Г.* Диагностика психических расстройств у пожилых: современные классификации // Психиатрия. 2020. № 18(1). С. 59—70. DOI: 10.30629/2618-6667-2020-18-1-59-70
12. *Сафарова Т.П., Гаврилова С.И., Яковлева О.Б., Шешенин В.С., Корнилов В.В., Шпилова Е.С.* Аугментация карнитинином терапии поздних депрессий // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 5. С. 65—75.
13. *Старшенбаум Г.В.* Психотерапия острого горя // Социальная и клиническая психиатрия. 1994. Т. 4. № 3. С. 73—77.
14. *Тухватулина Л.Ш.* Посттравматическое стрессовое расстройство и эндогенные аффективные заболевания (аспекты коморбидности) // Психиатрия. 2004. № 3. С. 15—25.
15. *Уманский С.В.* Тяжелая утрата и горе. Психологические и клинические аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://lifeyes.info/umanskij-tagelajautrata-i-gore/> (дата обращения: 15.01.2021).
16. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 174—186.
17. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Никитина И.В., Пуговкина О.Д.* Научные исследования процесса психотерапии и ее эффективности: современное состояние проблемы. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. 19. № 3. С. 92—100.
18. *Boelen P.A., Prigerson H.G.* Commentary on the inclusion of persistent complex bereavement-related disorder in DSM-5 // Death Studies. 2012. № 36(9). P. 771—774. DOI: 10.1080/07481187.2012.706982
19. *Clark A.* Working with grieving adults // Advances in Psychiatric Treatment. 2004. № 10. P. 164—170.
20. *Eisma M.C., Tamminga A., Smid G.E., Boelen P.A.* Acute grief after deaths due to COVID-19, natural causes and unnatural causes: An empirical comparison // J Affect Disord. 2021. № 278. P. 54—56. DOI: 10.1016/j.jad.2020.09.049
21. *Folstein M.F., Folstein S. E., McHugh P. R.* Mini-mental state // Journal of Psychiatric Research. 1975. Vol. 12 (3). P. 189—198. DOI: 10.1016/0022-3956(75)90026-6
22. *Hamilton M.* A rating scale for depression // J. Neural. Neurosurg. Psychiatry. 1960. № 23. P. 56—62. DOI: 10.1007/springerreference_184614
23. *Harris D. L., Winokuer H. R.* When Grief Goes Awry: Identifying Complicated Grief and the Need for Professional Intervention // Book Principles and Practice of Grief Counseling, 3rd Edition. 2019. P. 165—166. DOI: 10.1891/9780826173331.0010
24. *Igiewicz A., Shear M.K., Reynolds C.F., et al.* Complicated grief therapy for clinicians: An evidence-based protocol for mental health practice // J. Depression and Anxiety. 2020. Vol. 37 (1). P. 90—98.
25. *Igiewicz A., Zisook S.* Grief, Complicated Grief, and Bereavement-Related Depression // Psychiatric Care of the Medical Patient. 2015. P. 611—619. DOI: 10.1093/med/9780199731855.003.0029

26. Lund P.C. Deconstructing grief: a sociological analysis of Prolonged Grief Disorder. *Soc Theory Health*. 2021. № 19. P. 186—200. DOI: 10.1057/s41285-020-00135-z
27. Maccallum F., Bryant R.A. Symptoms of prolonged grief and posttraumatic stress following loss: A latent class analysis // *Aust N Z J Psychiatry*. 2018. DOI: 10.1177/0004867418768429
28. Prigerson H.G., Maciejewski P.K. Rebuilding Consensus on Valid Criteria for Disordered Grief // *JAMA Psychiatry*. 2017. Vol. 74(5). P. 435. doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2017.0293
29. Shear M.K., Simon N., Wall M., Zisook S. Complicated grief and related bereavement issues for DSM-5 // *Depression and anxiety*. 2011. № 28(2). P. 103—117. DOI: 10.1002/da.20780
30. Sheila A.M. Rauch, Naomi M. Simon, Barbara O. Rothbaum, Rising Tide: Responding to the Mental Health Impact of the COVID-19 // *Pandemic*. 2021. № 19(2). P. 243—246. DOI: 10.1176/appi.focus.19204

REFERENCES

1. Bajbarina E.N., Makushkin E.V., Lysikov I.V., Chumakova O.V. Analiz jeffektivnosti sushhestvujushhih i napravlenija razrabotki dopolnitel'nyh mer po snizheniju smernosti naselenija ot samoubijstv [Analysis of the effectiveness of existing and directions for the development of additional measures to reduce mortality from suicide]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Psychiatric Journal]*, 2017, № 1, pp. 75—76.
2. Bakanova A.A. Psihoterapija gorja: istorija stanovlenija i tekushhaja praktika v zarubezhnyh issledovanijah [Psychotherapy of grief: the history of formation and current practice in foreign studies]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2017, Vol. 25, no. 4, pp. 23—41. DOI: 10.17759/cpp.2017250403
3. Bek A., Frimen A. Kognitivnaja psihoterapija rasstrojstv lichnosti [Cognitive psychotherapy for personality disorders]. Saint Petersburg: Piter, 2020, p. 448.
4. Vamik Völkán, Jelizabet Zintl. Zhizn' posle utraty: psihologija gorevanija [Life After Loss: Psychology of Mourning]. Moscow: Kogito-Centr, 2019, p. 160.
5. Vasiljuk F. Perezhit' gore [To survive grief]. In Frolova I.T. (ed) *O chelovecheskom v cheloveke [On the human in man]*. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 230—247.
6. Gnezdilov A.V. Psihologija i psihoterapija poter' [Psychology and psychotherapy of losses]. Saint Petersburg, 2002, p. 164.
7. Lindemann Je. Klinika ostrogo gorja [Clinic of acute grief]. In Viljunasa V.K., Gippenrejtser J.B. [eds]. *Psihologija jemocij [Psychology of emotions]*. Moscow: Izdvo Mosk. un-ta, 1984, pp. 78—86.
8. Lihi R. Svoboda ot trevogi. Spravit'sja s trevogoj, poka ona ne raspravilas' s tobom. [Freedom from anxiety. Deal with the anxiety before it deals with you]. Saint Petersburg: Piter, 2021, 368 p.
9. Malkina-Pyh I.G. Psihologija gorja i utraty. [The psychology of grief and loss]. Moscow: KnoRus, 2021, 282 p.
10. Moudi R., Arkjendzhel D. Zhizn' posle utraty. Kak spravit'sja s neschast'em i obresti nadezhdu [Life after loss. How to deal with adversity and find hope]. Moscow: Sofija, 2003, 288 p.

11. Savina M.A., Sheshenin V.S., Abdullina E.G. Diagnostika psichicheskikh rasstrojstv u pozhiyh: sovremennye klassifikacii [Diagnosis of mental disorders in the elderly: modern classifications]. *Psichiatrija [Journal of Psychiatry]*, 2020, Vol. 18, no. 1, pp. 59—70. DOI: 10.30629/2618-6667-2020-18-1-59-70
12. Safarova T.P., Gavrilova S.I., Jakovleva O.B., Sheshenin V.S., Kornilov V.V., Shipilova E.S. Augmentacija karnicetinom terapii pozdnih depressij [Augmentation with carnitine therapy of late depression]. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii im. C.C. Korsakova [Journal of Neurology and Psychiatry named after I. C.C. Korsakov]*, 2019, vol. 119, no. 5, p.65—75.
13. Starshenbaum G.V. Psihoterapija ostrogo gorja [Psychotherapy of acute grief]. *Social'naja i klinicheskaja psichiatrija [Social and clinical psychiatry]*, 1994, vol. 4, no. 3, pp. 73—77.
14. Tuhvatulina L.Sh. Posttravmaticheskoe stressovoe rasstrojstvo i jendogennye affektivnye zabolevanija (aspekty komorbidnosti) [Post-traumatic stress disorder and endogenous affective diseases (aspects of comorbidity)]. *Psichiatrija [Psychiatry]*, 2004, no. 3, pp. 15—25.
15. Umanskij S.V. Tjazhelaja utrata i gore. Psihologicheskie i klinicheskie aspekty, [Bereavement and grief. Psychological and clinical aspects]. URL: <http://lifeyes.info/umanskij-tagelaja-utrata-i-gore/> (Accessed 15.01.2020)
16. Frejd Z. Pechal' i melanholiya [Sadness and melancholy]. In Vilyunas V.C., Gippenreiter Yu.B. (eds.) *Psihologija jemocij [Psychology of emotions]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, pp. 174—186.
17. Holmogorova A.B., Garanjan N.G., Nikitina I.V., Pugovkina O.D. Nauchnye issledovanija processa psihoterapii i ee jeffektivnosti: sovremennoe sostojanie problemy. Chast' 1 [Scientific research of the process of psychotherapy and its effectiveness: the current state of the problem. Part 1]. *Social'naja i klinicheskaja psichiatrija [Social and Clinical Psychiatry]*, 2009, vol. 19, no. 3, p.92—100.
18. Boelen P.A., Prigerson H.G. Commentary on the inclusion of persistent complex bereavement-related disorder in DSM-5. *Death Studies*, 2012, № 36 (9), pp. 771—774. DOI: 10.1080/07481187.2012.706982
19. Clark A. Working with grieving adults. *Advances in Psychiatric Treatment*, 2004, vol. 10. DOI:10.1192/apt.10.3.164
20. Eisma M.C., Tamminga A., Smid G.E., Boelen P.A. Acute grief after deaths due to COVID-19, natural causes and unnatural causes: An empirical comparison. *J. Affect Disord*, 2021, № 278, pp. 54—56. DOI: 10.1016/j.jad.2020.09.049
21. Folstein M.F., Folstein S.E., McHugh P.R. "Mini-mental state". *Journal of Psychiatric Research*, 1975, № 12(3), pp. 189—198. DOI: 10.1016/0022-3956(75)90026-6
22. Hamilton M. A rating scale for depression. *J. Neural. Neurosurg. Psychiatry*, 1960, no. 23, pp. 56—62. DOI: 10.1007/springerreference_184614
23. Harris D. L., Winokuer H. R. When Grief Goes Awry: Identifying Complicated Grief and the Need for Professional Intervention Book Principles and Practice of Grief Counseling, 2019, pp. 165—166. DOI: 10.1891/9780826173331.0010
24. Iglewicz A., Shear M.K., Reynolds C.F., et al. Complicated grief therapy for clinicians: An evidence-based protocol for mental health practice. *J. Depression and Anxiety*, 2020, vol. 37, no. 1, pp. 90—98. DOI: 10.1002/da.22965

25. Iglewicz A., Zisook S. Grief, Complicated Grief and Bereavement-Related Depression. *Psychiatric Care of the Medical Patient*, 2015, pp. 611–619. DOI: 10.1093/med/9780199731855.003.0029
26. Lund P.C. Deconstructing grief: a sociological analysis of Prolonged Grief Disorder. *Soc Theory Health*, 2021, pp. 186–200. DOI: 10.1057/s41285-020-00135-z
27. Maccallum F., Bryant R.A. Symptoms of prolonged grief and posttraumatic stress following loss: A latent class analysis. *Psychiatry*, 2018. DOI: 10.1177/0004867418768429
28. Prigerson H.G., Maciejewski P.K. Rebuilding Consensus on Valid Criteria for Disordered Grief. *JAMA Psychiatry*, 2017, № 74 (5), p. 435. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2017.0293
29. Shear M.K., Simon N., Wall M., Zisook S. Complicated grief and related bereavement issues for DSM-5. *Depression and anxiety*, 2011, № 28 (2), pp. 103–117. DOI: 10.1002/da.20780
30. Sheila A.M., Rauch, Simon N. M., Rothbaum B. O. Rising Tide: Responding to the Mental Health Impact of the COVID-19. *Pandemic, FOCUS*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 243–246. DOI: 10.1176/appi.focus.19204

Информация об авторах

Корнилов Владимир Владимирович, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела гериатрической психиатрии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3562-8976>, e-mail: kornilov-74@mail.ru

Шешенин Владимир Сергеевич, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник отдела гериатрической психиатрии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3992-115X>, e-mail: vlash2003@mail.ru

Малкина Наталья Алексеевна, кандидат медицинских наук, врач психотерапевт, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ «НЦПЗ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1071-319X>, e-mail: natmal@inbox.ru

Information about the authors

Vladimir V. Kornilov, MD, PhD, Senior Researcher, FSBSI «The Mental Health Research Centre», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3562-8976>, e-mail: kornilov-74@mail.ru

Vladimir S. Sheshenin, MD, PhD, Leading Research Associate, FSBSI «The Mental Health Research Centre», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3992-115X>, e-mail: vlash2003@mail.ru

Natalia A. Malkina, MD, PhD, psychotherapist, FSBSI «The Mental Health Research Centre», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1071-319X>, e-mail: natmal@inbox.ru

Получена 15.06.2021

Received 15.06.2021

Принята в печать 22.09.2021

Accepted 22.09.2021

МЕЖДУ ГОРЕМ И ГОРДОСТЬЮ: ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

А.М. РИКЕЛЬ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г.Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>,
e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Н.В. ФЕДОРОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г.Москва, Российская Федерация,
e-mail: fedorova731@mail.ru

И.Б. БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г.Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,
e-mail: innabovina@yandex.ru

Категории поколения и эмоциональных реакций в рамках коллективной памяти рассматриваются как центральные в русле излагаемого здесь исследования. Предполагается, что исторические события ассоциируются с теми или иными эмоциональными переживаниями, а коллективная память сохраняет крайне положительные или крайне отрицательные из них. Исследование проводилось с помощью визуальных методов, в которых испытуемым предлагалось оценить

свои чувства при взгляде на фотографии различных войн XX века. Делаются выводы о наиболее выраженном чувстве страха у всех поколений россиян при оценке различных образов войны; отсутствии различий в восприятии Второй мировой войны у четырех поколений россиян ($N = 589$ человек) по всем эмоциональным реакциям, за исключением переживания гордости за результаты войны. Отдельно описывается так называемое поколение «Игрек», испытывающее наименее яркую эмоциональную реакцию, в том числе в части чувства эмпатии.

Ключевые слова: поколение, коллективная память, эмоции, визуальные методы, война, Вторая мировая война.

Для цитаты: Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б. Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 127—143. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>

BETWEEN GRIEF AND PRIDE: VISUAL METHODS FOR THE STUDY OF INTERGENERATIONAL FEATURES OF EMOTIONAL EXPERIENCES AND COLLECTIVE MEMORY OF THE WAR

ALEXANDER M. RIKEL

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>,
e-mail: a.m.rikel@gmail.com

NATALIA V. FEDOROVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: fedorova731@mail.ru

INNA B. BOVINA

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,
e-mail: innabovina@yandex.ru

The category of generation and emotional reactions within the framework of collective memory are considered as central categories within the framework of the research presented here. It is assumed that historical events are associated with certain emotional experiences, and the collective memory retains extremely positive or extremely negative ones. The study was conducted using visual methods, in which the subjects were asked to assess their feelings and emotions when looking at pho-

tographs of various wars of the XX century. Conclusions are drawn about the most pronounced feeling of fear among all generations of Russians when assessing various images of war; the absence of differences in the perception of the Second World War among four generations of Russians (N = 589 people) in all emotional reactions, except for the experience of pride in the results of the war. Separately, the so-called “Y” generation is described, experiencing the least vivid emotional reaction, including in terms of feelings of empathy.

Keywords: generation, collective memory, emotions, visual research methods, war, WWII.

For citation: Rikel A.M., Fedorova N.V., Bovina I.B. Between Grief and Pride: Visual Methods for the Study of Intergenerational Features of Emotional Experiences and Collective Memory of the War. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 127—143. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>

Введение

Поколение понимается в рамках данного исследования в его социально-психологическом значении. Данная трактовка противостоит биологическому, генеалогическому, психогенетическому или демографическому пониманию и восходит к классическому понятию К. Маннгейма, который определял *поколение* с помощью совместно пережитого в чувствительном периоде опыта, позднее трансформирующегося в коллективно схожие реакции на основании сформированных ценностей [33]. Данная трактовка включает в себя исторический, социологический, культурологический и, как результат, социально-психологический подход к пониманию поколения [11; 18; 19; 22; 25]. В то же время, несмотря на приписываемые поколенческим группам различия, терминологические рамки самого поколения остаются размыты, концептуальные границы в различных классификациях условны, а методы исследования системообразующих факторов данной большой социальной группы не всегда объективны [17; 19; 39].

С опорой на выделенный выше социально-психологический критерий рассматриваются различные классификации поколений по факту значимых общественно-исторических и культурно-технологических событий, произошедших в период активной социализации представителей поколений. В рамках описываемого здесь исследования в качестве базовой классификации выступила типология Н. Хоува и У. Штраусса [19], которая, являясь изначально научно-популярной, едва ли может быть эталоном научной операционализации, однако она прочно вошла в мировую научную традицию исследования как наиболее используемая [31].

Если представители одного поколения становятся свидетелями значимого исторического события, то коллективная память и эмоциональ-

ные реакции на такие события могут быть рассмотрены как важнейшие конструкты, объединяющие поколения [2; 15]. Групповая по своей природе память передается из поколения в поколение посредством неформальной коммуникации с родственниками и близкими, с помощью коммеморативных мероприятий и институционального нарратива, под влиянием СМК и пр. [36].

Коллективная память дает возможность ее носителю идентифицировать себя с группой, поддерживать социальную идентичность, помогает группе осознать свое единство и своеобразие, определить групповые ценности, нормы и поведение [2; 36]. При этом содержанием коллективной памяти становятся только значимые события, актуальные в рамках совместного общения, что делает ее важной для поколенческого дискурса [8].

Исследования коллективной памяти часто проводят с использованием межпоколенческих срезов эмоционально значимых событий [8; 23; 28; 29; 38], которые можно считать важными для общества, если в их результате эмоциональные коллективные переживания могут охватывать целые этнические и национальные группы [28]. Такими событиями могут быть революции, смены общественного строя, массовые миграции, экономические кризисы, войны и пр. Не все войны, однако, оставляют сходные следы и эмоциональные реакции. Например, если Вторую мировую войну или войну во Вьетнаме американские респонденты хорошо помнят, то войну в Корее — забыли [36].

В контексте данного исследования важно исследовать факт эмоционального воздействия не только на непосредственных участников событий, но и на представителей последующих поколений (например, переживание чувства вины у последующего поколения, передача представлений о прошедших конфликтах и войнах, вопросы идентификации с воевавшим поколением и пр.) [6].

То, что М. Хальбвакс понимал под коллективной памятью, содержание совпадает с социальными представлениями о прошлом [32; 34]. При этом актуализация этих представлений и воспоминаний осуществляется, в том числе, с помощью различных символов, т. е. коллективная память по своей природе символична [21].

Усиливают данный эффект межпоколенческие различия в способах обработки информации. Так, очевидная доминанта визуальной культуры, подразумевающая преобладание в культурном пространстве зрительных образов над текстовыми, давно стала общим местом в трудах культурологов [5; 16; 24; 27]. Фотографии и видеоматериалы перестают играть лишь сопровождающую функцию в познании окружающего мира, но все больше становятся сами по себе источником как информации, так и вызывающих их чувств и переживаний. Этому, бесспорно, способствует развитие цифровых технологий, новых медиа, а также по-

пуляризация среды городских культурных артефактов (наружная реклама, городской дизайн, стрит-арт и пр.) [12]; обучающие программы также начинают опираться на образы (инфографики, презентации, мемы и иные графические принципы) [1; 14; 30]. В условиях усиления роли визуальных образов и презентаций в образовательном процессе повышается значимость их использования при формировании эмоциональной составляющей коллективной памяти о войнах [24].

В описываемом здесь исследовании предпринимается попытка изучения не того, как широко известные и распространенные символические визуальные образы формируют коллективную память (это традиционный способ изучения, представленный в литературе) [26; 36], а, скорее, наоборот, — какую эмоциональную реакцию вызывают визуальные образы в уже сформированной коллективной памяти.

Войны являются примерами одновременно травмирующих и героических событий, отраженных в коллективной памяти и вследствие этого глубоко в ней укорененных [9; 10; 24; 29; 38]. Символизация такого события, как война, может происходить в произведениях художественной культуры, медиа-пространстве, а также в рамках урбанистической меморизации (памятники, монументы и пр.). Так, места памяти служат «точками опоры» для консолидации информации о прошлом, препятствования появлению ее «разрывов» [15]. В этом контексте любопытно различать меморизацию героических и негероических военных конфликтов (например, Великую отечественную и Афганскую войны). Точно так же сложность отношения россиян к событиям Первой мировой войны может быть сопоставлена с аналогичной неоднозначностью отношения немцев к событиям Второй мировой войны: негероическое прошлое, связанное у представителей двух наций с этими событиями, заставляет потомков отказываться от меморизации данных событий, способствует вытеснению символов данных войн из коллективной памяти [36].

Ранее было выявлено, что Великая отечественная война должна нести менее негативный эмоциональный характер в силу ярких героических чувств, связанных с ней, которые в отличие от тех же Первой мировой или Афганской войны, были вызваны достигнутой победой и ощущением собственной правоты у ее участников [10]. При этом саму роль Великой отечественной войны в восприятии современных россиян сложно переоценить: в недавнем исследовании упоминания о Великой отечественной войне заняли лидирующие позиции в ядре социальных представлений при воспоминаниях о «событиях в России в XX веке», о которых в том числе «надлежит знать и помнить детям» [4]. Показательно, что именно упоминания о ВОВ в данном исследовании объединяли различные поколенческие группы, представители каждой из которых

ощущали «гордость» за результаты этой войны. Подобные результаты соответствуют укоренившимся представлениям о победоносных военных операциях в США и других странах [40].

В предыдущих исследованиях, что уже отмечалось выше, как правило, в фокусе внимания оказываются содержательные аспекты исторических событий [36], это справедливо и в случае изучения памяти о войне [3; 32; 36]. В меньшей степени внимания исследователей уделялось эмоциональному измерению представлений о войне [35], которое и окажется в фокусе внимания в данном исследовании.

Методы и процедура исследования

Проблемой является недостаточность изучения лишь когнитивных аспектов (воспоминаний, представлений) при анализе коллективной памяти о войнах XX века в контексте эмоциональной составляющей коллективной памяти. Известно, что коллективная память сохраняет крайне положительные или крайне отрицательные эмоциональные переживания [41], и в качестве *гипотезы* данного исследования выступило предположение о том, что Великая отечественная война, затронувшая большое количество семей современных россиян, будет вызывать более значительную «положительную» и «отрицательную» эмоциональную реакцию, чем другие войны, что соотносится с предыдущими зарубежными исследованиями [41].

Выборку исследования составили представители четырех поколений (589 человек): представители так называемого поколения Z (14—17 лет) — 67 человек, Y (18—32 года) — 326 человек, X (33—53 года) — 148 человек, ВВ (54—63 года) — 48 человек. Методом формирования выборки послужил «снежный ком», выборка не выровнена по возрасту, но выровнена по полу (58% женщины, 42% мужчины), образованию (43% высшее, 38% — иной уровень образования), а также по регионам проживания в России.

Проективная методика, использованная в данном исследовании, принадлежит к группе визуальных методов, которые предполагают изучение не только реальности, представленной на изображении (фотографии), но и особенностей образа этой реальности, конструируемой наблюдателем (респондентом) [37], поскольку изображения выступают своеобразным триггером для инициации чувств и переживаний респондентов [13].

Исследование проходило в два *этапа*. На *первом этапе* было необходимо оценить, насколько зрительные стимулы прототипичны для определенного исторического события (войны). В качестве стимульного материала были выбраны фотографии трех войн, в которых участвовала

Россия на протяжении XX века: Первая мировая война (ПМВ), Великая отечественная война (ВОВ), Чеченская война (ЧВ). Афганская война не была выбрана из-за специфических условий ландшафта, принципиально отличающихся от двух других войн.

Зрительные стимулы представляли собой черно-белые фотографии, отобранные по двум критериям: (1) историческое событие (ПМВ, ВОВ или ЧВ); (2) эмоциональная реакция, которую предположительно должна была вызвать фотография: негативная (сражения, активные боевые действия) (далее — «-»), нейтральная (фронтовые фотографии, жизнь солдат вне боя) (далее — «0»), позитивная (какие-то радостные события, досуг, развлечения и отдых на фронте) (далее — «+»). Фотографии были отобраны по наличию солдат мужского пола, отсутствию женщин и детей, животных. Экспертам (23 специалистам с высшим историческим образованием) предложили оценить 46 фотографий в случайном порядке. Им необходимо было в свободной форме написать, к какому временному периоду относится каждая фотография и оценить степень уверенности в своем ответе. На основании их оценок было выбрано 10 зрительных стимулов («+», «-» и «0» — фото ПМВ, ВОВ и ЧВ) с наивысшим коэффициентом согласованности ответов (не менее 73,9% согласованности).

На *втором этапе* исследования респондентам предлагалось в свободной форме оценить отобранные ранее зрительные стимулы (фотографии), причем им не сообщалось, к какому временному периоду они относились. В качестве инструкции выступал следующий текст: «Посмотрите, пожалуйста, на фотографию ниже. Какие чувства она у Вас вызывает?...». Главной целью здесь стала рефлексия своих эмоций, которая на уровне коллективной памяти, связанной с той или иной исторической символикой, в свою очередь позволяла исследователям при интерпретации связать это с конкретной войной.

Для *обработки* результатов использовалась программа для первичного текста, которая подготавливала ответы респондентов, приводя словоформы к каноническому виду путем отбрасывания окончаний (первичный автоматизированный контент-анализ). Далее из полученных словоформ выделялись слова, указывающие на чувства и эмоции, которые уже после этого стали основой для ручного контент-анализа текста (в соответствии с целями исследования). Надежность категоризации проверялась экспертной оценкой (коэффициент надежности «Пи», критерий Скотта = 0,9). Далее был предпринят частотный анализ. Для проверки значимости различий между выраженностью тех или иных чувств о войне у конкретных поколений и для сравнения данных по ВОВ и по другим войнам в рамках выборки использовался критерий Манна—Уитни (программа SPSS).

Результаты

Разработанная категориальная сетка включала следующие категории, описывающие эмоциональные переживания: А. *Негативные эмоциональные переживания* (например, ненависть, отвращение, ярость, горе, печаль, боль); А1. *Проявления страха* (например, страх, тревога, ужас); Б. *Позитивные эмоциональные переживания* (например, воодушевление, уверенность; надежда); Б1. *Проявления гордости* (например, гордость, трепет); Б2. *Проявления эмпатии, сопереживания другим, признательности*; В. *Атрибуция и описание эмоций и чувств бойцов*; Г. *Нейтральные эмоциональные переживания* (например, безразличие, апатия); Д. *Иные эмоции*.

На рис.1 показана представленность выделенных категорий в ответах респондентов разных поколений безотносительно к конкретным войнам XX века. Для анализа различий между выделенными категориями был использован однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и критерий Манна—Уитни для независимых выборок. Наиболее выраженной представленной эмоцией является «Страх», он же получает наиболее значимые различия между поколенческими группами. У так называемого поколения «Х» эмоции менее выражены, чем у остальных поколений ($p = 0,01$). Выраженность «Эмпатии» уменьшается при уменьшении возраста поколения, а «Гордость», напротив, увеличивается. В целом, чувства и эмоции оказываются значимо чаще представлены у поколения «Y», чем у поколения «X» ($p = 0,033$).

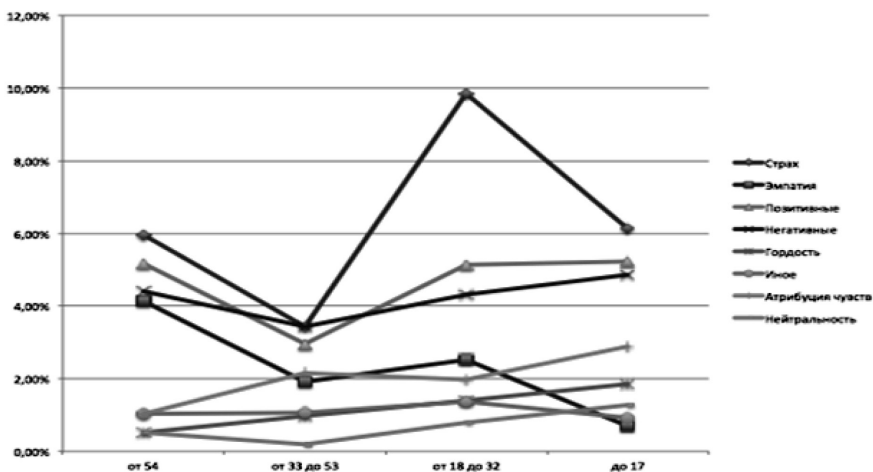

Рис. 1. Представленность категорий ответов в четырех поколениях (%)

В табл. 1 представлено сравнение исследованных войн с точки зрения использования словоформ, описывающих эмоциональные переживания.

Таблица 1
Представленность эмоциональных переживаний в описании трех войн (%)

Категории эмоциональных переживаний	ПМВ	ВОВ	ЧВ
Атрибуция чувств	6,21	8,98	9,93
Гордость	4,24	21,27	6,96
Негативные переживания	25,52	17,21	26,57
Нейтральные переживания	7,98	2,33	4,24
Позитивные переживания	24,14	16,61	5,60
Страх	14,58	22,08	30,31
Эмпатия	10,74	7,58	11,63
Иное	6,60	3,95	4,75

Статистический анализ с использованием критерия Манна—Уитни показал, что количество категорий, описывающих чувства в целом, в частности — чувства гордости, выше при описании ВОВ, чем при описании других войн ($p = 0,01$). ПМВ превалирует в категории «Нейтральное», что может говорить о некой отстраненности респондентов от этих событий, что уменьшает количество ярких чувств и эмоций. В пользу этого предположения говорит наименьшая выраженность категории «Страх». Категория «Эмпатия» выражена одинаково во всех трех случаях (статистически значимые различия между группами отсутствуют). При описании ЧВ, в отличие от ПМВ и ВОВ, наименее выражены позитивные чувства, наиболее выражена категория «Страх».

Обсуждение результатов и выводы

1. Наиболее выраженным чувством, возникающим при описании войны, у всех поколений является страх, что кажется естественным, как в самой логике войны, так и в сложившейся актуальной геополитической обстановке. ЧВ происходила именно в этап активной социализации поколения «Y», в то же время война в Афганистане происходила не на территории СССР и коснулась по большей части непосредственных участников войны и их близких. Возможно, для поколения 32—54-летних война не является событием, вызывающим столь бурную эмоциональную реакцию, потому что в период их юности не происходило никаких серьезных вооруженных конфликтов. В рамках другой интерпретации коллективная память передается из поколения в поколе-

ние, и практически все родители и родственники респондентов старше 54 лет (для тех, кто не был непосредственным свидетелем ВОВ) были ее участниками. То есть коллективная память была передана этому поколению от непосредственных участников событий, что говорит о том, что ВОВ может вызывать у них сильные чувства.

2. В то же время в целом более низкая «Эмпатия» у молодого поколения соотносится с полученными в предыдущих исследованиях данными о преобладании стратегии конкуренции над кооперацией в межличностных отношениях у «игреков» [20], что также можно объяснить условиями их социализации в полноценной рыночной конкурентной среде. Этот показатель может быть интересен для дальнейших исследований в контексте психотерапевтической практики: распространяется ли данный вывод только на отношение к войне или в целом на жизненную стратегию данного поколения.

3. Сравнение ВОВ с другими войнами показывает два интересных результата. ВОВ вызывает чувство гордости у всех поколений. Преобладание гордости, связанной с ВОВ, вполне логично: ее итогом стала победа страны, в то время как ПМВ не закончилась для Российской Империи победой, а итоги ЧВ в общественном мнении не так однозначны, что вполне логично, в контексте предыдущих исследований [28; 40]. Это соотносится с выводами исследователей, называющих «слепым пятном памяти» уход непобедных сторон войн в «подсознание» общества [7].

4. Другой, не вполне ожидаемый результат, отчасти противоречащий изначальной гипотезе исследования, показывает, что ВОВ не вызывает более ярких негативных эмоций для исследуемой выборки, так как ее восприятие с точки зрения предстательности отрицательных эмоций не отличается от восприятия других войн. Логичной версией объяснения этого факта может стать естественность преобладания отрицательных эмоций при наблюдении изображений войны. В то же время наиболее логичной для авторов исследования моделью интерпретации (которая не противоречит описанным выше схемам) является та, согласно которой у российского населения, активно испытывающего гордость (т. е. положительные эмоции) за результаты ВОВ, в то же время не происходит дифференциации данной войны в части восприятия ее негативной составляющей. Государственная информационная политика логичным образом не нацелена на воздействие на чувства в этой части эмоционального спектра, что делает вполне логичным «уравнивание» чувства горя от ВОВ с другими войнами. В целом, восприятие войны в контексте «праздника со слезами на глазах», (т. е. своеобразная амбивалентность в оценке этих событий), должно быть учтено в части анализа консультативной практики не только у участников военных действий, но и у представителей последующих по-

колений, переживающих те или иные эмоциональные реакции в связи с прошедшими войнами.

5. Можно предположить, что описанный выше «уход» эмоций от непобедоносных войн в коллективное бессознательное может стать некоторым, на первый взгляд, незаметным, но в отдельных случаях весомым фактором при индивидуальной и групповой психотерапевтической практике в тех случаях, когда может идти речь о личной биографической отнесенности событий упомянутых в данном исследовании войн. Одним из способов подтверждения субъективной значимости для клиента в процессе терапевтической работы описываемых военных событий могут выступить примененные в данном исследовании визуальные методы, которые помимо своей исследовательской функции могут играть роль стимульного материала для проективной методики.

Некоторые ограничения исследования

1. Полученные результаты могут быть проинтерпретированы и в контексте возрастных, а не поколенческих различий. Данное альтернативное объяснение никогда нельзя полностью исключать, если не проводить дополнительных замеров идентификации с поколением или APC—когортного анализа [19], однако в контексте полученных нами данных поколенческий контекст интерпретации рассматривается нами как наиболее уместный. Так, конфигурация ответов внутри групп, соответствующих поколению, скорее говорит в пользу нашей интерпретации, т. е. скорее социального и культурного, а не возрастного фактора.

2. Не представляется возможным полностью исключить фактор эмоциональной реакции на конкретное изображение на фотографиях, а не на репрезентируемые на них военные действия, хотя значимость данного ограничения может быть отчасти снижена за счет того, что (а) экспертный этап нашего исследования помог отделить фотографии по временной отнесенности к тому или иному конкретному военному периоду и (б) последующая статистическая обработка позволила отследить различия в отношении к фотографиям разных войн с одинаковой эмоциональной валентностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин А.Н., Грекова А.А.* «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. 2018. № 66. С. 137—151.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.
3. *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 11—22.

4. Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11. С. 76—82.
5. Беззубова О.В. Визуальная культура и визуальный поворот в культуральных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 75—79.
6. Болебер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya...> (дата обращения: 15.07.2017).
7. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
8. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
9. Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123—129.
10. Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Ознаменованье Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220—229.
11. Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000—2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
12. Мальковская И. А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. №4. С. 45—49.
13. Мельникова О.Т., Мезенцева А.С. Визуальные методы в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. №3. С. 42—52. DOI:10.17759/sps.2018090305
14. Нечаев В.Д., Дурнева А.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2018. № 1. С. 36—45.
15. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 48—72.
16. Павлова Е.Г. Визуальный образ в медиапространстве и современность // Социология. 2015. № 3. С. 108—114.
17. Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2. С. 78—82.
18. Пищик В.И. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / Под ред. Л.И. Рюминой. М.: КРЕДО. 2015. С. 20—30.
19. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9—18. DOI:10.17759/sps.2019100202

20. *Рикель А.М., Тычина М.И.* Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.06.2020).
21. *Рикёр, П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с. 22.
22. *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213—237.
23. *Семилет Н.В.* Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transgeneratsii-kollektivnoy-travmy-sposoby-istseleniya> (дата обращения: 07.06.2020).
24. *Gartner S.S , Gelpi C.F.* The Affect and Effect of Images of War on Individual Opinion and Emotions // International Interactions. 2016. Vol. 42. P. 172—188. DOI: 10.1080/03050629.2015.1051620
25. *Gilleard C., Higgs P.* Contexts of Ageing: Class, cohort and community, Cambridge: Polity Press, 2005. 358 p.
26. *Haköngäs J. E., Sakki I. H.* Visualized Collective Memories: Social Representations of History in Images Found in Finnish History Textbooks // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2016. Vol. 26. P. 496—517. DOI:10.1002/casp.2276
27. *Harper D.* Talking about pictures: a case for photo elicitation. Visual Studies. Vol. 17. London: Routledge Publ., 2002. P. 13—26.
28. *Hirschberger G.* Collective Trauma and the Social Construction of Meaning // Frontiers in Psychology. 2018. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01441
29. *Holl T., Ross A.* Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations// Political Psychology. 2019. Vol. 40. DOI:10.1111/pops.12608
30. *Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G.* Netgeneration or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? // Computers and Education. 2010. Vol. 54. P. 722—732.
31. *Joshi A., Dencker J., Franz. G.* Generations in Organizations // Research in Organizational Behavior. 2011. Vol. 31. P. 177—205. DOI:10.1016/j.riob.2011.10.002
32. *Liu J.H., Hilton D.* How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44. P. 537—556.
33. *Mannheim K.* Essays on the sociology of knowledge. London: Routledge. 1997. 256 p.
34. *Moliner P., Bovina I.* Architectural Forms of Collective Memory // International Review of Social Psychology. 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
35. *Moliner P., Bovina P., Rikel A. Fedorova N.* Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie. [Электронный ресурс]. Adrips Online conference, 2020. URL: https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7f6c449895cdb8f672958fd5(дата обращения: 20.02.2021)
36. *Paez D.R., Liu J.H.-F.* Collective memory of conflicts. In: D. Bar-Tal (Ed.). Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective // Psychology Press. 2011. P. 105—124.

37. Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials. London: Sage, 2007. 240 p.
38. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. P. 359—381.
39. Twenge J.M., Campbell S.M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me — Commentary on Trzesniewski and Donnellan // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. P. 81—88.
40. Watkins H., Bastian B. Lest We Forget: The Effect of War Commemorations on Regret, Positive Moral Emotions, and Support for War // Social Psychological and Personality Science. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1177/1948550619829067
41. Zipris I., Pliskin R., Canetti D., Halperin E. Exposure to the 2014 Gaza War and Support for Militancy: The Role of Emotion Dysregulation // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45. DOI:10.1177/0146167218805988

REFERENCES

1. Alehin A.N., Grekova A.A. «Pseudopsihopatologicheskie» formy myshlenija v sovremennyh uslovijah [«Pseudopsychopathological» forms of thinking in modern conditions]. Vestnik psihoterapii [Bulletin of psychotherapy], 2018, pp. 137—151 (In Russ).
2. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [Long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. (In Russ).
3. Afanas'eva A.I., Merkushin V.I. Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskaj pamjati rossijan [The Great Patriotic War in the Historical Memory of Russians]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies], 2005. Vol. 8, pp 11—22 (In Russ).
4. Baranova V. A., Dontsov A. I. Kollektivnaja pamjat' o sobytijah v Rossii XX veka v sovremennom rossijskom obshhestve [Collective memory of events in Russia of the XX century in modern Russian society]. Chelovecheskij kapital [Human capital], 2017. Vol. 11, pp. 76—82 (In Russ).
5. Bezzubova O.V. Vizual'naja kul'tura i vizual'nyj povorot v kul'tural'nyh issledovanijah vtoroj poloviny XX veka [Visual culture and visual turn in cultural studies of the second half of the twentieth century]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012, pp. 75—79 (In Russ).
6. Boleber V. Vospominanie i istorizacija: transformacija individual'noj i kollektivnoj travmy i ee mezhpokolencheskaja peredacha [Recollection and historicization: transformation of individual and collective trauma and its intergenerational transmission]. Zhurnal praktičeskoj psihologii i psihoanaliza [Journal of practical psychology and psychoanalysis], 2010, no 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizacija-transformacija>. (Accessed: 15.07.2017) (In Russ).
7. Gudkov L.D. Negativnaja identičnost' [Negative identity]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. 816 p. (In Russ).
8. Emel'janova T.P. Kollektivnaja pamjat' o sobytijah otechestvennoj istorii: social'no-psihologičeskij podhod. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2019. 299 p. (In Russ).

9. Emel'janova T. P., Kuznetsova A. V. Znachimye figury rossijskoj istorii v kollektivnoj pamjati raznyh grupp obshhestva [Significant figures of Russian history in the collective memory of different groups of society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2013, no. 2, pp. 123—129. (In Russ).
10. Emel'janova T. P., Misharina A. V. Oznamenovanie Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne v vosprijatii razlicnyh social'nyh grupp [Commemoration of Victory in the Great Patriotic War in the perception of various social groups]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2014, no 4, pp. 220—229. (In Russ).
11. Levada Ju. A. Sochinenija: izbrannoe: sociologicheskie očerki, 2000—2005 [Works: selected: sociological essays, 2000—2005]. Moscow: Izdatel' Karpov E.V., 2011. 507 p. (In Russ).
12. Mal'kovskaja I. A. Vizual'naja kul'tura: problemy samoidentichnosti [Visual culture: problems of self-identity]. *Gumanitarnye nauki: teorija i metodologija [Humanities: theory and methodology]*, 2008, no. 4, pp. 45—49 (In Russ).
13. Mel'nikova O.T., Mezentseva A.S. Vizual'nye metody v social'no-psihologicheskom issledovanii [Visual methods in socio-psychological research]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 42—52. DOI:10.17759/sps.2018090305 (In Russ).
14. Nechaev V.D., Durneva A.E. «Cifrovoe pokolenie»: psihologo-pedagogicheskoe issledovanie problemy [“Digital generation”: psychological and pedagogical study of the problem]. *Pedagogika [Education]*, 2018, pp 36—45 (In Russ).
15. Nora P. Pokolenie kak mesto pamjati [Generation as a place of memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*, 1998, pp. 48—72 (In Russ).
16. Pavlova E.G. Vizual'nyj obraz v mediaprostranstve i sovremennost' [Visual image in the media space and modernity]. *Sociologija-Sociology*, 2015, pp. 108—114 (In Russ.).
17. Pishhik V.I. Preemstvennost' i izmenenie obshhkih chert pokolenij, soprjzhenykh s ih mental'nost'ju [Continuity and change in the general features of generations associated with their mentality]. In *Prikladnaja psihologija obshhenija i mezhlichnostnogo poznanija: kollektivnaja monografija [Applied psychology of communication and interpersonal knowledge: a collective monograph]* L.I. Rjumshinoj (ed.). Moscow: KREDO, 2015, pp. 20—30 (In Russ).
18. Postnikova M.I. Konceptual'naja model' mezhpokolennyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Conceptual model of intergenerational relations in modern Russian society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [World of science, culture, education]*, 2010, pp. 78—82 (In Russ).
19. Rikel' A.M. Pokolenie kak ob'ekt izuchenija social'noj psihologii: issledovanie na «svoem pole» ili na «nich'ej zemle»? [Generation as an object of study of social psychology: research in “home” or in “no one’s land”?]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]*, 2019. Vol. 10, pp. 9—18. DOI:10.17759/sps.2019100202 (In Russ).
20. Rikel' A.M., Tychinina M.I. Mezhpokolennye razlichija strategij mezhlichnostnyh otnoshenij [Intergenerational differences in strategies of interpersonal relations]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological studies]*, 2017. Vol. 10. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 15.06.2020) (In Russ).
21. Rikjor P. Pamjat', istorija, zabvenie [Memory, history, oblivio]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury. 2004. 728 p. (In Russ).

22. Semenova V.V. Sovremennye konceptual'nye i jempiricheskie podhody k ponjatiju «pokolenie» [Modern conceptual and empirical approaches to the concept of «generation»]. *Rossija reformirujushhasja: Ezhegodnik*. Pod red. L.M. Drobizhevoj [In: L.M.Drobizheva (ed.). Reforming Russia: Yearbook]. Moscow: Institut sociologii RAN. 2003, pp. 213—237 (In Russ).
23. Semilet N.V. Koncepcija transgeneracii kolektivnoj travmy: sposoby iselenija [The concept of transgeneration of collective trauma: methods of healing]. *Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri [Bulletin on Pedagogy and Psychology of South Siberia]*, 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transgeneratsii-kollektivnoj-travmy-sposoby-istseleniya> (Accessed: 07.06.2020).
24. Gartner S.S , Gelpi C.F. The Affect and Effect of Images of War on Individual Opinion and Emotions. *International Interactions*, 2016. Vol. 42. DOI: 10.1080/03050629.2015.1051620
25. Gilleard C., Higgs P. *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*. Cambridge: Polity Press. 2005. 358 p.
26. Hakoköngäs J. E., Sakki I. H. Visualized Collective Memories: Social Representations of History in Images Found in Finnish History Textbooks. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 26, pp. 496—517. DOI:10.1002/casp.2276
27. Harper D. *Talking about pictures: a case for photo elicitation*. *Visual Studies*. London: Routledge Publ, 2002. Vol. 17, pp. 13—26.
28. Hirschberger G. Collective Trauma and the Social Construction of Meaning. *Frontiers in Psychology*, 2018. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01441
29. Holl T., Ross A. Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40. DOI:10.1111/pops.12608
30. Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G. Netgeneration or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*, 2010. Vol. 54, pp. 722—732.
31. Joshi, A. Dencker, J. Franz. G. Generations in Organizations. *Research in Organizational Behavior*, 2011. Vol. 31, pp. 177—205. DOI:10.1016/j.riob.2011.10.002.
32. Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*, 2005. Vol.44, pp. 537—556.
33. Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge*. London: Routledge. 1997. 256 p.
34. Moliner P., Bovina, I. Architectural Forms of Collective Memory. *International Review of Social Psychology*, 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
35. Moliner P., Bovina P., Rikel A., Fedorova N. Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie. *Adrips Online meeting*, 2020. URL: https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7f6c449895cdb8f672958fd5(Accessed: 20.02.2021)
36. Paez D. R., Liu J. H.-F. Collective memory of conflicts. In D. Bar-Tal (ed.). *Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective*. Psychology Press, 2011, pp.105—124.
37. Rose G. *Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials*. London: Sage, 2007. 240 p.

38. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory. *American Sociological Review*, 1989. Vol. 54, pp. 359—381.
39. Twenge J. M., Campbell S. M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me — Commentary on Trzesniewski and Donnellan. *Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5, pp. 81—88.
40. Watkins H., Bastian B. Lest We Forget: The Effect of War Commemorations on Regret, Positive Moral Emotions, and Support for War. *Social Psychological and Personality Science*, 2019. Vol. 10. DOI: 10.1177/1948550619829067
41. Zipris I., Pliskin R., Canetti D., Halperin E. Exposure to the 2014 Gaza War and Support for Militancy: The Role of Emotion Dysregulation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45. DOI:10.1177/0146167218805988

Информация об авторах

Рикель Александр Маркович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Федорова Наталья Владимировна, выпускница факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: fedorova731@mail.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Alexander M. Rikel, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Nataly V. Fedorova, Graduated from Moscow State University, Moscow State University Moscow, Russia, e-mail: fedorova731@mail.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 05.12.2020

Received 05.12.2020

Принята в печать 01.09.2021

Accepted 01.09.2021

**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY**

**ЛИНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ РАЗРАБОТОК
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ
НА РАБОТУ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ
СЛУЧАЕМ**

Н.С. БУРЛАКОВА

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>,
e-mail: naburlakova@yandex.ru

В.И. ОЛЕШКЕВИЧ

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков
имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ (НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>,
e-mail: ov-6161@mail.ru

В статье представлен анализ линии исследований в отечественной культурно-исторической психологии (прежде всего клинической), опирающейся на изучение индивидуального (единичного) случая. Показано ее принципиальное отличие от других направлений и методологий изучения индивидуального случая. Хотя эта линия исходно опиралась на фундаментальные

идеи Л.С. Выготского, в российской психологии она осталась недостаточно отрефлексированной. На основе обращения к соответствующим текстам Л.С. Выготского поднимается вопрос о направлениях более фундаментальной рефлексии и дальнейшем исследовании идей Л.С. Выготского применительно к разработке индивидуального случая в культурно-исторической психологии. Показаны дальнейшие возможности развития этого подхода на основе разработки методологии Выготского—Бахтина в собственных исследованиях авторов статьи. На этой основе показывается значение интеграции объективной культурно-исторической психологии и феноменологии, герменевтики, диалогической психологии, развиваемых в русле культурно-исторической психологии Выготского—Бахтина. Данная линия исследований не только находит свое применение в решении общепсихологических задач, но и открывает новые возможности в целом ряде прикладных исследований на базе культурно-исторической методологии.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, клиническая психология, методология клинической психологии, прикладная психология, индивидуальный случай.

Для цитаты: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Линия методологических и прикладных разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем// Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 144—163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290409>

RUSSIAN CULTURAL-HISTORICAL CLINICAL PSYCHOLOGY AND ITS METHODOLOGICAL AND APPLIED INVENTIONS AIMED AT ANALYSIS OF INDIVIDUAL CASE

NATALIA S. BURLAKOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>,

e-mail: naburlakova@yandex.ru

VALERY I. OLESHKEVICH

Sukharev Scientific and Practical Centre for the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>,

e-mail: ov-6161@mail.ru

In the Russian cultural-historical psychology (in the clinical psychology, first of all), there was a bunch of studies based on the exploration of individual (singular) case. The article focuses on analysis of those studies and demonstrates principal difference of the approach used in them from other methodologies and approaches to the analysis of individual case. Russian perspective was originally based on the fundamental ideas of Lev S. Vygotsky; nevertheless, they were not sufficiently reflected in the Russian psychology. Examining Vygotsky's texts, the authors discuss more profound reflection and further development of Vygotsky's ideas as applied to the analysis of the individual case in the cultural-historical psychology. The article shows the possibilities to elaborate this approach on the basis of concepts by Lev Vygotsky and Mikhail Bakhtin and gives own studies of the authors as an example of such an elaboration. Furthermore, the article argues that the integration of objective cultural-historical psychology and phenomenology, hermeneutics, dialogical psychology would be of significance if developed in the direction of cultural-historical psychology of Vygotsky — Bakhtin. Such an approach allows to address general psychological issues and opens up new opportunities in certain applied studies in the field of cultural-historical psychology.

Keywords: cultural-historical psychology, clinical psychology, methodology of clinical psychology, applied psychology, individual case.

For citation: Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Russian Cultural-Historical Clinical Psychology and its Methodological and Applied Inventions Aimed at Analysis of Individual Case. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* = *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 144—163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290409>

Введение

В современной психологии на фоне широкого распространения различного рода частичных узко предметных и методологически разному ориентированных исследований, данные которых сложно соотносятся друг с другом и которые, как оказалось, трудно проверить и воспроизвести [42], все больше внимания начинает уделяться качественным исследованиям, которые традиционно обращаются в том числе к научному потенциалу индивидуального случая [10; 31], и шире к перспективам качественных исследований, вопросам методологии (-ий), на которой (-ых) они основываются [11; 17; 20]. Возможность прикоснуться к реальному психологическому опыту и исследовать его, которая подчеркивается в качестве преимущества сторонниками современных качественных исследований, на новом витке возвращает нас к более ранним этапам развития психологической науки — знаменитым психоаналитическим случаям, случаям,

описанным в иных областях клинической психологии и психологии личности, психотерапии, где глубокий интерес к индивидуальному случаю и индивидуальной истории дал возможность для появления новых эвристик. Без обращения к индивидуальному случаю кажется невозможным обратиться к исследованию опыта переживаний и понимания произведений искусства и художественного творчества, представить работу исторического познания. Не меньшую ценность индивидуальный случай, как отдельный материал и способ познания, имеет и в медицине.

Анализ индивидуального случая в клинической психологии будет занимать разное место в различных научных традициях, использоваться в зависимости от решаемых задач в самых разных функциях. Среди них вспомогательная, иллюстративная (например, проявления болезни или расстройства) функция; необходимость экспликации самодостаточного эмпирического опыта в практической клинко-психологической работе, консультировании и психотерапии; реализация определенной методологической задачи формулирования случая и т. д. [9; 27; 37; 41]. Если обратиться к истории российской клинической психологии, в особенности к разработке культурно-исторического направления в ней, базирующегося на идеях Л.С. Выготского, то здесь также выражен особый интерес к разработке методологии использования индивидуального случая, причем как в рамках общепсихологических исследований, уточнения общетеоретических положений, так и в рамках прикладной психологии.

В данной статье мы обращаемся к индивидуальному случаю не просто как к отдельному клиническому случаю, но прежде всего как к *инструменту общепсихологического исследования, позволяющего разрабатывать общепсихологическую проблематику*. В частности, такой подход можно несколько условно соотнести с парадигматическим использованием индивидуального случая [38]. Однако Л.С. Выготский разрабатывал этот подход именно с точки зрения культурно-исторической психологии, обращаясь к индивидуальному (единичному) случаю, размышляя о методе, благодаря которому будет развиваться культурно-историческая психология, в чем видится существенное отличие. Для российской клинической психологии этот подход был характерен прежде всего. Его можно представить, по нашему мнению, даже в виде отдельной линии методологических разработок индивидуального случая в культурно-исторической клинической психологии или линии методологических разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем. Анализ этой методологической линии разработок и составляет цель данной статьи.

Своеобразие исследовательского подхода к индивидуальному случаю в культурно-исторической клинической психологии

В культурно-исторической психологии, истоком которой стали идеи Л.С. Выготского, изучается становление и формирование психики, идущее извне (от культуры, от некоторой структуры социальных отношений) внутрь, к психическим организованностям. *Это касается как нормы, так и патологии.* Поэтому анализ отклоняющегося развития, патологических психических форм также рассматривается в культурно-историческом и генетическом разрезе.

Подчеркнем, что российская культурно-историческая психология в *историческом плане также* в значительной мере формировалась с опорой на клинический эмпирический материал. Единство методологии культурно-исторической психологии, патопсихологии и, шире, клинической психологии было в российской психологии исходно, складывалось исторически. В качестве одного из аргументов можно привести тот факт, что многие идеи Л.С. Выготского в значительной мере возникали и оттачивались на базе изучения нарушений психического развития у детей [15; 29]. Тесная связь становления российской психологии на базе изучения нарушений психики, наблюдаемых у пациентов психиатрической, дефектологической, неврологической клиник [16; 39], в некоторой степени указывает на ее сходство с французской патопсихологией, в частности, в лице П. Жане, которая оказала непосредственное влияние на Л.С. Выготского.

А.Р. Лурия, как единомышленник Л.С. Выготского, изучая высшие психические функции, подтвердил закономерности развития психики, выделенные Выготским, в целом ряде своих самостоятельных исследований [1; 40]. Развивая концепцию Л.С. Выготского, А.Р. Лурия разрабатывал понимание нейропсихологической феноменологии на основе методологии культурно-исторической психологии. И здесь снова одной из центральных тем оказалась тема анализа индивидуального случая. А.Р. Лурия настаивал на точном описании индивидуальных случаев, в переработанной и обобщенной форме квинтэссенция этих случаев стала основанием для ставших широко известными его работ. Анализу некоторых индивидуальных случаев А.Р. Лурия посвятил отдельные монографии («Маленькая книжка о большой памяти» [18]; «Потерянный и возвращенный мир» [19]). Например, в книге «Потерянный и возвращенный мир» отчетливо видно, как имеющиеся у больного нарушения высших психических функций не «изымаются» из его реальной жизни, из того социального опыта, в который он был погружен, не отделены от личности пациента. А.Р. Лурия дает звучание двум «голосам»: «голосу» пациента (который перенес тяжелое ранение

мозга в Великую Отечественную войну) и «голосу» исследователя. «Голос» пациента представлен через его личные дневниковые записи (интроспективные наблюдения в связи со своим состоянием), сведения из которых эмпатично и внимательно анализируются. Тем самым сохраняются связь с «живыми фактами» и анализ конкретных целостных психических явлений.

Внутри идей широко понимаемой культурно-исторической психологии оригинальную методологию понимания и изучения индивидуально-го случая в российской клинической психологии также разрабатывал и В.Н. Мясищев [21].

Б.В. Зейгарник стремилась активно интегрировать идеи К. Левина, Л.С. Выготского, а также представление, в большей мере ассоциированное со взглядами французской психиатрии об «естественном жизненном эксперименте», каковым является психическая болезнь, с возможностями экспериментальной психологии того времени. Она формирует культуру патопсихологического исследования, которую до сих пор называют «патопсихологическим экспериментом» [3; 16; 22; 28; 34]. И здесь объективно мы вновь сталкиваемся с необходимостью глубокого изучения индивидуального случая и уяснения живой его конкретики в условиях психиатрической клиники как с задачей клинико-психологического обследования пациента [8].

Вместе с тем длительное время ведущим направлением развития культурно-исторической психологии в России была *ориентация на построение именно объективной психологии*. Эту линию исследований, выполненных прежде всего с опорой на индивидуальные случаи, можно проследить, начиная также с работ Л.С. Выготского, затем она разрабатывается П.Я. Гальпериным [13], в клинической психологии А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник и другими учеными. Если брать современный этап, то на основе идей Л.С. Выготского помимо патопсихологии и нейропсихологии в российской клинической психологии сложилась культурно-исторически осмысленная психосоматика, психология телесности [23; 26; 30; 43], представлены изучение расстройств личности, аффективной патологии [27; 32], изучению подвергся ряд психических феноменов (например, нарциссизм, перфекционизм) в рамках их социальной и культурной детерминированности [14; 33; 27]. Однако в последние десятилетия, к сожалению, большинство исследований в российской клинической психологии развернуты в сторону зарубежной нейронауки и становятся все сильнее естественно-научно ориентированными.

Критическое изучение работ авторов, включенных в культурно-историческую клиническую психологию, позволяет сделать следующее заключение: во-первых, столь серьезное значение индивидуаль-

ного случая у большинства вышеназванных авторов появляется по той причине, что они всегда опирались на достаточно разработанную теорию в своих исследованиях. И эта теоретическая разработанность психологии позволяла осуществлять исследование на небольшом количестве случаев, позволявшим раскрывать потенциал этой теории и показывать ее возможности (вместе с тем это не исключало дальнейшее подтверждение этих выводов на большом массиве данных; хотя это служило лишь окончательной эмпирической верификацией этих выводов, но сами выводы были получены именно опираясь на анализ случая). Во-вторых, данные теории были ориентированы на раскрытие механизма функционирования психики и ее нарушений; индивидуальный случай в связи со своей конкретностью давал возможность для проверки теории, поскольку в центре самой теории было описание механизма и динамики функционирования психики и ее расстройства, а не просто констатация обобщенных эмпирических свойств. В-третьих, это означает, что сами теории носили более целостный и динамичный характер, не были частными, конкретно-эмпирическими, в отличие от позитивистски выстроенных концепций. Во всем этом и состоит принципиальное отличие значения обращения к индивидуальному случаю в культурно-исторической психологии.

Сопоставляя значение индивидуального случая в культурно-исторической психологии и значение индивидуального случая в современных качественных исследованиях, подчеркнем, что в последних случай может иметь самодостаточное значение и рассматриваться сугубо эмпирически, безотносительно к какой-либо теории. В культурно-исторической психологии индивидуальный случай не может существовать без теоретического обрамления, случай как бы следует за теорией.

Подчеркнем, что несмотря на отдельную прочерченную линию обращения к индивидуальному случаю в истории российской культурно-исторической клинической психологии и ее своеобразии, на сегодняшний день эта неотъемлемая часть традиции уходит в тень. Это означает, что к индивидуальному случаю исследователи обращаются все меньше, а многие вопросы методологии применения индивидуального случая в культурно-исторической психологии остаются неразработанными и неотрафлексированными. В связи с этим представляется необходимым обратиться к исходным идеям Л.С. Выготского по поводу индивидуального случая и еще раз методологически их осмыслить. Идеи, о которых будет идти речь далее, были в центре внимания Л.С. Выготского и представляли для него ценность не только в рамках описательной, но и в рамках объяснительной психологии. Л.С. Выготский стремился обосновать и отстоять необходимость обращения к индивидуальному случаю и методологически и теоретически.

Значение изучения индивидуального случая в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского

Л.С. Выготский, как известно, в значительной мере исходил из анализа искусства, что является одним из оснований для возможности сближения его идей с идеями М.М. Бахтина [2]¹ в едином методологическом поле культурно-исторической психологии. Произведение искусства прежде всего требует понимания, а затем на его основе уже возможно исследование. И в частности, из того, что условием всякого исследования является понимание, в этой линии культурно-исторической психологии выводится важное следствие — *ориентация психологического понимания и исследования на конкретный и индивидуальный случай*. Также как при изучении художественной культуры, мы в начале опираемся на понимание и исследование конкретного текста и автора, так и в психологии по-настоящему понять можно прежде всего конкретную личность, группу и т. п. Эти идеи психологического понимания и исследования начали активно разрабатывать М.М. Бахтин и Л.С. Выготский. При формировании своих подходов к индивидуальному случаю они опирались на западно-европейский опыт исследований, идущий от М. Вебера, в частности, опыт исследования М. Вебера об идеальных типах; неокантианцев; понимающую психологию; феноменологию К. Ясперса и др. Например, Л.С. Выготский [12] в работе «Исторический смысл психологического кризиса» специально прорабатывает идею организации психологического исследования именно на материале индивидуального случая и стремится разработать соответствующую методологию. Здесь открывается возможность в конкретном психологическом исследовании соединить объективную и феноменологическую точки зрения и понять конкретные психологические механизмы психических явлений.

В данной статье представляется важным обратиться к анализу тех идей Л.С. Выготского, которые сфокусированы на значении индивидуального случая для сущностного понимания психических явлений и их общепсихологического изучения. В своих текстах Выготский отстаивает фундаментальное значение исследования индивидуального случая в психологии в контексте разработки своего аналитического метода.

---

¹ Вклад М.М. Бахтина в методологию работы с индивидуальным случаем особых аргументаций не требует, поскольку все его работы выстроены вокруг изучения индивидуальности, живых речевых актов, жанров, стилей и пр. О характере методологии М.М. Бахтина и ее осмыслении для различных задач психологического исследования мы писали ранее в различных контекстах [4; 5; 7].

В описательной психологии Л.С. Выготский встречает широкое применение изучения индивидуальных случаев. Здесь психика исследуется с точки зрения своей внутренней, имманентной причинности или просто описательно. Например, в феноменологическом анализе такое исследование может напоминать изучение треугольника самого по себе, как это происходит в математике. Но, согласно Л.С. Выготскому, в каузальной психологии мы тоже можем из единичного наблюдения вывести общую закономерность, используя *аналитический метод*. И он старается отстоять право психологии на изучение индивидуального (единичного) случая. Для этого он стремится разработать свой аналитический метод.

Л.С. Выготский исходит из понятия объективной науки, которая изучает сущности явлений. В этом отношении естественные науки и психология не различаются, все это наука и ее методы должна объединять некоторая общность. А она состоит в аналитичности науки и ее метода. Во всех науках анализу подвергаются некоторые однородные и типичные явления. Выготский пишет в этой связи: «Метод анализа в естественных науках и в каузальной психологии состоит в изучении *одного* явления, *типичного* представителя целого ряда, и выведении отсюда положения обо всем ряде» [12, с. 402].

Вопрос состоит только в том, как найти это одновременно типичное и единичное явление, которое является представителем всего рода этого типа явлений. Это, конечно, предполагает предварительный анализ всей группы явлений и выделение их сущности, которую представляет понятие этого ряда явлений. Именно на основе такого понятия мы можем подобрать для дальнейшего изучения, для детального анализа единичное явление, которое является адекватным и типичным представителем всего ряда таких явлений.

Но психическое, социальное и т. п. явления еще и складываются в обществе. Их сущность может находиться не в них самих, а внутри тех общественных отношений, внутри которых они формируются. И изучая эти явления, мы можем как раз и открыть в них эту сущность. А для этого может быть достаточно исчерпывающего изучения одного такого явления. Такой подход существовал и в марксизме: «Наши марксисты, разъясняя гегелевский принцип в марксистской методологии, правильно утверждают, что каждую вещь можно рассматривать как микрокосм, как всеобщую меру, в которой отражен весь большой мир. На этом основании они говорят, что изучить *до конца*, исчерпать одну какую-нибудь вещь, один предмет, одно явление — значит познать весь мир во всех его связях. В этом смысле можно сказать, что каждый человек есть в той или иной степени мера того общества, или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений» [12, с. 403].

Данный подход открывает путь познания от единичного к общему. К такому выводу здесь приходит и Выготский: «Мы видим уже из этого, что познание из единичного к общему есть ключ ко всей социальной психологии; нам нужно отвоевать для психологии право рассматривать единичное, индивида как социальный микрокосм, как тип, как выражение или меру общества» [12, с. 403]. Здесь предполагается, прежде всего, что всякая человеческая психология социальна и что всякое психическое явление отражает общество, в котором оно развивается. Это и создает условия возможности объективного анализа в психологии и вообще возможность каузальной психологии. Отсюда и происходит задача научиться изучать индивидуальное психологическое явление как презентацию общего, т. е., как некоторый микрокосмос всего общества, которое и формирует, производит и развивает данное явление. И такое право исследования единичных явлений может иметь только культурно-историческая психология. Здесь общее в единичном — это культурно-историческая природа психического явления, его социальная структура, которую необходимо раскрыть в единичном явлении. Это явление можно или раскрыть посредством его анализа, или искусственно сформировать, чтобы показать его культурно-историческую природу.

Пожалуй, в этом отношении за Л.С. Выготским последовал в российской психологии во второй половине XX века прежде всего П.Я. Гальперин, который тоже настаивал на том, что психология должна изучать не феномены, не явления, а именно сущность явлений, причем так же, как Л.С. Выготский, он ориентирован именно на объективную психологию. П.Я. Гальперин развивает идею Выготского о том, что сущности психических явлений в начале находятся в форме индивидуума и именно посредством их интериоризации можно формировать психическое явление с заранее заданными свойствами. П.Я. Гальперин создает концепцию планомерного формирования умственных действий, основным принципом которой является максима: исследовать значит сформировать [13]. П.Я. Гальперин вслед за Л.С. Выготским считает, что если психическое явление уже сформировано, то мы не в состоянии понять его действительную глубинную структуру, но это можно сделать только изучая процесс формирования этого явления. И это возможно осуществить именно на материале индивидуального случая. П.Я. Гальперин показывает в своих многочисленных работах, что именно на основе такого индивидуально-психологического исследования только и можно понять внутреннюю организацию психических явлений.

Но в развернутом виде идея того, что сущность человеческой психики находится в обществе, в заданных обществом отношениях, и что мы можем проследить интериоризацию этих отношений в психическую организацию индивида, так и не получила надлежащего развития в рос-

сийской психологии, особенно в рамках *дальнейшей разработки аналитического метода*. А с этой точки зрения мы в конечном счете должны предположить, что объективированные общественные отношения и их структуры, отношение в данной культуре к ребенку, структура семьи и пр. в значительной мере априорно задают структуру и характер психической организации последующего развития самосознания ребенка. Если мы понимаем это, то мы действительно способны, изучая микрокосмос психики отдельного индивидуума, усмотреть в нем большой макрокосмос того общества, внутри которого происходит его развитие. Таким образом, индивидуальный случай, если рассматривать его культурно-исторически, можно увидеть как бы с двух сторон: можно стремиться усмотреть в психике индивида интериоризацию всех тех социальных отношений, в которые данный индивид был включен, и увидеть психическую организацию как определенную свернутость этих отношений. Но мы можем также, изучая индивидуальный случай, стремиться реконструировать тот социальный мир, внутри которого происходило формирование самосознания человека.

Наука всегда работает с сущностями и идеальными объектами. В этом состоит некое общее правило построения науки в целом. Например, почему данные изучения одного газа физик может перенести на все газы? Выготский полагает, что это происходит потому, что в результате применения индукции было получено понятие газа, и потому, что здесь в отдельном газе физик изучает общее свойство газов. А это уже результат анализа. Отсюда он заключает: «Итак, анализ принципиально не противоположен индукции, а родственен ей: он есть высшая ее форма, отрицающая ее сущность (многократность). Он опирается на индукцию и ведет ее. Он ставит вопрос; он лежит в основе *всякого эксперимента; всякий эксперимент есть анализ в действии, как всякий анализ есть эксперимент в мысли*; поэтому правильно было бы назвать его *экспериментальным методом*» [12, с. 403].

Таким образом, анализ снимает индукцию. И на высшем уровне анализа мы можем получить более глубокий материал, чем дает индукция. И именно на основе анализа оказывается возможен эксперимент, который является его развитием, когда анализ реализуется в действии. Но вначале мы всегда предпринимаем эксперимент в мысли. И все это анализ. Это и заставляет Выготского назвать анализ экспериментальным методом, ибо в основе эксперимента всегда лежит анализ, и он сам есть эксперимент в нашем мышлении.

Но для этого в анализе должно существовать абстрагирование от всего несущественного, а затем должна осуществиться и операция идеализации полученного искусственного объекта. Ведь в физике берут не просто любой газ, а одновременно оперируют с идеальной моделью газа,

абсолютно упругого тела и т. п. Но эта же операция абстрагирования существует уже в простой индукции, а затем и в эксперименте.

Когда мы экспериментируем, то, согласно мысли Выготского, изучаем некоторый ряд явлений и распределяем выводы на разные группы, например, на всех людей, на школьников, на деятельность и т. д., а анализ и предлагает объем распределения выводов, т. е. выделение в изучаемых явлениях общих для данной группы черт. Наконец, в эксперименте мы всегда наблюдаем один выделенный признак явления, и это снова является следствием работы анализа. Здесь следовало бы добавить, что это и результат работы абстракции.

В этой связи Л.С. Выготский анализирует пример исследований И.П. Павлова, изучающего в собаке животное вообще, а в слюноотделении — рефлекс вообще. И это оказалось возможным, поскольку Павлов «максимально абстрагировал» изучаемое явление от специфических условий единичного явления и «увидел в единичном общность» [12, с. 404]. Аналогичные абстракции исследования на единичных случаях видит Выготский и у А.А. Ухтомского в его изучении доминанты, и у Ч. Шеррингтона в его открытии принципа борьбы за двигательное поле у животного при изучении почесывательных и сгибательных рефлексов задних ног.

Итак, что же можно назвать ближайшей сущностью, когда мы, например, хотим понять особенности развития ребенка. С точки зрения психологии Л.С. Выготского, это, конечно же, будет структура семьи и особенности тех социальных отношений, которые складываются в ней. Для понимания особенностей развития самосознания ребенка мы должны изучить, каким образом эти внешние социальные отношения трансформируются в особенности развития самосознания ребенка и его внутренних диалогов, на основе которых формируются высшие психические функции, психологические системы и пр. Общая направленность понимания и объяснения здесь однозначна: внешнее, социальное организует развитие внутреннего, психического, из внешнего общения рождается внутренняя саморегуляция. Другими словами, общение ребенка и взрослого (за которым в свою очередь встает широкий круг социальных институтов, семиотических средств и т. д.), а затем и детей друг с другом — все это по отношению непосредственно к ребенку есть внешнее. Понимая и объясняя внешние отношения, мы будем способны понять и объяснить психическую организацию ребенка. Это непросто, поскольку на пути интериоризации социальные отношения сложным образом трансформируются, их интериоризации может предшествовать экстериоризация внутреннего опыта, его проекции и т. п. Но общий ход анализа верен и никем особенно сегодня не оспорен. Неслучайно вся психотерапевтическая психология работает в направлении реконструк-

ции, раскрытия и трансформации сложившихся в социальном взаимодействии структур и механизмов, запускающих возможное психическое расстройство и инкорпорированных в психике пациента. И только натуралистическая, а также построенная на методологии позитивизма академическая психология, возражая которой Л.С. Выготский и отстаивает значение изучения индивидуального случая, этому противостоит.

В продолжение размышлений над идеями Л.С. Выготского психологические исследования на материале индивидуальных случаев, по всей видимости, можно было бы ранжировать по оси идеализации. Можно изучать *отдельный клинический случай* с генетической точки зрения, но можно на основе обследования определенной клинической группы выбрать *типичный* для нее случай. Тогда предварительно изучая данную группу, мы выделяем некоторое ядро изучаемого феномена, которое присутствует у всех людей, входящих в нее. Для этого мы перебираем все клинические случаи в группе и обнаруживаем в них, например, *общую структуру семьи*, внутри которой происходило формирование расстройства. А затем уже выбираем для подробного анализа случай, в котором эта типичная структура семьи особенно ярко проявляется. Но мы можем пойти и далее по линии идеализации, объединяя в одну группу и другие группы (классы исследуемых лиц), и выделить некоторый *идеальный тип*, который одновременно станет идеальным объектом нашего исследования. Например, таким образом можно выделить идеальный тип мальчика-подростка. В таком случае можно подобрать для этого наиболее подходящий вариант и начать на его материале изучать существенные особенности подростка, характерные для нашей культуры.

Таким образом, в связи со всем вышесказанным возникают две методологические проблемы. Первая из них связана с выбором материала индивидуального случая. Как мы уже говорили, речь здесь идет об использовании индивидуального случая для решения именно общепсихологических задач (в том числе и в клинической психологии). В этом смысле материал индивидуального случая должен презентировать саму психологическую проблему, т. е. это может быть или типичный случай, характеризующий определенную социальную группу, психологический возраст и т. п., или индивидуальный случай, который может быть осмыслен как идеальный объект научного исследования. В зависимости от задач психологического исследования эта проблема может решаться по-разному [4; 5; 6; 24; 25; 36].

Вторая проблема состоит в организации всестороннего анализа индивидуального случая в смысле живого проявления психической организации в ее целостности и в том, чтобы избежать простых срезов и редукций этой живой психической реальности. В этом также состоит

ценность индивидуального случая и его методологическое значение. Решение этой проблемы требует многостороннего системного и целостного аналитического подхода к материалу индивидуального случая. Один из подходов к решению этого круга задач на примере проблемы идентичности и ее диффузии мы продемонстрировали в своей монографии об Э. Эриксоне [6].

Заключение

В рамках культурно-исторической психологии в целом, индивидуальный случай — это всегда развертывание истории жизни человека в обществе; соответственно он предполагает как генетический, так и культурологический анализ, как анализ культурной среды развития, так и изучение инкорпораций этой внутренней среды в развитие индивидуального самосознания и на этой основе понимание его функционирования, воспроизводства, развития. В этом смысле происходит объединение объективного и феноменологического анализа, взгляда на развитие извне и понимания развития изнутри работы самого самосознания. В культурно-исторически выстраиваемой прикладной (или практической) клинической психологии в этом отношении оказывается особенно важным пристальное внимание к изучению и анализу психологического анамнеза, построению клинико-психологической беседы, к новому уровню рефлексии патопсихологического эксперимента и пр., что и представляется здесь непосредственным живым материалом для изучения психического развития пациента [8].

В этом отношении любой индивидуальный случай может представлять интерес для психолога, если исследователь, следуя Выготскому, понимает его культурно-исторически, видит индивидуальную психику как отображение большого макрокосмоса культуры. То есть рассматривает человека не натуралистически, а именно культурно-исторически, рассматривает здесь не факты жизни, не стимулы и реакции, а определенный тип развития самосознания личности, как следствие ее включения в определенные формы культуры, социальные отношения, которые отображаются и трансформируются во внутренних диалогах самосознания. Похоже именно так видел судьбу культурно-исторической психологии Л.С. Выготский, согласно его текстам. В свою очередь мы в своих работах попытались продолжить эту линию исследований в контексте разработки детской культурно-исторической психологии, изучения истории психотерапии и ее процесса, исследования природы некоторых клинико-психологических понятий и знаний и т. д. [5; 6; 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В. А.Р. Лурия: жизненный путь // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 2. С. 2—10.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 300 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
4. Бурлакова Н.С. Внутренний диалог в структуре самосознания и его динамика в процессе психотерапии: дисс. ... канд. психол. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 1996. 234 с.
5. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. 352 с.
6. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ООО «ИПЦ -Маска», 2011. 305 с.
7. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Феноменологический метод в психологии: движение к адаптации в духе позитивизма или к развитию? // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25(1). С. 8—27. DOI: 10.17759/cpp.2017250102
8. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие практики и методологии патопсихологического эксперимента (традиция московской школы патопсихологии). Издание при поддержке РФФИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. 272 с.
9. Бурлакова Н.С., Федорова Ю.Н. Метод формулирования случая в практико-ориентированном исследовании // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1. С. 109—129. DOI: 10.17759/cpp.2016240108
10. Бусыгина Н.П. Научный статус методологии исследования случаев // Консультативная психология и психотерапия. 2009. №. 1. С. 5—29.
11. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013.
12. Выготский Л.С. Собрание соч. в 6 т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
13. Гальперин П.Я. Поэтапное формирование как метод психологического исследования // Гальперин П.Я., Карпова С.Н. Актуальные проблемы возрастной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 93—110.
14. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 42 с.
15. Глозман Ж.М., Степанченко Т.В. Л.С. Выготский и А.Р. Лурия: истоки сотворчества // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 93—101.
16. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 287 с.
17. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009. 301 с.
18. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста. М., 1968. 352 с.
19. Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (история одного ранения). М., Изд-во МГУ, 1971. 272 с.
20. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020. 236 с.

21. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 425 с.
22. *Николаева В.В.* Б.В. Зейгарник и патопсихология // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 13—21.
23. *Николаева В.В.* Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987. 166 с.
24. *Олешкевич В.И.* Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 341 с.
25. *Олешкевич В.И.* Рождение новой психотехнической культуры. М.: ЭКОС, 1996. 180 с.
26. Психосоматика: телесность и культура / В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Ю.П. Зинченко, Г.А. Арина и др. М.: Академический проект, 2009. 311 с.
27. *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 896 с.
28. *Соколова Е.Т.* Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 37—48.
29. *Степанова М. А.* Культурно-историческая дефектология Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 92—108.
30. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
31. *Харламенкова Н. Е.* Анализ единичного случая как метод исследования личности // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 9—24.
32. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61—74.
33. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Нарциссизм, перфекционизм и депрессия // Консультативная психология и психотерапия. 2004. № 1. С. 18—35.
34. *Холмогорова А.Б.* Клиническая психология. Т. 1: Общая патопсихология. М.: Издат. центр «Академия», 2010. 464 с.
35. *Akhutina, T.V.* L.S. Vygotsky & A.R. Luria: Foundations of neuropsychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2003. № 41(3—4). P. 159—190.
36. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Reconstructing dynamics and history of a child's self-consciousness development: A phenomenological study // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. № 94. P. 122—131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.02.15
37. *Eells T.D.* Handbook of psychotherapy Case Formulation. N.Y.; London: Guilford Press, 2006. 448 p.
38. *Flyvbjerg B.* Five misunderstandings about case-study research // Qualitative inquiry. 2006. Vol. 12 (2). P. 219—245.
39. *Glozman J. M.* Vygotsky in applied neuropsychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 4. P. 73—79. DOI: 10.11621/pir.2016.0406
40. *Luria A. R.* The working brain. New York: Basic Books, 1973. 400 p.
41. *Manassis K.* Case Formulation with Children and Adolescents. N.Y.; London: Guilford Press, 2014. 244 p.
42. *Nosek B. et al* Estimating the reproducibility of psychological science [Электронный ресурс] // Science. 2015. Vol. 349. № 6251. P. DOI: 10.1126/science.aac4716 URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aac4716> (дата обращения: 05.04.2016).

43. Tkhostov A. Sh. Prospect of development of L.S. Vygotsky's ideas in clinical psychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. № 9(4). P. 205—214. DOI: 10.11621/pir.2016.0415

REFERENCES

1. Akhutina T.V. A.R. Luriya: zhiznennyi put' [The Life of Alexander Luria]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2012, vol. 8, no. 2, pp. 2—10. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin M.S. Sbranie sochinenii. v 7 t. T. 6 [Collected Works, in 7 vols. V. 6]. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Russian Dictionaries. Languages of Slavic Culture Publ.], 2002. 300 p. (In Russ.)
3. Bratus' B.S. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomaly of personality]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 301 p.
4. Burlakova N.S. Vnutrennii dialog v strukture samosoznaniya i ego dinamika v protsesse psikhoterapii [Internal dialogue in the structure of self-awareness and its dynamic in the process of psychotherapy] : dis. ... kand. psikhol. Nauk [Ph.D. Dissertation]. MGU imeni M.V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. Moscow, 1996. 234 p. (In Russ.)
5. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Proektivnye metody: teoriya, praktika primeneniya k issledovaniyu lichnosti rebenka [Projective Techniques: Theory and Practical Application to the Examination of Child's Personality] Moscow: In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy [Institute of General Humanitarian Research Publ.], 2001. 352 p. (In Russ.)
6. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti E. Eriksona v zerkale lichnoi istorii avtora (opyt issledovaniya prirody kliniko-psikhologicheskogo znaniya) [Psychological conception of identity developed by E.Erikson from the perspective of E.Erikson's personal history]. Moscow: OOO «IPTs "Maska"» [Mask Publ.], 2011. 305 p. (in Russ.)
7. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Fenomenologicheskii metod v psikhologii: dvizhenie k adaptatsii v dukhe pozitivizma ili k razvitiyu? [Phenomenological Approach in Psychology: Moving towards Positivism Style Adaptation or towards Development?]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2017. T. 25 (1). S. 8—27. DOI: 10.17759/cpp.2017250102 (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Razvitie praktiki i metodologii patopsikhologicheskogo eksperimenta (traditsiya moskovskoi shkoly patopsikhologii) [athopsychological Experiment: Evolution in Practice and Methodology (Tradition of Moscow Pathopsychological School)]. Izdanie pri podderzhke RFFI [Supported by Russian Foundation for Basic Research]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow State University Press], 2020. 272 p. (In Russ., abstr. in English)
9. Burlakova N.S., Fedorova Yu.N. Metod formulirovaniya sluchaya v praktiko-orientirovannom issledovanii [Example of Practice-Oriented Research Based on Case Formulation Method]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2016. T. 24, № 1. P. 109—129. DOI: 10.17759/cpp.2016240108 (in Russ., abstr. in Engl.)

10. Busygina N.P. Scientific prospective of case study methodology [Nauchnyi status metodologii issledovaniya sluchaev]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2009, vol. 17, no. 1, pp. 9—34. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Busygina N.P. Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodology of quantitative research in psychology]. Moscow: INFRA-M Publ., 2013. (In Russ.)
12. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii. V 6 t. T.1* [Collected Works: in 6 vols. V. 1]. Moscow: Pedagogika [Pedagogy Publ.], 1982. 488 p. (In Russ.)
13. Gal'perin P.Ya. Poetapnoe formirovaniye kak metod psikhologicheskogo issledovaniya [Stage-by-Stage Formation as a Method of Psychological Investigation]. In: Gal'perin P.Ya., Karpova S.N. *Aktual'nye problemy vozrastnoi psikhologii* [Actual Problems of Developmental Psychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow State University Press], 1978, pp. 93—110. (In Russ.)
14. Garanyan N.G. Perfeksionizm i vrazhdebnost' kak lichnostnye faktory depressivnykh i trevozhnykh rasstroystv [Perfectionism and hostility as personal factors of depressive and anxiety disorders]: avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk [Dissertation Abstract]. Moscow, 2010. 42 p. (In Russ.)
15. Glizman Zh.M., Stepanchenko T.V. L.S. Vygotskii i A.R. Luriya: istoki sotvorchestva [L.S. Vygotsky and A.R. Luria: Origins of Co-creation]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology]. 2004. № 6. Pp. 93—101. (In Russ.)
16. Zeigarnik B.V. *Patopsikhologiya* [Pathopsychology]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1986. 287 p. (In Russ.)
17. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research interview]. Moscow: Smysl Publ., 2009. 301 p. (In Russ.)
18. Luriya A.R. *Malen'kaya knizhka o bol'shoi pamyati. Um mnemonista* [The Mind of a Mnemonist: A Little Book About A Vast Memory]. Moscow, 1968. 352 p. (In Russ.)
19. Luriya A.R. *Poteryannyi i vozvrashchennyi mir (istoriya odnogo raneniya)* [Lost and Regained World: The History of a Brain Wound]. Moscow, Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1971. 272 p. (In Russ.)
20. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Metodologicheskie problemy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodological problems of quantitative research in psychology]. Moscow: Akropol' [Acropolis Publ.], 2020. 236 p. (In Russ.)
21. Myasishchev V.N. *Lichnost' i nevrozy* [Personality and Neuroses]. Leningrad: Izd-vo LGU [Leningrad State University Press], 1960. 425 p. (In Russ.)
22. Nikolaeva V.V. *B.V. Zeigarnik i patopsikhologiya* [Zeigarnik and Pathopsychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2003. T. 24, № 3. Pp. 13—21. (In Russ.)
23. Nikolaeva V.V. *Vliyanie khronicheskoi bolezni na psikhiku* [Effect of Chronic Illness on Psyche]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1987. 166 p. (In Russ.)
24. Oleshkevich V.I. *Psikhologiya, psikhoterapiya i sotsial'naya pedagogika A. Adlera* [Psychology, psychotherapy and social pedagogics of A. Adler]. 2-e izd. ispr. i dop. [2nd edition, corrected and upgraded] M.: Yurait, 2020. 341 p. (In Russ.)
25. Oleshkevich V.I. *Rozhdenie novoi psikhotehnicheskoi kul'tury* [Birth of the new psychotechnical culture.]. Moscow: EKOS Publ., 1996. 180 p. (In Russ.)

26. Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura [Psychosomatics: Corporeality and Culture]. Ed. by Nikolaeva V.V. et al. Moscow: Akademicheskii proekt [Academic Project Publ.], 2009. 311 p. (In Russ.)
27. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya [Clinical Psychology Self-Loss]. Moscow: Smysl Publ., 2015. 896 p. (In Russ.)
28. Sokolova E.T. Kul'turno-istoricheskaya i kliniko-psikhologicheskaya perspektiva issledovaniya fenomenov sub"ektivnoi neopredelennosti [Cultural-psychological and clinical-psychological perspectives of research of phenomena of subjective uncertainty and ambiguity]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]. 2012. № 2. Pp. 37—48. (In Russ.)
29. Stepanova M. A. Kul'turno-istoricheskaya defektologiya L.S. Vygotskogo [Cultural-historical defectology of L.S. Vygotsky]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 2020. T. 66, № 5. Pp. 92—108. (In Russ.)
30. Tkhostov A. Sh. Psikhologiya telesnosti [Psychology of Corporeity]. Moscow: Smysl Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)
31. Kharlamenkova N. E. Analiz edinichnogo sluchaya kak metod issledovaniya lichnosti [Analysis of a singular case as method for exploration of personality]. Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of Practical Psychologist]. 2014. № 2. Pp. 9—24. (In Russ.)
32. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Kul'tura, emotsii i psikhicheskoe zdorov'e [Culture, Emotions and Mental Health]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 1999. № 2. Pp. 61—74. (In Russ.)
33. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Nartsissizm, perfektsionizm i depressiya [Narcissism, Perfectionism and Depression]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2004. № 1. Pp. 18—35. (In Russ.)
34. Kholmogorova A.B. Klinicheskaya psikhologiya. T. 1: Obshchaya patopsikhologiya [Clinical psychology. V. 1: General psychology]. Moscow: Izdat. tsentr «Akademiya» [Academia Press], 2010. 464 p. (In Russ.)
35. Akhutina T.V. L.S. Vygotsky & A.R. Luria: Foundations of neuropsychology. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2003. Vol. 41(3—4), pp. 159—190.
36. Burlakova N., Oleshkevich V. Reconstructing dynamics and history of a child's self-consciousness development: A phenomenological study. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2020. Vol. 94, pp. 122—131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.02.15
37. Eells T.D. Handbook of psychotherapy Case Formulation. N.Y.; London: Guilford Press, 2006. 448 p.
38. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative inquiry*, 2006. Vol. 12 (2), pp. 219—245.
39. Glzman J. M. Vygotsky in applied neuropsychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9(4), pp. 73—79. DOI: 10.11621/pir.2016.0406
40. Luria A. R. The working brain. New York: Basic Books, 1973. 400 p.
41. Manassis K. Case Formulation with Children and Adolescents. N.Y.; London: Guilford Press, 2014. 244 p.
42. Nosek B. et al Estimating the reproducibility of psychological science [Electronic resource]. Science. 28 Aug 2015: Vol. 349, Issue 6251, pp. DOI: 10.1126/science.

aac4716 URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aac4716> (accessed on 05.04.2016).

43. Tkhostov A. Sh. Prospect of development of L.S. Vygotsky's ideas in clinical psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9(4), pp. 205—214. DOI: 10.11621/pir.2016.0415

Информация об авторах

Бурлакова Наталья Семеновна, кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры нейро- и патопсихологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>, e-mail: naburlakova@yandex.ru

Олешкевич Валерий Иванович, кандидат философских наук, клинический психолог высшей категории, старший научный сотрудник, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ (НПЦ ПЗДП имени Г.Е.Сухаревой ДЗМ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>, e-mail: ov-6161@mail.ru

Information about the authors

Natalya S. Burlakova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>, e-mail: naburlakova@yandex.ru

Valery I. Oleshkevich, PhD in Philosophy, Clinical Psychologist of the Highest Category, Scientific and Practical Sukhareva Center for Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>, e-mail: ov-6161@mail.ru

Получена 10.02.2021

Received 10.02.2021

Принята в печать 10.09.2021

Accepted 10.09.2021

К РАБОТЕ МЕЩЕРЯКОВА (ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ А.Д. МАЙДАНСКОГО)

Э.В. ИЛЬЕНКОВ

Москва, Российская Федерация

В 1963-м в подмосковном Загорске была основан детский дом для слепоглухонемых. Научным руководителем его стал Александр Иванович Мещеряков, в то время заведовавший лабораторией в Институте дефектологии АПН. Четыре года спустя к эксперименту подключился Эвальд Васильевич Ильенков. Публикуемый впервые архивный текст «К работе Мещерякова» предназначался для выступления на Президиуме АПН в феврале 1973 года. В нем Ильенков кратко формулирует свое понимание психического образа как свертывания временного процесса деятельности в пространственную форму предмета и высказывает ряд глубоких соображений о связи психики и языка, знака и значения, слова и действия, на основании данных Загорского эксперимента. Процесс формирования образа демонстрируется на примере случая «Юля и овраг». После прогулки по оврагу слепоглухая девушка смогла вылепить контур оврага из пластилина; не видя овраг, она воспроизвела траекторию движения своего тела в виде пространственного объекта. Формирование языка у слепоглухих начинается с жестовой речи, преобразуемой далее в словесную: сначала дактильную, затем письменную и, наконец, звуковую. Экспериментальное исследование этой трансформации языка позволяет решить вопрос о способе связи речи и языка с объективной реальностью.

Ключевые слова: знак, символ, жест, интуиция, слово, вообще, психика, общение.

Финансирование. Публикация подготовлена А.Д. Майданским при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00028.

Благодарности. Выражаю признательность дочери Э.В. Ильенкова Е.Э. Иллеш за предоставленную возможность работать в домашнем архиве и согласие на публикацию рукописи.

Для цитаты: *Ильенков Э.В.* К работе Мещерякова (послесловие и примечания А.Д. Майданского) // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 164—174. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>

ON THE WORK OF MESHCHERYAKOV (AFTERWORD AND NOTES BY A.D. MAIDANSKY)

EVALD V. ILYENKOV

Moscow, Russia

In 1963, a children's home for the deaf-mute was founded in Zagorsk, near Moscow. Alexander Meshcheryakov, the head of the laboratory at the Institute of Defectology of the Academy of Pedagogical Sciences, became its supervisor. Four years later, Evald Ilyenkov joined the experiment. The archival text "On the work of Meshcheryakov", published now for the first time, was presented at the Presidium of the USSR Academy of Pedagogical Sciences in February 1973. In this paper, Ilyenkov briefly formulates his conception of psychical image as condensing of a temporal process of activity into a spatial form of object, and suggests a number of deep thoughts on connection of the psyche and language, sign and meaning, word and action, taking his stand on the data of the Zagorsk experiment. The process of image formation is demonstrated by the case "Julia and the ravine". After a walk along the ravine, a deaf-blind girl was able to mould the contour of the ravine from plasticine. Without seeing the ravine, she reproduced the trajectory of her body's motion as some spatial object. The formation of language in deaf-blind persons begins with gesture speech, which is gradually transformed into verbal speech — first in its dactyl, then written and, finally, sound form. The experimental study of this transformation helps to solve the question of how speech and language are connected to objective reality.

Keywords: sign, symbol, gesture, intuition, word, universal, psyche, communication.

Funding. The publication is prepared by A.D. Maidansky and funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00028.

Acknowledgements. I express my gratitude to E.V. Ilyenkov's daughter E.E. Illesh for the granted access to the home archive and her consent to publish the manuscript.

For citation: Ilyenkov E.V. On the Work of Meshcheryakov (Afterword and Notes by A.D. Maidansky). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 164—174. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>

Введение

В картине «жест—действие—результат» выявляются несколько очень важных обстоятельств.

Первое. Это всегда цепочка, с *началом* и *концом*, причем конец дан в начале, предусмотрен в жесте. Во-вторых, жест всегда «означает» одновременно и *действие*, и *предмет этого действия* — здесь разведения од-

ного от другого нет. В «слове» это тождество не так легко рассмотреть, там оно с самого начала выражается через «взрослые» слова и потому формально может оказаться либо обозначением предмета, либо обозначением действия с ним. Но для ребенка («для себя») — они тоже сливаются, и в слове. Значение и тут *символично*, если под символом иметь в виду не «предмет» просто, а предмет, по поводу коего завязана совокупность ритуализированных действий. Например — крест христиан. В самом «кресте» эти действия не «содержатся», они именно завязаны *вокруг и по поводу* сего предмета.

Поэтому тут можно четко показать переход от *символа* (жеста) к *знаку* (к слову), к раздельному обозначению *предмета* и *действия*, чего форма *символа* никак не обеспечивает. Этот акт различения «субъекта» (т. е. «действия») и «объекта», предмета как такового, впервые и начинает совершаться только вместе с появлением *слова* (= *знака*). Только *знак* создает возможность проводить такое различие. (Что оно в реальности есть длительнейший процесс, реализующий эту возможность, сюда еще не относится.)

Далее — уже в пределах *жестовой речи* — просвечивает та закономерность, что процесс умножения числа «значений» (= «жестового запаса») ни в коем случае не есть простое нагромождение несвязанных между собою *символов* или *знаков*, не есть простое коллекционирование «разных слов», — а есть *система*, находящаяся в процессе *саморазличения*. В сознании и для сознания (то, что Гегель метко назвал «в себе и для себя») это всегда процесс выделения в составе суммарного действия его деталей. От абстрактного к конкретному. Жест «есть = ложка», т. е. тождество цели-потребности и предмета, в целом остается рамой, внутри которой «вычлениваются» все новые и новые подробности — частные действия, входящие в систему обеспечения основного («всеобщего») действия. «Хочу есть» — «ложка», — между этими двумя крайними точками, между потребностью-целью и ее реальным выполнением как бы *«вставляются»* (разрывая цепь и одновременно ее связывая все новыми звеньями) действия, имеющие «смысл» только как звенья этой цепочки. Лишь потом они обретают значение «сами по себе и для себя», — например, умывание перед едой, повязывание фартучка, утирание физиономии и т. д. и т. п.

Стало быть, система «значений» (сначала жестов, потом слов) растет именно как *система*, а не как коллекция «значений». Поэтому-то слова и становятся сразу же в определенные грамматические и логические конструкции, схемы, их не приходится потом «связывать» особо. Напротив, все идет по линии выделения, *анализа* сложного психического образования, а не по линии *синтеза* такового из разрозненных «простых».

Здесь «частное» действие и предмет (ложка) оказывается «для себя» *всеобщим* по отношению к другим столь же «частным». Почему? — Да

потому, что зацепиться можно лишь за то действие, которое непосредственно реализует собою «потребность, побуждение и цель». Вначале, естественно, — органически врожденную потребность. В пище.

Начать с действия, не имеющего никакого отношения к удовлетворению органических нужд, сразу с действия по норме «культуры» путем «дрессуры» — значит обречь себя на неудачу.

Вся развитая система действий (а потому и значений) вначале формируется как система *средств*, обслуживающих животно-биологическую нужду — «потребность»; лишь потом она становится настолько развитой и «для себя» настолько «интересной», что отношение перевертывается и «пища — ложка» становится из всеобщего — «частным».

Вначале человек действительно «живет, чтобы есть», и лишь потом «ест, чтобы жить», — и вот этот-то пункт для возникновения человеческой психики становится принципиально важным. Здесь летит и фрейдовская схема, согласно которой *все* специально-человеческие формы отношений к миру суть только *средства* реализации изначально-органических импульсов. На самом-то деле отношение перевертывается довольно рано.

Проблема «интуиции»¹ — одна из самых загадочных — заключается прежде всего в том, каким образом человек может в виде состояния своего собственного тела испытывать («переживать») форму другого тела (и расположения других тел в пространстве и времени).

Здесь происходит свертывание временного процесса [деятельности] в пространственно застывшую, зафиксированную форму [предмета] и обратное ему развертывание. Последовательность движения от точки к точке предстает как рядоположенность точек (одновременное, «симультанное») и наоборот. «Психика» и обеспечивает сей переход и *есть* этот переход.

Юлю В.² водят гулять по лесу, по оврагу весьма замысловатой формы. Вернувшись, она выполняет в пластилине довольно точно форму оврага (дороги, тропки и т. д.).

Спрашивается: *что* она непосредственно лепит?

Ясно: траекторию своего движения.

---

¹ Термин «интуиция» употребляется здесь в особом смысле, который Ильенков вычитал в трудах Спинозы.

² Юлия Виноградова — слепоглая воспитанница И.А. Соколянского (1889—1960), дело которого продолжил его ученик А.И. Мещеряков. В 1955 году Соколянский начал экспериментальное обучение девочки в лаборатории по проблемам слепоты Института дефектологии Академии педагогических наук РСФСР. Юлия научилась хорошо говорить, стала квалифицированной швеей — ее галантерейные изделия продавались даже в московском ГУМе.

А *тем самым* (а ничем другим) — форму оврага.

Вот вам и решение проблемы «интуиции» в ее самой простой, элементарной и всеобщей форме. Дело тут в том, что траектория движения субъекта буквально *конгруэнтна* с контуром предмета действия (в данном случае — движения, передвижения), а «траектория» активного действия и закодирована в виде «состояния тела» — мышц, нервов, мозга.

Воспроизводя всю цепочку своих действий (движений по форме тела), человек *тем самым* воспроизводит и форму этого тела. В виде ряда состояний моего тела тут оказалась закодирована (выражена на другом «языке») форма другого — внешнего — тела, и «обратный перевод» на язык оригинала³ это обстоятельство *доказывает*.

Конечно, здесь надо быть осторожнее с выражением «язык» — тут в лучшем случае только аналогия. Но двуязычный человек именно это и может проделывать, переходя от языка к языку и в каждом из них получая результат, не заключающийся в другом языке.

Это, однако, возможно (теоретически) только при том допущении, что на обоих языках *выражается один и тот же предмет*. Иначе — нонсенс. То есть «для себя» тут начинают играть действия, не имеющие ничего общего с непосредственной реализацией биологически врожденного импульса. Это — тот же самый «троянский конь»: биологическое начало в субъекте, будучи вначале «энтелехией»⁴ всего развития, становится в иное отношение к обеспечивающим его действиям, перестает быть *целью*, перестает быть «*всеобщим*», «внутри» коего выделяются «особенные», «частные» предметы и действия.

Вдруг все буквально «переворачивается», и то, что было «целью», становится средством, частностью (хотя и необходимой) в составе цепи действий, преследующих совсем иную *цель* — специально-человеческую цель. И без этого перевертывания, перелома (а его и игнорирует любая биологическая, эволюционистская концепция, в том числе фрейдистская) специально-человеческая психика *не возникает*.

Главное тут — возникновение специальной потребности — потребности в *общении*. Самый акт *общения* делается предметом особого, специально направленного внимания, без всякого отношения к «цели», которая тут достигается. Общение делается *самоцелью*, а другой чело-

---

³ Имеется в виду вылепленная Юлей пластилиновая модель оврага.

⁴ Здесь: внутренней причиной и целью. *Entelechia* — «завершенность, осуществленность», дословно: «имеющее цель (*telos*) в самом себе». Неологизм Аристотеля, при помощи которого выражается внутренняя целесообразность сущего. Так, душа есть «первая энтелехия» живого тела.

век — «высшим и самым интересным предметом»⁵. Этот пункт требует особого разбора.

Тут же нужно разобрать ту ситуацию, когда единичный, чувственно воспринимаемый во всей его неповторимой телесности «объект» делается для ребенка (= «для себя») *полномочным представителем рода* (вида, категории). Не надо двух, трех, достаточно *одного-единственного всеобщего*.

А не так, чтобы категория «абстрагировалась» как выражение «одинакового» — абстрактно-общего — в ряду изначально разрозненных единичных вещей, путем выявления «одинакового» в них. Этого просто нет. Здесь летит вся локковская, эмпирически-позитивистская теория обобщения, понятия, вообще формы психики.

Здесь надо обыграть как можно тщательнее мысль Маркса (18-е примечание в I томе «Капитала») насчет Петра и Павла⁶, насчет «отражения» человека в другом человеке как формы отношения к самому себе как к человеку, а к другому — как к представителю «рода» человек...

Именно тут — в анализе процесса рождения жестовой речи и ее постепенного преобразования в словесную, побуквенно фиксируемую речь, сначала дактильную, а потом и письменную, и звуковую, — можно надеяться научно понять и этот вопрос — вопрос о способе замыкания речи на объективную реальность. Вопрос, который превратился в XX веке в настоящий камень преткновения для любой гносеологической системы.

Я вынужден прекратить, точнее, просто оборвать свой перечень проблем, для решения которых работа лаборатории А.И. Мещерякова уже дала и продолжает каждый день давать массу ценнейших, тщательно запротоколированных экспериментальных данных.

Я думаю, что комплексный анализ всех этих данных, а также продолжение и расширение эксперимента могли бы дать чрезвычайно много для решения тех самых проблем, которые до сих пор ставятся и решаются, увы, преимущественно на вербально-спекулятивном уровне. Я думаю, что в ходе такого комплексного изучения этих фактов можно

---

⁵ Эту мысль Ильенков приписывал Спинозе, ссылаясь на следующие положения «Этики»: «Для человека нет ничего полезнее человека» (IV, теор. 18, схолия); «В природе вещей нет ничего единичного, что было бы для человека полезнее человека, живущего по руководству разума» (IV, теор. 35, корр. 1).

⁶ «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я емь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода “человек”» [3, с. 52].

было бы найти и строго сформулировать границу, которая отделяет — и одновременно связывает — такие области исследования, как физиология высшей нервной деятельности и *психология*, как *психология* и *теория познания*. Ведь не секрет, что на границах между этими дисциплинами как раз и возникает в последние десятилетия масса пограничных инцидентов, масса взаимных обид и ситуаций взаимонепонимания.

Позвольте выразить искреннюю благодарность за то внимание, которое Президиум счел возможным уделить рассматриваемому сегодня эксперименту. Эксперимент этот, несомненно, такого внимания заслуживает, и мне хочется выразить надежду на то, что нам удастся ознакомить научную общественность страны с его смыслом и содержанием более развернуто и конкретно, чем это возможно было сделать в форме кратких сообщений и соображений.

Послесловие А.Д. Майданского к тексту доклада Э.В. Ильенкова

При жизни Э.В. Ильенкова всего несколько его работ по психологии появились в печати: большая статья «Становление личности», о Загорском эксперименте, и две—три более краткие вариации на ту же тему. Сразу после его смерти, в 1979-м, вышла программная работа «Что же такое личность?». Основной массив рукописей Ильенкова по психологической проблематике увидел свет уже в нынешнем столетии. Затем появились иностранные переводы — английские, немецкие, испанские, — начались обсуждение и полемика. Принимал в ней участие и автор этих строк, в том числе на страницах британского журнала «Mind, Culture, and Activity» (МСА). У западных психологов, причем не только марксистски ориентированных, Ильенков пользуется сегодня не меньшим вниманием и почтением, чем у философов. Во вступительной статье А. Джорнета и М. Коула (главный редактор МСА, ученик А.Р. Лурия) Ильенков назван «ключевой фигурой (a figure crucial) в развитии культурно-исторической теории деятельности» [5, p. 341].

В последние лет пять—семь с новой силой вспыхнул в печати спор о Загорском эксперименте, стартовавший ровно полвека тому назад в журнале «Природа» (Ильенкову и Мещерякову возражал биолог А.А. Малиновский). С тех пор противные партии ничуть не приблизились к согласию. В прошлом году в дебаты включился словак И. Ганзел, выступив с критикой в адрес Ильенкова на страницах «Вопросов философии» [1].

Ганзел порицал Ильенкова за неспособность объяснить процесс обучения слепоглохих детей *языку*. Разработанные Ильенковым по-

нения оказались, мол, непригодны для описания и осмысления «феномена языка», не говоря уже о практическом их применении в целях формирования речи у слепоглохих. Вот почему Ильенков, как и Мещеряков, обходил молчанием эту тему, объясняет нам Ганзел. Им обоим сильно не доставало знания новейшей философии языка — трудов Р. Карнапа и логической семантики, так что они сочли за лучшее промолчать.

Доведись Ганзелу ознакомиться с архивами Ильенкова и Мещерякова, возможно, его статья не появилась бы на свет — «и мысль бесплотная в чертог теней вернулась». В советские времена было не так легко напечататься, как сейчас, потому многое из написанного оставалось в столе. Книга Мещерякова «Развитие средств общения у слепоглохонемых (переход от предметного действия к жесту и от жестового общения к дактильной речи)» была готова к печати, заключен договор с издательством «Педагогика». Но после скоростной смерти автора рукопись потерялась — уцелел только черновик, две сотни страниц, хранящихся в архиве А.И. Мещерякова в Институте психологии РАН.

В докладе «Формирование психики у слепоглохонемых» на заседании Президиума Академии наук СССР 27 июня 1969 г. Мещеряков описывал генезис языка следующим образом: «Первой формой общения между ребенком и взрослым является совместное, но уже с самого начала разделенное действие с предметом материальной культуры. На этой основе возникает жест — то же самое действие, но при отсутствии реального предмета, — действие с идеальным, с воображаемым предметом. Жест и оказывается первой формой языка, т. е. специального средства общения человека с человеком по поводу предмета и действия с ним. Далее жест редуцируется в жест-символ, в чисто условное обозначение предмета и действия, и система таких обозначений создает прочную базу для возникновения словесной речи, вплоть до устной, звуковой. Над этой базой легко надстраивается сколь угодно дробная система знаков и развивается способность оперировать знаками в акте оформления личного опыта для другого человека, а тем самым — для самого себя как человека, как общественного существа. Словесная речь и открывает для слепоглохого ребенка дверь в сокровищницу “родового”, общечеловеческого опыта. Одновременно она открывает для него возможность осуществлять “рефлексию”, — т. е. смотреть на самого себя как бы со стороны, как бы глазами другого человека. С языком возникает своеобразное “зеркало”, в котором индивид может рассматривать сам себя, анализировать свои собственные действия и поступки с точки зрения выработанных человеком норм культуры в любой области жизни» [4].

Нетрудно убедиться, что «феномен языка» здесь понимается так же, как и в публикуемой рукописи Ильенкова. Текст под заглавием «К работе

Мещерякова» не предназначался для публикации, это просто памятка для доклада. Пять листов отпечатаны на машинке, без исправлений и почти без опечаток. Вполне возможно, стенограмма устного доклада Ильенкова и последующего обсуждения хранится в Научном архиве РАО.

В Загорском эксперименте Ильенков видел уникальный материал для научного понимания *всеобщих законов* развития человеческой психики. Формирование личности осуществляется здесь в условиях, когда ни одна специфически человеческая способность не может возникнуть стихийно, сама собой. В такие условия поставлен природой слепоглохой ребенок; без специальной системы воспитания и целенаправленных усилий педагога он обречен вести почти растительный образ жизни.

Интересно, что эксперимент продвигался с успехом на совершенно разных теоретических платформах. И.А. Соколянский приступил к делу с позиций бехтеревской рефлексологии и получил выдающийся результат: одна из его первых воспитанниц, Ольга Скороходова, стала научным работником и написала книгу. Мещеряков, называя себя учеником Соколянского, был приверженцем культурно-исторической психологии (начинал он как аспирант и сотрудник А.Р. Лурия). Таким образом, опыт воспитания слепоглохих детей вряд ли можно считать решающим, «крестовым» (*experimentum crucis*) в споре научных теорий. Он допускает разные, даже диаметрально противоположные, теоретические толкования.

Отметим один проблематичный момент в докладе Ильенкова — в предложенной им концепции формирования психики. Поэтапное обучение языку начинается с предметного жеста, утверждают Ильенков и Мещеряков. У слепоглохих детей — да, но является ли этот принцип *всеобщим*? Другие сторонники культурно-исторической теории, в числе которых и такие корифеи детской психологии, как Д.Б. Эльконин и Л.Ф. Обухова, считают первичной формой общения эмоциональную реакцию ребенка на взрослого («реакция оживления», открывающая период младенчества). Развитие эмоциональной жестикуляции и мимики, «пассивной» и «лепетной» речи предшествует появлению предметных жестов и образует основу словесно-речевого общения. Добавим, что большинство жестов, сопровождающих речь на протяжении жизни, являются эмоциональными, а не предметными.

В данном случае опыт слепоглохих скорее искажает картину развития языковых форм. Так, обыкновенная мимика формируется у них при помощи языкового общения и рельефных масок (изобретение Соколянского). Искусственное «включение» этой простейшей формы общения драматически изменяет психику слепоглохих, расширяя ее эмоциональный горизонт. А.Н. Леонтьев, бывший свидетелем опытов Соколянско-

го еще в харьковский период, характеризовал наступившую перемену словом «чудо». «Речевое общение, пополнившись мимическими, эмоциональными, иначе говоря, компонентами для окружающих, зрячих людей, сделало общение с ними более синтонным, как мы говорим, то есть больше настроенным на эмоциональный фон, на наличные эмоции» [2, с. 472].

Сосредотачивая все внимание на поисково-ориентировочной деятельности и предметном общении, в процессе которого осуществляется интериоризация общественных форм деятельности, «идеального», Ильенков оставляет «на другой стороне Луны» аффективную природу общения и речи.

Простейшую форму психической деятельности (в докладе она именуется «интуицией») Ильенков усматривал в движении живого тела по пространственным контурам внешних вещей. Эта форма движения, а тем самым и геометрия внешнего мира, кодируется в физиологической структуре тела — «мышц, нервов, мозга», — так возникает образ чувств. Впоследствии, когда то потребуется, предметная деятельность производит «обратное развертывание» пространственного образа в форму движения тела. Данную схему рождения психики из предметного действия Ильенков иллюстрировал кейсом «Юля и овраг».

Так понятая «интуиция» обща высшим животным и людям. Специфически человеческая деятельность у Юли начинается с построения *предметной модели* действия: ориентируясь на полученный образ, рука воспроизводит форму передвижения тела в овраге на поверхности пластилина. Гегель именовал такого рода акции «овнешнением» (*Entäußerung*). Тем самым слепоглая девушка сделала состояние *своей* психики доступным *для чужой*. Элементарный художественный акт, который она совершила, конвертировал образ в *знак*: пластилиновая фигурка обрела *значение*, сделавшись предметом человеческого общения.

В Загорском эксперименте культурная «система действий и значений» поначалу обслуживает биологические потребности. Высшая, человеческая психика возникает в тот самый миг, когда отношение между биологическим и культурным переворачивается: отныне человек «ест, чтобы жить» культурной жизнью, а не «живет, чтобы есть», отмечает Ильенков. Этот революционный переворот, в котором рождается *личность*, игнорируют эволюционистские теории психики, такие как фрейдизм.

В публикуемом докладе вдумчивый читатель найдет и другие ценные ходы мысли. На нескольких страницах перед нами — насыщенный концентрат идей, добытых Ильенковым на протяжении пяти лет участия в одном из самых сложных и блистательных научных экспериментов прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганзел И. Ильенков и язык // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 117—127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
3. Маркс К. Капитал. Том I. М.: Политиздат, 1983. 906 с.
4. Мещеряков А.И. Формирование психики у слепоглухонемых // [Электронный ресурс]. URL: <http://vygotsky.tk/aime1969.pdf>
5. Jornet A., Cole M. Introduction to symposium on Vygotsky and Spinoza // Mind, Culture, and Activity. 2018. Vol. 25. № 4. P. 340—345. DOI: 10.1080/10749039.2018.1538379

REFERENCES

1. Hanzel I. Ilyenkov i jazyk [Ilyenkov and language]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2019, no. 2, pp. 117—127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1 (in Russ.).
2. Leontiev A.N. *Lekcii po obshchej psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl, 2001. 511 p. (in Russ.).
3. Marx K. *Capital*, vol. I. Moscow: Politizdat, 1983. 906 p. (in Russ.).
4. Meshcherjakov A.I. *Formirovanie psikhiki u slepogluhkhonemykh* [Formation of mind in deafblind persons]. Available at: <http://vygotsky.tk/aime1969.pdf> (in Russ.).
5. Jornet A., Cole M. Introduction to symposium on Vygotsky and Spinoza // *Mind, Culture, and Activity*. 2018, vol. 25, no. 4, pp. 340—345. DOI: 10.1080/10749039.2018.1538379

Информация об авторах

Ильенков Эвальд Васильевич (1924—1979).

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (ФГАОУ ВПО НИУ «БелГУ»), г. Белгород; ассоциированный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Information about the authors

Ilyenkov Evald Vasilievich (1924—1979), PhD in Philosophy, Senior Research Associate at the Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences, Moscow.

Andrey D. Maidansky, PhD in Philosophy, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; Research Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Получена 05.05.2021

Received 05.05.2021

Принята в печать 01.11.2021

Accepted 01.11.2021

ЖИВАЯ СИСТЕМА (КОММЕНТАРИЙ А.В. СУВОРОВА К ДОКЛАДУ Э.В. ИЛЬЕНКОВА «К РАБОТЕ МЕЩЕРЯКОВА»)

А.В. СУВОРОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: asuvorov@yandex.ru

Для цитаты: Суворов А.В. Живая система (Комментарий А.В. Суворова к докладу Э.В. Ильенкова «К работе Мещерякова») // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 175—179. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290411>

LIVING SYSTEM (COMMENTARY BY A.V. SUVOROV TO THE REPORT BY E.V. ILYENKOV “TO THE WORK OF MESHCHERYAKOV”)

ALEKSANDR V. SUVOROV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
e-mail: asuvorov@yandex.ru

For citation: Suvorov A.V. Living System (Commentary by A.V. Suvorov to the Report by E.V. Ilyenkov “To the Work of Meshcheryakov”). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 175—179. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290411>

Памятка для устного доклада Эвальда Васильевича Ильенкова «К работе Мещерякова» очень ясно отвечает на вопрос, которым после его

смерти многие задавались, в том числе и его последователи: что могло привлечь философа в работе психолога, руководящего Загорским экспериментом, т. е. психолого-педагогическим процессом Загорского детского дома для слепоглухонемых? (Так он назывался официально с момента открытия; сейчас — для слепоглухих, потому что на самом деле далеко не все слепоглухие — немые, и когда таких позднооглохших слепых, как я, обзывают с разбега, по привычке, слепоглухонемыми, нас это очень обижает и злит.)

Я склонен думать, что главная книга Э.В. Ильенкова — «Об идолах и идеалах», потому что стержнем, ядром, центром всего его теоретического творчества является *восхождение к личности*, гармонично и все-сторонне развитой. Как возможна такая личность? Каков путь, маршрут восхождения к ней?

Именно *восхождение к личности*, потому что становление личности происходит именно по диалектическому закону восхождения от абстрактного к конкретному, по закону, обоснованию которого посвящена первая книга Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Эта книга предредила творческую встречу Эвальда Васильевича Ильенкова с Александром Ивановичем Мещеряковым, их творческое содружество, настолько тесное, что Эвальд Васильевич принял непосредственное участие в Загорском эксперименте, особенно в организации и руководстве обучением четырех слепоглухих воспитанников Загорского детдома на факультете психологии МГУ. Практически помогая А.И. Мещерякову на итоговом этапе Загорского эксперимента, Э.В. Ильенков как теоретик непрерывно думал об исходном его этапе — о самом начале восхождения к личности. И это видно, в частности, и из памятки к докладу «К работе Мещерякова», посвященной в основном диалектике речевого развития ранооглохших — с рождения или с очень раннего детства, — слепоглухонемых.

При чтении памятки мое внимание прежде всего приковали размышления Ильенкова о том, что любой язык — жестовый или словесный — это не случайный набор, не сколь угодно огромный «запас» жестов или слов, а восходящая в своем развитии от абстрактного к конкретному *живая система*. Любой язык, не только жестовый, это, пишет Ильенков, «система, находящаяся в процессе саморазличения». С самого начала — система, развивающаяся по мере конкретизации отношений субъекта с реальностью. Развитие системы — «это всегда процесс выделения в составе суммарного действия его деталей. От абстрактного к конкретному», от зародыша, клетки — к «организму». От всеобщего — к подробностям.

«Система значений» (сначала жестов, потом слов) растет именно как система, а не как коллекция «значений». Поэтому-то слова и становятся сразу же в определенные грамматические и логические конструкции,

схемы, их не приходится потом «связывать» особо. Напротив, все идет по линии выделения, анализа сложного психического образования, а не по линии синтеза такового из разрозненных «простых».

Анализ целого на части, а не механическая сборка, синтез частей в целое. Конкретизация от целого к частям, а не абстрагирование от частей к целому. Помню это со студенческих лет: механический принцип — от частей к целому, сборка целого механизма из комплекующих; органический принцип, в живой природе — рост организма из зародыша. В данном случае — рост речевого «организма», «организма» общения.

Ильенков ищет диалектический переход от первоначальных жестов к первоначальным словам, от удовлетворения физиологических нужд и сигнализации о них первоначальными жестами — к превращению физиологических нужд в человеческие, культурные, потребности, и обо_ЗНАЧ_ению их _ЗНАК_ами — словами. А я, следя за его мыслью, думаю о том, что тут-то психолого-педагогическая практика и спотыкается. Не потому ли, что жестовая и словесная речевые системы совершенно разные? И если сразу вместо жестов нельзя давать слова, тем более громоздким дактильным (пальцевым) алфавитом, то и позволить жестовой системе чересчур уж «конкретизироваться» в родной язык, в основное средство общения, тоже ни в коем случае нельзя. Между тем стихийно такая «конкретизация» происходит так быстро, что не успеешь оглянуться, как перекресток, на котором следовало свернуть к «конкретизации», развитию системы слов, а не жестов, оказывается далеко позади. В подавляющем большинстве случаев специалисты стоят перед фактом, что этот «перекресток» учениками давно пропущен еще до попадания в руки специалистов. И приходилось (в 1970-е годы во всяком случае) объявлять жестам беспощадную войну не на жизнь, а на смерть, запрещать их, силой заставлять учеников пользоваться только словами, ни в коем случае не жестами.

Война, потому что Эвальд Васильевич не раз мне говорил, что на жестовый язык ни Достоевского, ни Гегеля не переведешь. Не знаю уж, как священники переводят на жестовый язык церковную службу... Пересказ текущего действия, но никак не перевод Библии... Впрочем, многие глухие и слепоглухие более или менее все же владеют русским языком, им даже предлагают во время службы роль чтецов библейских отрывков...

Конечно, насильно мил не будешь, и на практике специалисты общаются с глухими и слепоглухими учениками на их родном — жестовом — языке, а любому словесному — русскому, немецкому, английскому — учат как иностранному. Какой уж там Гегель и Достоевский, их далеко не каждый и зрячеслышащий читает, не до жиру, быть бы живу... А духовное развитие — ну какая вам еще духовность нужна, вот же храм, а в нем глухие, слепоглухие и пастыри, владеющие и жестами, и дактиль-

ным (пальцевым) алфавитом. Но я лично, хоть и знаю тексты Библии (Ильенков первый и начал меня с ними знакомить, цитируя в письме ко мне «Экклезиаста»), на церковной службе только присутствую, а то и попросту сплю, и что такое литургия, так и не понял.

«К работе Мещерякова» — всего лишь памятка, в которой подразумевается неизмеримо больше, чем формулируется. И с ильенковской концепцией интуиции лучше знакомиться по третьему тому его собрания сочинений, по знаменитой работе «Об эстетической природе фантазии» и ее варианту в книге «Об идолах и идеалах», главе «Что на свете всего труднее?». Ту интуицию, которую проявила Юлия Виноградова, вылепив после прогулки овраг, я в детстве тоже проявлял: соорудил из конструктора Хотьковский железнодорожный мост, который как-то весь облазил на прогулке. Пишу про такую интуицию, хоть и с улыбкой, но без кавычек: действительно, воплотить ощупывание всем телом в точный образ — это не так-то просто.

Читая в студенческие годы книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», главу про водяных землероек, я недаром узнал в этих зверьках себя. Это я лазил с ориентировочной тростью слепых во все тупики, не позволяя окружающим зрячим услужливо вести меня по прямой в полную неизвестность. Изучив тупики, я сам оптимизировал постепенно свой маршрут. И до сих пор так хорошо помню, что могу подсказывать зрячим сопровождающим, которые сейчас возьят меня в инвалидной коляске, куда и где повернуть. Лоренц пишет, что водяные землеройки, пока не сориентируются, еле ползают, ощупывая обстановку буквально миллиметр за миллиметром. Зато потом носятся по изученным маршрутам с огромной скоростью. Но Лоренц однажды убрал с их дороги кирпич. Первая же водяная землеройка, подпрыгнув и плюхнувшись в воду, вернулась туда, где знакомый маршрут обрывался, и начала методично ощупывать дорогу в поисках знакомого продолжения пути. Найдя его и соединив концы разорванного маршрута, она снова понеслась по знакомой траектории с огромной скоростью. Совсем как я... много лет назад, в молодости...

Это действительно интуиция — создавать и хранить в памяти пространственные, да и любые другие, образы. И опознавать их по немногим сигнальным признакам (см. статью А.И. Мещерякова «О вероятностном характере восприятия»).

А вся невербальная ориентировка слепоглухих, определение эмоционального состояния и просто физического самочувствия собеседника, прикоснувшись к его руке? К тебе прикоснулись, взяли твою ладонь в обе свои, и ты сразу определяешь, что этот человек очень добрый, нежный, деликатный. Что это, если не интуиция? А как я злился когда-то, что-то рассказывая, а меня в самый патетический момент начинали поглажи-

вать по руке? Я тут же терял связь речей, и эти ситуации заставили меня сформулировать, что для слепоглухих нет случайных, ничего не значащих, движений собеседника. Пусть безотчетно, однако собеседник всегда о себе что-то мне сообщает. Эмоции — не просто фон, а контекст, еще одна система общения, развивающаяся от абстрактного к конкретному, к тончайшей иногда чуткости, а не «чувствительности». Культура чуткости, когда на самом деле единственный орган чувств — именно интуиция.

Когда недавно овладевший дактилологией (пальцевым алфавитом) мой друг сказал однажды, что он дактильно «пишет», я поправил его:

— Ты не пишешь, а говоришь! Это прямое, непосредственное общение, хотя и по законам письменной речи!

Информация об авторах

Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарного образования инвалидов, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: asuvorov@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Suvorov, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, e-mail: asuvorov@yandex.ru

Получена 05.05.2021

Received 05.05.2021

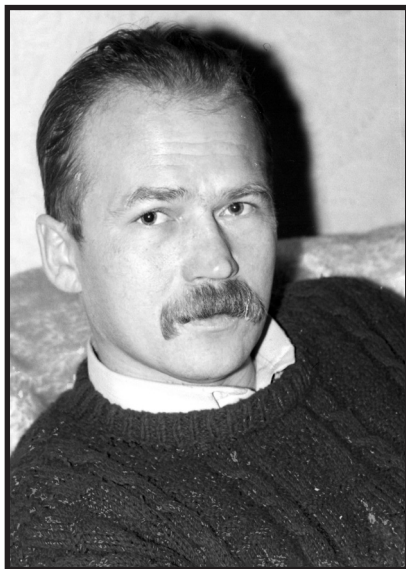
Принята в печать 01.11.2021

Accepted 01.11.2021

**ПАМЯТИ В.И. ОЛЕШКЕВИЧА
IN MEMORY OF V.I. OLESHKEVICH**

**В.И. Олешкевич
(02.04.1961 — 06.07.2021)**

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ОЛЕШКЕВИЧА

Для цитаты: Бурлакова Н.С. Профессиональный путь Валерия Ивановича Олешкевича // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 180—182. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290412>

For citation: Burlakova N.S. The Professional Path of Valery Ivanovich Oleshkevich. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 180—182. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290412>

Олешкевич Валерий Иванович (02.04. 1961 — 06.07.2021) — психолог, клинический психолог, кандидат философ. наук. Родился в Брестской области, Беларусь. Путь в психологию был непростым: до поступления на факультет психологии МГУ на протяжении трех лет с отличием учился на факультете математики в техническом вузе. Однако интерес к философии и психологии, проявившийся достаточно рано, стал основным и привел на факультет психологии Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, который окончил обучение в 1991 году на кафедре возрастной психологии. Начиная с 1983 года, долгое время работал в рамках методологического и игрового движения, сотрудничал с О.С. Анисимовым и другими непосредственными учениками Г.П. Щедровицкого. Окончил аспирантуру по философии, а затем и психологии (МГУ имени М.В. Ломоносова). В 1997 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Психоанализ как феномен новой психотехнической культуры». Проходил переподготовку по клинической психологии в МГУ имени М.В. Ломоносова, на факультете клинической психологии 3-го Медицинского института (г. Москва), работая в учреждениях практического здравоохранения, получил квалификацию «клинический психолог высшей категории».

Глубокий интерес к научному познанию, «методологический слух» к мышлению, неизменный интерес к возможностям междисциплинарных исследований, к российской культурно-исторической психологии и ее методологии творчески был реализован Валерием Ивановичем: 1) в изучении проблем социальной природы психологического и клинко-психологического знания (на примере концепций З. Фрейда, А. Адлера, Э. Эриксона, П.Я. Гальперина и др.); 2) в оригинальном рассмотрении происхождения психологических концепций как производных от психотехнических структур человеческого опыта; 3) в разработке авторского понимания психотехники, во-первых, как техники производства и воспроизводства сознания (внешняя культурная форма); во-вторых, как элемента самосознания человека; в-третьих, как формы развития сознания и самосознания; 4) в психотехническом анализе психотерапии, ее истории и логике развития. Этому посвящены книги «Рождение новой психотехнической культуры», «История и логика развития европейской психотехники», «Психология как психотехника», «Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера», «Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинко-психологического знания)» (в соавт.). На протяжении всей научной и творческой биографии происходило постоянное обращение к изучению культурно-исторической психологии и методологии Л.С. Выготского, концепции П.Я. Гальперина, диалогической психологии М.М. Бахтина и развитию эвристики этих взгля-

дов в области системного культурно-исторического анализа в клинической психологии, психологии развития, прикладной психологии. На базе этих взглядов (в сотрудничестве и соавторстве с Н.С. Бурлаковой) был осуществлен анализ истории и методологии проективных методов, описана ситуация получения проективных данных, а также создан ряд авторских модификаций для их аналитики; предложены новые рефлексивные средства для рассмотрения патопсихологической диагностики в рамках традиции московской школы патопсихологии; произведен анализ отдельных линий в развитии детской психотерапии; представлены образцы глубинного герменевтического и культурно-исторического анализа индивидуального случая (в том числе биографии создателя концепции идентичности Э. Эриксона) и т. д.

Начиная с конца 90-х гг., Валерий Иванович периодически читал курсы лекций в различных вузах и был погружен в практическую работу с детьми с ОВЗ, девиантными подростками, проблемными подростками, в том числе с самоповреждающим поведением, с которыми он взаимодействовал по линии благотворительной организации «Новый дом» (помощь несовершеннолетним в местах лишения свободы), позже — во время практической работы в детской городской поликлинике № 67 г. Москвы (где проработал более 15 лет), Московском НИИ наркологии, последние годы — в НПЦПЗ ДП имени Г.Е. Сухаревой. Этот опыт стал источником рефлексии, итоги которой были представлены в работах, посвященных вопросам системной психологической и социальной помощи семье и ребенку с ОВЗ, проблемам прикладной психологии в медицине, разработке различных аспектов культурно-исторической психологической диагностики, профилактики и реабилитации. В общей сложности лично или в соавторстве было написано 11 книг и около 130 статей.

Тексты Валерия Ивановича — это развернутая перед читателем «ткань» мышления, это выражение готовности и умения понимать, а затем додумывать мысль до ее предела, погружаясь в сложные и напряженные диалоги, заглядывая в основания современной психологии и психотерапии и усматривая логику их дальнейшего развития. Надеемся, что выношенные, аналитически продуманные Валерием Ивановичем мысли и идеи продолжат свою жизнь и в науке будущего.

Н.С. Бурлакова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Холмогорова Алла Борисовна — доктор психологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гаранян Наталья Георгиевна — доктор психологических наук, профессор

Зарецкий Виктор Кириллович — кандидат психологических наук, профессор

Майденберг Эмануэль (США) — доктор психологии, клинический профессор психиатрии

Польская Наталия Анатольевна — доктор психологических наук, профессор

Филиппова Елена Валентиновна — кандидат психологических наук, профессор

Холмогорова Алла Борисовна — главный редактор, доктор психологических наук, профессор

Шайб Питер (Германия) — доктор естественных наук, психотерапевт

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бабин Сергей Михайлович — доктор медицинских наук, профессор

Бек Джудит С. (США) — доктор психологии, клинический профессор

Гулина Марина Анатольевна (Великобритания, Россия) — доктор психологических наук, профессор

Кадыров Игорь Максutowич — кандидат психологических наук, доцент

Карягина Татьяна Дмитриевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

Копьев Андрей Феликсович — кандидат психологических наук, профессор

Кехеле Хорст (Германия) — доктор медицины, доктор философии, профессор

Лэнгле Альфريد (Австрия) — доктор медицины, доктор философии, почетный доктор, приват-доцент, профессор

Орлов Александр Борисович — доктор психологических наук, профессор

Осорина Мария Владимировна — кандидат психологических наук, доцент

Перре Майнрад (Швейцария) — доктор психологии, почетный профессор

Петренко Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Петровский Вадим Артурович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Соколова Елена Теодоровна — доктор психологических наук, профессор

Сосланд Александр Иосифович — кандидат психологических наук, доцент

Тагэ Сэфик (Германия) — доктор медицины, психолог

Щелкова Ольга Юрьевна — доктор психологических наук, профессор

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию¹

1. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте или на электронных носителях). Адрес электронной почты журнала: moscowjournal.cpt@gmail.com

2. Объем материала не должен превышать 40 тыс. знаков.

3. Оформление материала: шрифт Times New Roman, 14, интервал 1,5. Ссылки на литературные источники внутри текста оформляются в виде номера источника из списка литературы в квадратных скобках.

4. Кроме текста статьи должна быть предоставлена также следующая информация:

аннотация статьи (1000—1200 знаков) на русском и английском языках;

ключевые слова на русском и английском языках;

пристаетные библиографические списки. Подробные рекомендации и требования к оформлению списка литературы и транслитерации представлены на сайте: http://psyjournals.ru/files/69274/references_transliteration_rules.pdf

5. Информация об авторах:

ФИО, страна, город, ученое звание, ученая степень, идентификационный номер в ORCID, место работы, должность, членство в профессиональных сообществах и ассоциациях, научные интересы, дата рождения, контактная информация (тел., факс, e-mail, сайт), фото в электронном виде (100 × 100, 300 dpi).

В случае если материал предоставляется несколькими авторами, необходимо предоставить информацию обо всех авторах.

6. Рисунки, таблицы и графики необходимо дополнительно предоставлять в отдельных файлах. Рисунки и графики должны быть в формате *.eps или *.tiff (с разрешением не менее 300 dpi на дюйм). Таблицы — сделаны в WORD.

Редакционные правила работы с материалами

1. Публикация в журнале является бесплатной.

2. Материалы, поступившие в редакцию, проходят обязательное рецензирование.

3. Решение о публикации принимается редколлегией на основании отзывов рецензентов.

4. Рецензентов назначает редколлегия журнала.

5. В случае отрицательных отзывов рецензентов представленные материалы отклоняются.

6. Несоответствие материалов формальным требованиям (http://psyjournals.ru/info/homestyle_guide/article_requirements.shtml) является основанием для отправки материала на доработку автору.

---

¹ С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте: http://psyjournals.ru/info/homestyle_guide/index.shtml